

ПЕРЕПИСКА С А. М. РЕМИЗОВЫМ (1905—1920)

Вступительная статья З. Г. М и н ц

Публикация и комментарии А. П. Ю л о в о й

Взаимоотношения Блока и Ремизова сравнительно редко привлекали внимание исследователей¹. Между тем эти многолетние отношения (Блок познакомился с Ремизовым в 1905 году), в 1911—1913 гг. принявшие дружеский характер, весьма существенны для творчества обоих художников. Достаточно указать хотя бы на беспорную роль Ремизова в становлении такой кардинальной поэтической темы зрелого Блока, как тема России. Настоящая статья не претендует на целостное раскрытие вопроса о Блоке и Ремизове. Ее цель — лишь указать на выявляющиеся в публикуемой переписке основные этапы и линии связей двух художников, а также на значение и специфику самой этой переписки.

Творчество Ремизова не сразу привлекло внимание Блока. Так, 8 марта 1904 г. в письме к С. Соловьеву он пренебрежительно отзывается о напечатанных в альманахе книгоиздательства «Гриф» (М., 1904) произведениях Ремизова («Молитва», «Последний час», «Иван Купал»): «А. Ремизов неудобочитаем от скуки» (VIII, 96). Отзыв этот понятен. Из трех рассказов Ремизова, опубликованных в «Альманахе «Гриф»², два первых — вполне традиционные для декаданса 1890-х годов размышления о горечи жизни («Молитва») или столь же типичные для первых шагов младосимволистской прозы надежды на смерть—воскресенье («Последний час», ср. в этом же альманахе выдержанный в близком кругу образов рассказ Н. Петровской «Последняя ночь» или стихотворение Эллиса «Вакханалия»). Лексико-семантический облик этих рассказов, ориентация на ритмизованную прозу, — все это у Ремизова пока что ничем не возвышается над уровнем средней декадентской прозы конца XIX—начала XX в., например, от малоталантливых произведений А. Миропольского (Ланга), первых наивных прозаических опытов Ю. Балтрушайтиса и т. д. Лишь последний рассказ написан в совершенно иной манере, в которой видно своеобразие Ремизова-художника, соединяющего быт, интерес к фольклору и обряду с тонким знанием народного языка. Впоследствии Блок высоко оценит сборник Ремизова «Посолонь» (1907), куда войдет и рассказ «Иван Купал».

Однако приблизительно с середины 1904 г. интерес Блока к Ремизову возрастает: он упоминает (в рецензии на роман Рапильд) один из переводов Ремизова (см. V, 560). В этом же году Блок не только вступает с Ремизовым в деловые отношения (связанные со службой Ремизова в конторе «Вопросов жизни» и сотрудничеством Блока в этом журнале — см. VIII, 132), но и начинает ощущать яркую индивидуальность его творческой манеры. Посвящение Ремизову стихотворения «Болотные чертенятки» (январь 1905 г. — см. II, 10) и первой редакции стихотворения «Легенда» (см. комментарий Вл. Орлова: II, 419—420) позволяет понять, как именно представлял себе Блок «ремизовское» поэтическое мироощущение. Оно соединялось с поисками того художественного метода, который сам поэт характеризовал как «мистицизм в повседневности» и который для него (как и для Ремизова) был связан со стремлением «синтезировать» символистскую поэтику и реалистические традиции. Оба писателя стремятся сочетать «реальность» как тему искусства (природа в первом стихотворении, город — во втором) с мистической и символической интерпретацией изображаемого. Блок во многом именно через Ремизова осваивает реальный мир как мир «нижней мистики» — бедной, «нищей природы» с ее «воплощениями» — «чертенятами да карликарами» («Пузыри земли», 1904—1905. II, 20). Мир этот, может быть, и бывает добрым («Болотный попик», «Старушка и чертенята»)³, но он, так сказать, исконно ненормативен, и его порождения — детски наивные, «дурашливые», забавные уродцы. Это типичное для Ремизова чувство природы (сложно связанное с традицией Достоевского) равно отличается в «Пузырях земли»

и от природы XIX в. — ощущения природы как высокой «нормы», и от декадентской апологетизации зла (злая мистика характерна для произведений из городской жизни и изображается совсем в иных тонах). Ремизовское чувство природы соединяет яркость фантастики, опирающейся на фольклор, и миф, с острым ощущением реальных деталей и глубокой, хотя и болезненной, любовью к родному, русскому. Все это тоже очень важно для Блока — автора «Пузырей земли» (за исключением ремизовских «ужасов»). Почувствовал Блок и такую существеннейшую особенность Ремизова, как путь к воссозданию мироощущения через язык, сказовую и стилизующую природу его произведений (ср. фольклоризмы, разговорные интонации «Болотных чертеняток», элементы стилизации и эпиграф из «латинской рукописи XVI века» в первой редакции «Легенды» — II, 419—420). Можно сказать, что весь цикл «Пузыри земли» создан в той или иной степени «под знаком Ремизова» и что отраженное здесь чувство природы одинаково далеко от «высокой» мистики «Стихов о Прекрасной Даме» и от концепции русской природы как одного из воплощений «духа музыки» в лирике «третьего тома» (ср. особенно циклы «Арфы и скрипки», «Кармен», «Родина»). Это — «первая волна» ремизовских воздействий на творчество Блока.

К 1905 г. относится и начало переписки Блока и Ремизова. Первые письма Блока (и переписка этих лет в целом) падают на летние месяцы, когда Блок живет в Шахматове. Зимой непосредственные контакты двух петербуржцев становятся более интенсивными.

В первом письме (см. VIII, 126) Блок высоко оценивает печатающийся в это время роман «Пруд», подчеркивая типично ремизовское яркое ощущение реального, сенсорно воспринимаемого мира («чувство «скарба» и запахов»), его поэтичность. Но Блок выделяет и то, что для него чуждо: безысходность декадентского, «ужаса», который должен быть преодолен авторской точкой зрения («Надо же, чтобы конец романа обсудился, а то — ужас»).

В письмах Ремизова к Блоку с самого начала бросается в глаза соединение искренней теплоты тона и подспудно идущей линии своего противостояния Блоку и даже некоей скрытой «учительности». В первом, пасхальном (17 апреля 1905 г.) письме он цитирует стихи о богородице из монографии о «Хождении Богородицы по мукам» и народный «стих удивительный». Подчеркивая близость образа богородицы «Стихам о Прекрасной Даме», Ремизов замечает: «Почему Вы не назвали книгу: Стихи о прекрасной ДЕВЕ?

Дама в глубинах Geist'a русского языка никогда не скроется» (с. 82). Постоянное восприятие творчества Блока в зависимости от того, как отразились в нем русские национальные начала и «Geist'a русского языка» составит один из важнейших мотивов не только переписки, но и взаимоотношений художников в целом (ср. косвенное отражение присланных Ремизовым стихов о богородице в стихотворении «Ты проходишь без улыбки. . .» — 29 октября 1905 г.; II, 177—178).

Оценка творчества Ремизова Блоком становится все более высокой. 21 декабря 1906 г. он записывает: Ремизов расцветает совсем. Большое готовится время. «Чертик» Ремизова великолепен, особенно если слушать его из его уст (даровитейший чтец). . .» (ЗК, 85). Связь Ремизова со стихией устной речи Блок будет ощущать и ценить всегда. Но высокое мнение Блока о рассказе «Чертик» особенно интересно потому, что, по мнению поэта, в страшное царство мещанства Ремизов включил и мир сектантов (как — позже — будет и в «Серебряном голубе» Андрея Белого). Такая оценка не могла не противопоставляться Блоком сочувственному интересу к сектантам, характерному для Мережковских⁴. И хотя Блоку в 1907—1908 гг. точка зрения Мережковских будет представляться особенно интересной, ремизовское изображение хлыстовства тоже кажется ему вполне убедительным. Может быть, отчасти с ремизовской позицией связано то, что интерес Блока, в отличие от Мережковских, Л. Семенова да и большинства символистов, постепенно сосредоточивается не на сектантстве, а на старообрядчестве («Меня пытали в старой вере. . .» — 27 октября 1907 г.; «Задебренные лесом кручи. . .» — октябрь 1907—29 августа 1914 г., III, 248; «Песня Судьбы» и др.).

В статье «Литературные итоги 1907 года» (ноябрь—декабрь 1907 г.) Блок впервые высказывается о Ремизове как критик. Он подчеркивает постоянный рост Ремизова-художника, «мятежные» поиски «своего стиля и языка» (V, 226). С позиций, характерных для периода статей об интеллигенции и народе (1907—1908), Блок утверждает ценность пути Ремизова от декадентства, с его «тяжелой, угарной и мучительной» атмосферой

(«Пруд», который Блок сближает с творчеством Пшибышевского), к «просветленному» взгляду на мир, увиденному Блоком в «благоуханном воздухе нестеровских картин» (V, 226—227), наполняющем произведения Ремизова 1907 г. Сопоставление с живописью Нестерова подчеркивает обращенность Ремизова к национальным и национально-православным началам как к поэтическому идеалу. Следует отметить, что этот отзыв Блока тонко указывает именно пути дальнейшей эволюции Ремизова. Но высказывание поэта имеет и иной смысл. Блок видит в ремизовских произведениях 1907 г. озаренность «темной стихии» «голубым сиянием». В «сиянии» идеала происходит светлое преображение «дикой, исстрадавшейся и испуганной души». Это умение увидеть человеческую жизнь и душу «в прозрачном свете», найти в них подлинно человеческое, Блок в других статьях 1907—1908 гг. связывает с демократическими тенденциями искусства, с гуманизмом и реализмом и противопоставляет декадансу с его «критикой человеческого».

В 1906—1907 гг. встречи Блока и Ремизова носят еще довольно нерегулярный характер. Можно даже предположить, что взаимная заинтересованность в 1905 г. сменяется в 1906—1907 гг. некоторым охлаждением. Оно в значительной мере порождено разочарованием Блока в «Пруде» как целостном произведении (ср. выше высказывания на эту тему в письме и критика Блока; в 1908 г. Блок, задним числом, прямо пишет Ремизову: «Вы испортили себя для меня «Прудом» года на два — VIII, 257). Вероятно, и Ремизову в «Нечаянной радости», «лирических драмах» и публицистике Блока много было очень чуждым. Возникновение нового интереса датируется 1908 г. Для Блока она связана в первую очередь с такими произведениями Ремизова, как «Посолонь», «Лимонарь», «Бесовское действо» (см. V, 227), «Чертов лог», «Часы», для Ремизова — с «Песней Судьбы». В письме от 28 апреля 1908 г. Блок приглашает А. М. Ремизова и С. П. Ремизову-Довгелло на чтение «Песни Судьбы». 1 мая 1908 г. Ремизов дарит Блоку книгу своих переводов, пометив дату: «В день чтения драмы Блока «Песня Судьбы» (см. с. 127).

Записывая 2 мая итоги состоявшегося накануне обсуждения драмы, Блок отмечает: «На всех произвело впечатление <...> Верховский об аллегоричности. Особенно протестует против «России» (и Ремизов тоже, и все, более или менее). — Ремизов говорит, что коробейники говорят не совсем по-русски — интернационально» (ЗК, 106). Как видим, в центре внимания оказались две проблемы: вопрос о концепции и способах выражения национальной идеи и о художественном методе драмы.

Ремизову-художнику, для которого национальное составляло самое основу поэтического видения мира, определяя все — от языка и стиля до темы и круга главных для него жизненных проблем, — решение «национальной идеи» в «Песне Судьбы» должно было оказаться (и, видимо, оказалось) одновременно и близким и чуждым. Близким — в общемировоззренческом плане: в утверждении Блоком ценности национальных начал, в их совмещенности с поэтическим идеалом «Песни Судьбы», в мысли о необходимости для интеллигенции искать пути к народу, а также — быть может, прежде всего — в ощущении трудности этих путей. Чужим — во всем, что составляло специфику художественного и непосредственно человеческого чувства России в «Песне Судьбы». И центральный персонаж блоковской драмы, лишь идущий к России, но все еще бесконечно далекий от нее, и средоточие чувства Родины — язык (в «Песне Судьбы» постоянно опирающийся на фольклорную и разговорно-просторечную стихи, однако, отнюдь не замкнутый в них) — все это было, действительно, не только далеко, но и во многом противоположно Ремизову. Ремизовская устремленность к воссозданию народного «русского мира» была неотделима от раскрытия его «с внутренней точки зрения»: через сказ, органически вырастающий из народной просторечно-разговорной, диалектной и поэтической стихии (дополненной широким включением архаической и архаизованной лексики, историзмов и книжного языка древнерусской литературы, отождествленного с народным), а также через образ рассказчика, полностью совмещенного с этим русским миром, с головой в него погруженного и никаких других «миров» принципиально не знающего.

Напомним, что Ремизов, по всей вероятности, шире и лучше Блока знал европейские языки, чаще выступал в 1900-х годах как переводчик и что, следовательно, «внутрирусская» языковая и мировоззренческая позиция Ремизова — выражение его художественного credo, а никак не спонтанное выявление биографического «я».

Соотношение национальной идеи у Ремизова и Блока сложно и не допускает однозначного истолкования. «Эмпирического» знания народного русского быта, обычаев, истории, религии, обрядовой стороны жизни и культуры и их воплощений в языке — у Ремизова, конечно, намного больше, и знания эти непосредственнее — не случайно корни их ведут не к наблюдениям «со стороны», а к впечатлениям раннего детства и многолетнему опыту жизни в ссылке, в мире «уездной, звериной глуши» (Ф. М. Достоевский). «Внутренняя» точка зрения Ремизова на народный мир противопоставляется у Блока 1907—1908 гг. стремлению увидеть и осмыслить эту жизнь с точки зрения идеалов и норм русской культуры XIX в. (с позиций демократического искусства — ср. некрасовский образ коробейника в финале драмы⁵, концепции человека и народа, восходящие к Л. Н. Толстому, а также постромантическому и почвенническому национальному мессианству Достоевского, Тютчева и Вл. Соловьева). Духовную родину своего художественного мира Ремизов (объективно опирающийся на широчайшую культурную традицию — не только национальную: древнерусская литература, романтизм, Гоголь, Достоевский, Лесков, но и европейскую: немецкий романтизм, французский, польский модернизм и т. д.) субъективно видит в поэзии той самой жизни, которую он изображает. У раннего Ремизова идеал и действительность, по существу, совмещены; его позиция (отчасти близкая Блоку в «Пузырях земли» и «Городе») — примиренность с земным злом, хотя и не радостная (как, например, у Брюсова), а глубоко пессимистическая. Это дает возможность увидеть в ремизовской концепции человека и «земли русской» такие черты, как элементы историзма, глубокое знание народной жизни, преданная любовь при полном отсутствии идеализации (ср. слова Ремизова о «земле русской, в которой таятся верность до смерти, предательство Иудино и подвиг крестный» — с. 127). Вместе с тем, и это, конечно, постоянно чувствовал Блок — в ремизовской полной примиренности с жизненным уродством, во внутренней пронизанности любой красоты — ущербностью, жестокостью или обреченностью на гибель, в представлении (восходящем к типично символистским интерпретациям Достоевского), что истинная красота и не может не быть ущербной⁶, нельзя не увидеть черт декадентского восприятия мира и человека.

Отсюда — и различие будущих путей обоих художников. Формирующийся в 1907—1908 гг. антидекадентский и «облученный» влияниями русского демократизма XIX в. поэтический идеал Блока в каком-то смысле, безусловно, противостоит эмпирической действительности, ему присуще то «двоемирие», которое характеризовало русский реализм XIX в. — противопоставление исторически данного высокой норме «подлинно человеческого» бытия и человеческого характера. Но такое «двоемирие», в иных аспектах, раскрывается как глубинное единство реальности и художнического идеала: оба они имеют земную и человеческую природу, реальность — оказывается жизнью в ее сегодняшних проявлениях, идеал — относится к той же жизни, но в ее «вечной» сущности или в потенциях, которые должны реализоваться в будущем (для «Песни Судьбы» — в грядущей встрече Германа и Фанни).

Эволюция Ремизова, ставшая особенно заметной к 1910-м гг., была иной. Первоначально в его творчестве просто снимается антитеза (или по крайней мере возможность разграничения на уровне персонажей и ситуаций) реальности и нормы.

Одно из главных исходных свойств поэтического дара Ремизова — художественное преображение реально данного, бытового. Его фантазии, самые странные, так же не отделимы от вещей, живых существ, природного и человеческого мира, как идеал, всегда ярко национальный, — от «скарба и запахов» действительности. В этом смысле художественный метод Ремизова (особенно — хотя и не исключительно — раннего) включает даже элементы натурализма — того «натурализма», который присущ и декадентству бодлеровского типа, и младосимволистской вере в «святую плоть». Но одновременно с этим сам Ремизов не более сознает, что красота, необыденность предметного мира, из которого вытекает его чувство России, — свойства его художнического зрения, видения жизни «подстриженными глазами». Он все резче отделяет подлинную реальность от преображенной творчеством, идеальной. К концу 1900-х годов его тяга к осознанию поэтической нормы как противоположной реальности становится все заметней. И когда Ремизов все активнее начнет искать норму, он найдет ее — через стилизацию нововаветных, древнерусских канонизированных и апокрифических житий и легенд — в хри-

стианском и уже национально-православном мире, мире, хотя и всегда сохранявшем у Ремизова трогательно «земные», неповторимо русские и даже иногда языческие черты, однако в главном, самом существенном, — противостоящем исторической реальности. Позднее творчество Ремизова — вариант постромантического национально-религиозного искусства. Все, созданное Блоком в 1907—1908 гг. и в 10-х годах, глубоко провизано воздействием гуманистической художественной традиции реализма XIX в., хотя и никак не уместается полностью в ее рамках.

Восприятие «Песни Судьбы» и в целом творчества Блока 1907—1908 гг. в аспекте «национальной идеи» и творчества Ремизова подсказывает, что перед нами — два пути, каждый из которых имеет свою художественную, социальную и нравственную ценность. Участники дискуссии, однако, подошли к вопросу о национальном начале «Песни Судьбы» иначе, более однолинейно и резко оценочно, что, опять же, типично для решения «здесь и теперь» назревших, больших вопросов. Ремизов, как мы видели, не резко, но настоятельно подчеркивает нерусские образы «Песни Судьбы»: аллегоричность облика России, «интернациональный» язык корабейника. Эта оценка не была принята всеми присутствовавшими на чтении драмы. С одной стороны, как видно из той же записи Блока от 2 мая 1908 г., В. А. Зоргенфрей не согласился с тем, что пьеса далека от национального духа: «В. А. Зоргенфрей отрицает упреки в интернациональности и утверждает, что эта пьеса еще подтверждает знающим меня, что я стану «национальным писателем» (ЗК, 106). С другой стороны, А. П. Иванов, которому драма «очень нравится», считает, что отсутствие однолинейно «русского» — заслуга Блока: «Даже здесь я не провалился в православие (и т. п.), а все смягчено как бы «германским» духом (как и в стихах о России)» (там же). Всего интереснее, однако, реакция самого Блока. Он убежден в правоте художественных решений пьесы («люблю теперь эту вещь более всех, написанных мной» — там же) и своего пути в целом (ср. запись в мае 1908 г. между 3 и 26: «Земля обегованная — путь», в чем поэт видит «тайную сущность «Песни Судьбы» — ЗК, 106). Однако Блоку всегда было присуще стремление принять любую критику, признать справедливой любую чужую точку зрения, особенно освященную в его глазах причастностью к народной. И он соглашается с предложенной Ремизовым оценкой своей позиции как двойственной, а ремизовской — как подлинно русской и потому — более «высокой». Ремизов и в дальнейшем именно так воспринимает соотношение своей и блоковской точек зрения на мир и говорит с поэтом с прежней скрыто «учительной» интонацией. В дарственной надписи на экземпляре романа «Пруд» (14 ноября 1908 г.) Ремизов пишет: «. . . с пожеланием увидеть еще раз Фаину и не заставить сна своего, не разгулять его кофейными разговорами . . . и прикоснуться к земле русской» (с. 127). [Упрек в «кофейных разговорах», противопоставленных Ремизовым блоковской же устремленности к «Фаине» — России, содержал и оценку образа жизни Блока, и протест против «западного» в нем. И то и другое, по всей видимости, представлялось Блоку справедливым. . .

Близка к рассмотренной и вторая тема, прозвучавшая при важном для Блока обсуждении «Песни Судьбы», — вопрос о художественном методе драмы, ее «аллегоризме». Здесь опять-таки видно существенное различие обоих художников: тяга Блока к большим и четким обобщениям, на первых порах, особенно в «Песне Судьбы», действительно обращившаяся аллегоризмом, и принципиальное для Ремизова стремление окунуть все свои самые свободные поэтические фантазии в гуцу национально окрашенного быта, — «скарба» и запахов», по словам Блока (см. с. 83), создавать общую «картину мира» через бесчисленность «единичных случаев», «быличек» и легенд.

Еще одна существенная линия несходства идейно-творческой позиции писателей в 1907—1908 гг. отразилась в письме Ремизова Блоку от 27 октября 1908 г. Письмо это продолжает обсуждение вопроса о нужности или ненужности писательских публичных выступлений, начатое Блоком в статье «Вечера «искусств» (октябрь 1908 г.). В статье мельком упомянут Ремизов как участник одного из таких «вечеров». «Откликаясь», Ремизов пишет: «Я с вами согласен: читать не нужно. А почему не нужно, я совсем по-другому думаю». Причину ненужности Ремизов, в романтическом духе, видит не в опасности «нового искусства» для слушателей (как Блок), а в чуждости своего «русского» творчества современной читательской массе («Когда я читаю, я никого не вижу, ничего не слышу, а вижу свою книгу и слышу свой голос, произносящий русские слова. А так как я люблю

русские слова, то мне приятно произносить их < . . . > Но < . . . > те люди, которые идут на вечера, они в глубине своего сердца прекрасно знают, зачем они идут. И когда слышат, скажем, мои русские слова, они остаются к ним совершенно безразличны, как оставались бы безразличны к словам Достоевского, Толстого и Пушкина» (см. 86; последние слова — полемика с «Вечерами искусства», где Блок писал о том, «почему был прав Достоевский, когда с эстрады «жег сердца людей» «Пророками» Пушкина и Лермонтова» — V, 907. В то время как «стихи < . . . > любого из новых поэтов читать не нужно и почти всегда — вредно», так как у них «нет ореола общественного» — V, 308). Впрочем, безнадёжность контакта с читателем Ремизов распространяет и на искусство в целом. Даже «вечер с Достоевским никого ничему научить не может, не может ни поправить чего-нибудь, ни испортить что-нибудь. Все останется по-прежнему. Боже мой! — После Эдипа и Гамлета развезаются по публичным домам. . .» (с. 86). Отсюда Ремизов делает вывод о «неправде» блоковского позиции и грустно констатирует ненужность (но и возможность, т. е. какую-то неясную для него самого нужность) всякого искусства, и «нового» и старого. Вопрос, поднятый Ремизовым, был очень значим для Блока не только в связи с его критикой символизма в 1907—1908 гг., но и потому, что размышления о смысле, целях, необходимости искусства были для него всю жизнь первостепенно важными. Резко не приняв еще в ранней юности «самоценного» искусства «декадентов» и постоянно разочаровываясь в разного рода эстетических утопиях русского символизма, Блок вновь и вновь задает себе вопрос, для чего же все-таки нужно искусство, явно не могущее «мир спасти», но столь же явно бессмысленное как «самоценность» — если оно вообще ничего не может. Ремизов 900-х годов предлагает свой вариант решения этого «проклятого вопроса». Искусство никак не может воздействовать на жизнь, но, возникшая спонтанно, постоянно возобновляясь в творчестве (а творчество для Ремизова равно «просветленному» быту и, как быт, неистребимо, вечно), оно, возможно, имеет какой-то «тайный» смысл. Художнику остается только печально констатировать свое неверие в «цели» искусства — и одновременно все же отдаваться радующей стихии творчества, уподобляющегося этим своим явным противоречием (бесцельность и одновременно — глубокая внутренняя необходимость) самой жизни. Такое понимание искусства (в нем негрудно усмотреть предэкзистенциалистские тенденции, вообще свойственные позднему символизму) было Блоку решительно чуждым: одна из линий кровных его связей с культурой XIX в. состояла именно в том, что деятельность вне цели (более того — вне цели высокой) утрачивала для него всякий смысл, была равносильна гибели в прямом и точном значении слова. Однако предлагаемое Ремизовым решение и не отталкивало Блока: он не видел в нем ни самонадеянных и неоправданных претензий, отвращавших его от утопий Вяч. Иванова и от проповедей Мережковского, ни сухого рационализма «теорий познания» А. Белого, ни самодовольного эстетства. К голосу Ремизова Блок прислушивается все внимательней.

Рассмотренный «сюжет» завершается неожиданно: в письме от 22 января 1909 г., подтверждая свой отказ выступать на литературном вечере, организуемом социал-демократкой Э. В. Зверевой, Ремизов утверждает, что сам-то Блок читать должен, потому что между ним и публикой контакт есть: «Когда вы читаете < . . . >, столько людей любят вас, а которые и не любят, то улыбаются добродушно. А вы понимаете, что относительно меня это не возможно». В этом пассаже, «исповедально» честном, но, по-ремизовски, слегка лукавом, звучит и признание Блока, и уже известный нам отдаленный намек на различное отношение блоковского и его собственного творчества к «русскости».

В 1909—1910 гг. отношения Блока с Ремизовым вновь переживают некоторый спад: нам не известно ни одного письма Блока, отправленного Ремизову между 31 октября 1908 г. и 11 января 1911 г.; Ремизов, судя по сохраненной Блоком подборке его писем, тоже после отъезда Блоков в Италию писал ему за эти годы только трижды (см. письма № 9—11), — то сетуя на утрату связей (16 ноября 1909 г.), то обращаясь с маленькими деловыми записками. Спад этот вызывался, видимо, многими причинами: общей депрессией, охватившей Блока в разгар и в последние годы столыпинской реакции (весна 1909—1911 гг.), утратой им в это время множества литературных и личных связей, в том числе и таких, которые перекидывали мост от Блока (и Блоков) к Ремизову (и Ремизовым). Здесь в первую очередь должен быть назван Вяч. Иванов, «среди» которого Блок после смерти жены Иванова Л. Д. Зиновьевой-Аннибал почти не посещает. Были, однако, по крайней мере у Блока, и причины творческого характера. Блок 1909—1911 гг. стремится к искусству,

«оформляющему» и гармонизирующему «хаос» действительности. На этом пути Блоку, вполне закономерно, встречается «классик» Брюсов и, столь же естественно, сравнительно редко попадаете Ремизов 900-х годов с его глубочайшей убежденностью в том, что единственная возможная реальность — это хаос и неразбериха, всегда страшная, хотя порой и забавная.

Впрочем, связи писателей в эти годы не прерываются и, что самое главное, не меняют своего характера. Ремизов по-прежнему осторожно направляет вкусы Блока, приглашая его и Любовь Дмитриевну в письме от 15 марта 1910 г. «послушать русские песни» в концерте Н. В. Плевницкой; Блок отвечает (побывав на концерте Плевницкой позже, летом 1913 г.), что, слушая русские песни, он с женой «грустили по этому поводу о своей «немецкости». Высоко оценивают оба писателя творчество друг друга. Ремизов сообщает Блоку о своем «сне» («сны»), творчество и игровые фантазии Ремизова настолько тесно сплетены, и их сплетенность постоянно так обыгрывается художником, что нет никакой возможности определить, что перед нами: рассказ о действительно приснившемся или лукавое скрывание своих «наяву» пришедших мыслей, придавание им некоей «объективности» и «тайного смысла», присущего, по Ремизову, сну). «Сегодня, — сообщает он в том же письме, — я во сне видел Лескова. Он мне сказал, что Вы его очень интересуете и очень Вы ему нравитесь». Лукавая насмешливость (то ли по поводу своей мистификации, то ли по поводу собственного «историко-литературного» сна или языка, его пересказывающего) не умаляет важности для обоих корреспондентов высказанной оценки. Лесков для Ремизова — самый близкий русский художник. На это не раз указывал сам Ремизов: «Имена, под которыми прошла жизнь в России за 44 года (1877—1921) — Достоевский, Лесков»⁷. Говоря о писателях, в чьем творчестве «почувствовалась < . . . > Россия», Ремизов утверждает, что «Лесков на первом месте в литературе»⁸. Поэтому и «признание» Ремизовым Блока «от имени Лескова» свидетельствует, что в самой ремизовской оценке подготавливаются серьезные сдвиги.

Это же можно сказать и об отношении Блока к творчеству Ремизова. В статье «Противоречия» (январь 1910 г.) путь Ремизова рассматривается в связи с любимой идеей блоковской критики 1909—1911 гг. — с мыслью о сложной противоречивости жизни, несводимости ее к какой-то одной поэтической формуле или настроению. Противопоставив друг другу «однострунную» безнадежность лирики В. Полякова и «однострунный» же «развязный» оптимизм С. Городецкого, особенно раздражавший Блока в «глухие» 1909—1911 гг., критик заключает: «Будет, да не так, как говорят Поляков и Городецкий, а по-третьему, и, во всяком случае, по-новому. Иначе уж очень бы все было просто» (V, 414). Непростота жизни, законов истории подчеркивается другой антитезой — Ремизова и бытописателя-«беллетриста» П. Гнедича. Сам факт, что «два писателя в один и тот же год и в одной и той же стране пишут на столь «разных языках», что в России возможно сосуществование Ремизова — «писателя, мученика, творца» — и Гнедича — «литератора», чиновника особых поручений при литературе» — свидетельство «тихого, непоправимого сумасшествия» русской жизни (V, 410).

Блок по-прежнему видит путь Ремизова в отходе от декадентских «вычур», от влияния Пшибышевского (см. V, 407) и в овладении материалом «покорной и плавной, живой и жемчужной» «русской речи» (там же). Теперь Ремизов, по мнению Блока, — «один из самых серьезных и глубоких писателей нашего времени» (там же). Его фантазии — это «весьма реальный клочок нашей души, где все сбито с панталыку, где все в невообразимой каше летит к черту на кулички» (V, 408).

Каким же образом это изображение мирового и современного русского хаоса отвечает выдвигавшемуся Блоком в эти годы требованию «гармонизации» мира? В предваряющих статью набросках в записной книжке от 30 ноября—1 декабря 1909 г. (сделанных в поезде, по дороге в Варшаву к умирающему отцу), Блок пытается связать неудавшиеся попытки «цельного творчества» у Ремизова с тем, что «хаос» Ремизова (противопологаемый «вальжности» и «цельности» «Войны и мира») — это отображение истинного духа современности (ЗК, 161—162). В статье вопрос ставится несколько иначе — как ремизовское творчество этот «хаос» преодолевает? Ответ Блок видит и в прямо выраженной идее Ремизова — в его стремлении «оправдать мир», показать, что «каждая былинка, каждая человеческая мразь — «Гекуба»» (V, 410), и в глубинных структурах его произведений.

Главным носителем поэтического мироощущения, «кристаллами форм» ремизовской мысли Блок, как и прежде, считает «русскую речь». Именно она позволила писателю преодолеть «субъективные лирические опасения» и вывести свое творчество «в объективную эпическую даль» (V, 407). Постоянно варьируемые в «Противоречиях» при разговоре о позднем Ремизове строки из «Евгения Онегина» («даль свободного романа») свидетельствуют и об очень высокой оценке писателя, и о том, что Блок считает ремизовские искания «объективности» искусства близкими к своим: примерно в то же время (1911) он характеризует собственную «трилогию лирики» этими же словами Пушкина (см. I, 559). Конечно, пути преодоления «субъективного» у обоих художников были весьма различными: объективности (внеличности) русской повествовательной стихии Ремизова у Блока соответствовала объективация «лирического сюжета» его поэзии, взгляд на лирику как поэтическую «историю мира», подчеркивание «типического» черт в лирическом герое и героине⁹. Но в известном смысле — и именно в плане преодоления художественного индивидуализма — какие-то этапы пути у Блока и Ремизова действительно совпали.

Не удивительно поэтому, что первая половина 910-х годов вновь знаменуется сближением писателей — и гораздо более тесным, чем все их прежние духовные «встречи».

Письмо Ремизова от 8 января 1911 г. как бы начинает новый этап отношений, подводя итоги того, как за последние годы изменился Блок («Вы вчера меня многим обрадовали. И то, что в Вас произошло и стало, и вся душа Ваша, все это — верно»). Деятельное и тронувшее Ремизова участие Блока в ликвидации конфликта между ним и С. Городецким (см. публикацию переписки Блока с С. М. и А. А. Городецкими в наст. томе), также усилило близость художников.

Блок и Ремизов, начиная с 1911 г., часто встречаются (см. VII — 134, 168, 184, 191, 196, 203, 223, 235, 236, 246, 249; ЗК — 200, 202, 203, 204, 206, 208, 215, 221, 223, 236, 237, 245), ездят (обычно втроем с М. И. Терещенко или с ним и его сестрами) за город, гуляют по городу (см. VII — 139, 142, 166, 173, 225, 226, 231, 238, 249); навещают друг друга (см. VII — 82—83, 87, 94, 136, 143; VIII — 391; VII — 154, 157, 162, 211—212, 213, 222, 226, 240, 245; ЗК — 210, 482), вместе ходят в театр (см. VII, 192; VIII, 410), много беседуют (см., VII — 138, 140, 141, 183, 184, 185, 196, 198, 239; ЗК — 240), иногда — по телефону (см. VII — 165, 167, 168, 169, 171, 174, 177, 179, 180, 181, 185, 186, 189, 195, 197, 199, 206, 211, 215, 216, 226, 227, 229, 230; ЗК — 199, 215, 244, 246, 247, 251, 254, 304). Блок часто говорит о Ремизове: с А. В. Румановым (см. VII, 148, 149), с М. И. Терещенко (см. VII, 163) и т. д. В дневниковых записях Блока 1911—1913 гг. имя Ремизова упоминается почти ежедневно, соперничая по частоте с именем ближайшего друга Блока этих лет — Вл. Пяста.

Отношения Блока и Ремизова покоятся на высокой взаимной оценке творчества (ср., например, слова Блока о Ремизове как «мастере стиля» — VIII, 432), на человеческом расположении (правда, Блок вначале большой теплоты к Ремизовым еще не испытывает: ср. письма к Л. Д. Блок от 10 и особенно от 13 июня 1911 г. — VIII, 347—348, а также дневниковую запись от 4 ноября 1911 г.; однако Уже к 1912 г. чувство близости возрастает и у него). Связывают их также попытки общей литературно-организационной деятельности (планы создания символистского журнала; дела книгоиздательства «Сирин», обсуждение которых, видимо, занимает основное место в разговорах писателей — см. VII, 171, 181 и мн. др.¹⁰; попытки сотрудничества символистов в газете А. В. Тырковой «Русская молва» — см. VII, 180—185, 215; вопросы, связанные с изданием книг — см. ЗК, 251, 298 и др.), и разумеется, известная мировоззренческая и творческая близость. При этом Блок и Ремизов в 10-х годах, понимая всю глубину различий их идейной и творческой стихии, теперь почти никогда не полемизируют друг с другом по крайней мере ни в дневниках и записных книжках Блока, ни в переписке такие споры не зафиксированы). В частности, характерно полное исчезновение скрыто «педагогических» интонаций в письмах Ремизова. Благословив Блока «от имени Лескова» как писателя национального, приняв, разумеется, особенно близко все, что связано в блоковском творчестве с темой Родины (ср. предложение Ремизова напечатать «Стихи о России» в издательстве «Отечество» — ЗК, 251)¹¹, Ремизов признал и особый, столь не похожий на его собственный, способ художественного решения этой темы, центральной в 10-х годах для обоих. Это проявилось, в частности, в инициативе Ремизова, приведшей в итоге к написанию драмы «Роза и Крест».

24 марта 1912 г. Блок записывает: «Алексей Михайлович убеждает писать балет (для Глазунова, который любит провансальских трубадуров XIV—XV века?) — либретто. На третий день Пасхи будет говорить у Ремизова с Терещенкой» (VII, 136). М. И. Терещенко, чиновник особых поручений дирекции императорских театров, с которым у Блока, как и у Ремизова, вскоре складываются приятельские отношения, заказывает ему (на квартире у Ремизова) «балет для Глазунова» (VII, 138). Все дальнейшие трансформации этого замысла (балет, опера, драма)¹² обсуждаются и, видимо, одобряются и Ремизовым, и Терещенко (так, 5 ноября 1912 г. Блок заносит в дневник: «А. М. Ремизов передал по телефону, что Терещенке нравится моя пьеса («Роза и Крест». — З. М.)» — VII, 174). Разные этапы творческой истории «Розы и Креста» широко отразились в переписке с Ремизовым. При обсуждении «Розы и Креста» 31 января 1913 г. (на квартире у Ремизовых) Ремизов не высказывает ни одного возражения. Блок записывает: «По тому, как относятся, что выражается на лицах, как замечания касаются только мелочей, вижу, что я написал, наконец, настоящее < . . . > Замечания < . . . > А. М. Ремизов — «чисто» (без рассуждений). «Голова идет кругом (а не «кругом»). Гаэтан — «летучий», Бертрам — земля. Все повторял: «очень печально» (VII, 213). Как видим, единственное замечание Ремизова относится к чтению, а не к тексту драмы (касается ударения в прозаической реплике Графа — см.: IV, 180). Разительное отличие ремизовских оценок «Розы и Креста» от его высказываний по поводу «Песни Судьбы», кроме чисто художественных причин, имеет и другие — признание за Блоком права идти к решению глубоко волнующих Ремизова проблем своими путями, в частности, через «западную» тему (замечим, что и у самого Ремизова к 10-м годам «национальный спектр» произведений становится значительно шире: ср., например, изображение западно-христианского и греко-византийского мира в стилизациях и обработках христианских легенд или пестро фантастическую смесь разнонациональных образов, связанных с придуманным Ремизовым «Обезволволпалом»¹³).

Что касается отношения Блока к далеким ему тематическим и художественным поискам Ремизова, то он (как и во многих других случаях) склонен был искать наиболее важное для себя как раз в том, что было не похоже на его творчество, особенно если это «непохожее» решение касалось коренных жизненных вопросов. Ремизовское чувство России привлекало Блока именно таким сочетанием первостепенной важности темы и совершенно иным, чем у самого поэта, к ней подступом. И хотя в лирике Блока 10-х годов, в том числе и в цикле «Родина», в отличие от «Пузырей земли», «ремизовские начала» прямо не отразились, общение с Ремизовым дало толчок многому в его размышлениях и творчестве этого десятилетия.

Первый и основной круг общих интересов определен мыслями о России. Писателей роднит постоянная, тревожная и любовная мысль о России, представление о родине как главной человеческой ценности, как о единственной и всепроникающей теме творчества: «Мы < . . . > писатели, свободные от всех обязанностей, кроме человеческих, должны играть роль тончайших и главнейших органов ее (Родины. — З. М.) чувств. Мы — не слепые ее инстинкты, но ее сердечные боли, ее думы и мысли, ее волевые импульсы» (V, 444). Но и эта, главная для обоих, направленность мыслей и творчества реализуется совершенно по-разному. Выше уже говорилось, что особенность русской темы у Ремизова — полная погруженность в ее реальную, исторически сложившуюся культуру. Это — не только язык и быт, но и ее государственность и церковность. Отсюда — естественность для Ремизова 10-х годов безоговорочно оборонческой позиции, погруженность в дела современной церкви и все то, что Блок в 1918 г. назовет, со слов Р. В. Иванова-Разумника, «черносотенным» в Ремизове. Такая любовь, сочетаемая с остротой писательского чувства, ведет Ремизова к глубочайшей безнадежности («тьма» национальной жизни так же вечна, как и «свет») и к уходу от нее в мир религии или символистского «жизнетворчества».

Образ России у Ремизова поэтому двойствен и болезненно, страдальчески противоречив. Обращаясь к сегодняшней родине, художник не может не показать нераздельности в ней «света» и «тьмы», причем эта, явленная в «фактах», русская действительность в значительной степени совпадает для Ремизова с ее конечной сущностью. Поэтому перед ним открываются два противоположных (но и существенно сходных) пути: полного принятия, «оправдания» реальности и полного же ее романтического отвержения. В этом последнем случае реальности противопоставляется тоже Россия, но уже не бытовая, а фольклорно-фантастическая, мифологизированная.

Блоковский образ родины тоже глубоко антиномичен, но противоречия его имеют иную природу. Облик современной России у Блока во многом близок к ремизовскому и, отчасти, быть может, формируется под его воздействием (ср. особенно стихотворение «Грешить бесстыдно, непробудно. . .», где из всех ипостасей родины берется именно сегодняшняя, темная и страшная мещанская Русь, и именно в таком образе Россия все-таки оказывается для поэта «всех краев дороже» — III, 274). Вообще, блоковский взгляд на Россию в 10-х годах намного историчней, чем в «Песне Судьбы»: он видит неизбежно сложный, противоречивый облик родины (и мира в целом). Но «факты» реальной жизни для Блока по-прежнему всегда соотносены с ее глубинной сущностью (в 10-х годах — с «духом музыки»), и лишь в свете подобной сложной соотносительности они получают свой подлинный смысл. Смысл же этот всегда подразумевает у Блока отделение художником «света» от «тьмы», «начал и концов», «ада и рая» (III, 301), т. е. этическую оценку. Поэтому границы «света» и «тьмы», «подвига» и «предательства» у Блока проходят *внутри* изображаемого им земного мира (как и внутри космического универсума, чьим «соответствием» является земной), а не только *между* реально существующим и поэтически созданным, как у позднего Ремизова. И само разграничение этих основных понятий для Блока стабильно и не является предметом «игры».

Другое существенное отличие образа России как поэтического идеала у Блока и Ремизова состоит в том, что подлинно прекрасная, «воплощенная» родина для Ремизова связана с прошлым, а для Блока — с «вечным» и с будущим. Ремизовская Россия — бабушка: «Бабушка наша костромская, Россия наша, это она прилегла на узкую скамеечку ночь ночевать, прямо на голые доски, на твердое старыми костями, бабушка наша, мать наша Россия!»¹⁴. Эту соединенность идеала с ушедшим, «старым» отмечала современная Ремизову критика. Художник, внесший в свое творчество «все кошмары, всю дисгармонию, весь разлад» мира, Ремизов постепенно все же находит «тот мирок, где он мог любоваться красотой беспрепятственно и чисто». Это — «далекое, несбыточное, невероятное и фантастическое прошлое»¹⁵. Однако было бы узким и односторонним увидеть в таком идеале отражение общественного «консерватизма» художника. Скорее здесь, как уже отмечалось, можно говорить о романтическом пассаеизме Ремизова, где прошлое — синоним желаемого.

У Блока, как мы видели, идеал родины, хотя никогда и не отождествляется с сегодняшней Россией, но всегда присутствует в ней — то как отблеск вечно Прекрасной глубинной сущности мира, то как свет из будущего — предвестие грядущей России, ее «добра и света» (III, 85). Поэтому блоковская Родина — это Жена и девушка (ср., в черновом варианте стихотворения «Россия»: «Нейдешь ты замуж, не стареешь» — III, 591), чья вечная юность и немеркнущая красота объединяют образное представление о неизменном и одновременно связанном с будущим («юношес») облике национального идеала. Поэтому же блоковская «трилогия вочеловеченья» — это путь героя к Откровению Родины в ее глубинной светлой сущности грядущей «Н о в о й Америки».

Отсюда совершенно различное понимание «тьмы» современной русской жизни и отношение к ней у обоих писателей. Предчувствие грядущих катаклизмов, эсхатологичность, острое ощущение «тьмы» присуще обоим. Так, сложный комплекс представлений Блока о «желтой опасности», идущих от Вл. Соловьева и поддерживавшихся разговорами и перепиской с Андреем Белым (а через Белого — влияниями Метнера), безусловно, оформлялся в значительной мере под воздействием Ремизова. Комплекс этот противоречиво сочетал патриотические эмоции, элементы национализма (в творчестве Блока, сравнительно с Ремизовым, заметно ослабленные) и острую антимещанскую направленность. Последнее резко отделяло и Блока, и Ремизова от славянофильства и почвенничества, субъективно им обоим близкого, и объединяло с традициями чеховского и послечеховского реализма. На языке Блока 10-х годов «желтокровие» одновременно означало и опасность разнообразных чуждых влияний на русскую культуру, и ненавидимую им «нововременскую» реакционность, и темные мещанские инстинкты в самом народе. С проникновением во все это «желтое» в сознании Блока неразрывно связывались творчество и жизненный опыт Ремизова.

14 ноября 1911 г. Блок пишет Ремизову: «Я хотел с Вами говорить об очень важном . . . со мной и вчера случилось что-то дикое, и всю неделю эту, по-моему, около меня (а, может быть, около всех нас) вьется нечисть». «Дикое» и «очень важное», случившееся с Блоком 13 ноября, описано на следующий день (т. е. в один день с письмом Ремизову)

в его дневнике: «Выхожу из трамвая < . . . > у двери сидят — женщина, прячущая лицо в сукноватый воротник, два пожилых человека неизвестного сословия. Стоя у двери, слышу хохот, начинаю различать: «ишь. . . какой. . . верно. . . аргис». Зеленея от злости, оборачиваюсь и встречаю два наглых, пристальных и весело хохочущих взгляда. Пробормотав «пьяны вы, что ли», выхожу, слышу за собой тот же беззаботный хохот. . .

Эти ужасы вьются кругом меня всю неделю — отовсюду появляется страшная рожа, точно хочет сказать: «Ааа. . . ты вот какой? < . . . > Зачем ты напряжен, думаешь, делаешь, строишь, зачем?» (VII, 87—88). Говоря об этом «безмирном» ужасе мещанства, о всеразрушающих, антикультурных, погромных силах, в этом мещанстве затаенных, Блок сразу же вспоминает Ремизова: «Он это испытал, ему хочу жаловаться» (VII, 88).

Однако нетрудно увидеть и кардинальные отличия блоковской и ремизовской позиции. Для Ремизова, хотя темные начала жизни в его творчестве зачастую весьма четко социальны и культурно конкретизированы, «мещанское», проклятое коренится в жизни, в человеке как таковом. Блок, столкнувшись с «нечистью», сразу же пытается очертить круг, в котором она замкнута: «Такова вся толпа на Невском < . . . > Таково все «Новое время». Таковы «хитровцы», «апраксинцы», «Сенная площадь» (VII, 88). И хотя легко заметить социальную пестроту выделенных Блоком выявлений «нечисти», он никогда не отождествляет ее ни с природой человека, ни с сущностью нации, народа. Отсюда и разная, почти противоположная реакция на «нечисть». О Ремизове Блок очень точно говорит «Знание об этом, сторожкое и *«все равно не поможешь»* — есть в глазах Ремизова» (VII, 88). Позиция же самого Блока определяется иначе — идеей высокой трагической борьбы. Размышляя о борьбе с «желтым», Блок полностью приводит в дневнике стихотворение Тютчева «Мужайтесь, о други, боритесь прилежно. . .» и завершает раздумье словами: «Смысл трагедии — *б е з н а д е ж н о с т ь* борьбы; но тут *нет отчаянья, вялости, опускания рук*. Требуется высокое посвящение» (VII, 89). Напомним, что трагическое мироощущение постепенно будет все ясней раскрываться Блоком как героическое, как апофеоз подвига, даже ценой гибели («Роза и Крест» и др.) — значение это выступит на первый план в послеоктябрьской публицистике Блока. Противоположность позиций художников на блоковском языке можно определить как антизеву пессимистического и трагического отношения к жизни, т. е. как ужас Ремизова перед «нечистью» — и готовность Блока к борьбе с ней. В этом различии предсказаны и будущие пути художников.

Социальные взгляды Блока 10-х годов, вернее, его социальная интуиция, также кардинально отличаются от Ремизова. Блок резко антибуржуазен, но и мир добуржуазный его никак не привлекает. «Последние цели Гермогена, — пишет Блок о саратовском епископе, бывшем стороннике, а затем — обличителе Распутина, которого сестра поэта Ангелина считала «святым», — *опрокинуть тьму XVIII столетия на молодой*, славно начавшийся и измучившийся с первых шагов XX век». И дальше: «*Лучше вся жестокость цивилизации, все «безбожие» «экономической» культуры, чем ужас призраков — времен отошедших; самый светлый человек может пасть мертвым перед неуязвимым призраком, но он вынесет чудовищность и ужас реальности. Реальности надо нам, страшнее мистики нет ничего на свете»* (VII, 134). Трудно найти позицию, более далекую от Ремизова, более чуждую ему.

То же отличие — в политической ориентации художников (при всей наивности или, как говорил сам Блок, «отвлеченности» его в решении вопросов политики). Чуждаясь либерализма, кадетства с их «западничеством», Блок испытывает, хотя и не постоянно, яркий интерес к «социал-демократической «Звезде» (VII, 130; ср. VII, 131, а также дневниковые записи о росте рабочего движения) и непрестанно — отвращение к «Новому времени», к «помойной яме» охранительной прессы. Ремизов, бунтарски и «лево» настроенный в годы первой русской революции, к 10-м годам становится все более консервативным.

Но, пожалуй, самое коренное отличие в понимании писателями «светлых» и «темных», сторон русской жизни проявилось в их отношении к церкви, «бытовому» православию, обряду. Это — мир Ремизова 1910-х гг., то немногое, что противостоит в его глазах «страшному миру», ужасу мещанства, заложенному в человеческой природе «целованью Иудиному». Блок, как известно, несмотря на общий объективно-идеалистический характер его мироощущения, на элементы мистики в его взглядах, в 1910-х гг. всегда антицерковен (ср. цикл «Ямбы»), зачастую испытывает приступы богоборчества (ср. «На смерть младенца», 1909) и очень сложно относится к христианской этике: принимая жертвенный подвиг как

путь интеллигента к России, он полностью отрицает непротивление злу, смирение, покорность и «человека жертвенного» как идеал будущей личности¹⁶. В переписке 1910-х гг. эти коренные разногласия не проявляются больше ни как полемика, ни в попытках «перевоспитать» Блока. Но их яркое отражение — в незначительном, на первый взгляд, эпизоде приглашения Ремизовым Блока на всенощную в Великий четверг (см. письмо от 19 марта 1912 г., и явный (выраженный скорее всего или устно, или по телефону) отказ Блока (ср. письмо Ремизова от того же числа) слушать то, что он называл «звероголосованием попов» (об отношении Блока к пасхальной службе см. стих. «Не спят, не помят, не торгуют. . .»). Конечно, и отношение Ремизова к атмосфере службы не так уж однолинейно (ср. в этом же письме лукавое предостережение: «Денег с собою не берите и часов не берите, вытащут», но совершенно явно, что оно кардинально не похоже на блоковское).

Накопец, несмотря на присущее обоим писателям резкое отрицание западноевропейской культуры, на постоянное противопоставление России и Запада, Блок находит в Европе и великие ценности. Он видит их в Италии, особенно — Германии, Голландии, но отчасти — и во Франции (ср. VIII, 352—356 и др.), в их природе и культуре, в увлекающих (хотя и страшных) успехах техники, в прорастающих сквозь обреченную на гибель европейскую цивилизацию (см.: VIII, 365—366) «ферментах будущего», которые оказываются «духами Байрона, Мицкевича, революции французской и славянской» (VIII, 367). Ремизов отмечает в Европе по преимуществу только мрак — от бытовых дризг и унижений (хотя и описанных не без обычного ремизовского легкого лукавства и стилизации: «Мошеники эти французы, ограбили. . .» и т. д.) — до «апокалиптических видений» — «огненных языков из труб» в Бельгии. Верный себе, он ощущает лишь поэзию колокольного звона, напоминающего ему Россию и в то же время — чуждого, или загадочного — и тоже русского, «нашего» «шурум-бурум» под окном (с. 95). Характерно лирическое ощущение Ремизовым высокой красоты католической мессы, которую должны так любить «католики, только, конечно, не эти мертвые, — эти подкрашенные старики покойники и не эти злющие старухи и не эти в белых венках и в белых савах кокетничающие *vièrge*, а такие . . . такие настоящие» — т. е. не существующие в реальности.

Как видим, все основные проявления общей любви и ненависти, общей мысли о России у Блока и Ремизова совершенно различны, во многом — противоположны. Это же можно сказать и о личной, «бытовой» (или, может быть, квазибытовой) стороне их отношений, широко отраженной в переписке.

Для обоих художников, тесно связанных с символистским мироощущением, быт всегда оказывался не только бытом (в противном случае он утрачивал для них всякий интерес, воспринимался как призрак, «марев», за которым, опять-таки, следовало увидеть нечто не бытовое). Однако и чувство «символизма реальности» проявилось у Блока и Ремизова в совершенно разной форме. Блок в 10-е годы ощущает и осмысляет реальность, историю как выявления высшего духовного начала бытия и в таком, платоновско-соловьевском, смысле — как его символ. Но это касается именно бытия в целом и потому не мешает Блоку внутри земного мира четко разграничивать, например, действительность и искусство, добро и зло и т. д. «Все преходящее» возводилось в ранг символов, но символы эти в целом составляли картину мира вполне объективную, «реальную» и полную. Иными словами, символистский эстетизм проявился у Блока в понимании природы мирового универсума как духа музыки и его отражения в «этой» действительности, но не в отношении к «земному», — вполне здравом и, главное, с постоянной установкой на «здоровый» и трезвый подход к жизни. «Символизация» оказывалась средством познания сущности явлений.

Особенно характерно для Блока в 10-е годы стремление отделить, сложно противопоставить искусство и действительность, увидеть их «неслиянность и нераздельность» (III, 296). Это последовательно проводимое Блоком отделение было определено резким неприятием символистского «жизнетворчества», борьбой с ним¹⁷.

У Ремизова «символизация» и «эстетизация» жизни была совершенно иной. Реальность воспринималась Ремизовым-художником и человеком как нераздельный сплав «божеского» и «дьявольского», и православие его, как и большинства символистов, окрашено в майхейские тона. В самой реальности Ремизов не может и не хочет отделить одно от другого: получится мертвая схема, а не живая жизнь. Отделение света от тьмы — дело религии и эстетизированного «жизнестроительства» (тайный религиозный скенпти-

цизм был еще присущ Ремизову 10-х годов и полностью исчез лишь в период эмиграции). Отсюда, с одной стороны, все возрастающий интерес Ремизова к официальной церкви, обращение к стилизациям житий, христианских легенд. С другой — для Ремизова характерно «жизнетворчество» — типично символистская попытка превратить быт в искусство. Все, к чему прикасался Ремизов, либо находилось в сферах искусства или близких к искусству (любовь к старине, старинному быту и культуре, к книге, увлечение рисованием, каллиграфией, любовь к «творческому скарбу»: бумаге, краскам и т. д.), либо было эстетизацией внеэстетического (таково, в частности, отношение Ремизова к обрядности, а также к постоянно поддерживаемому стилю поведения — от языка и манеры держаться до стилизованного почерка и т. д.). Если Блок 10-х годов стремился трезво отделять реальность от ее отображений в искусстве, то единственное спасение Ремизова — уйти, отгородиться от «большого» мира.

Все это создает ситуацию, которая отличается как будто бы полной культурной и личной несовместимостью «действующих лиц», но тем не менее, хотя и мешает полному сближению писателей, однако не прерывает их связей и не уменьшает взаимного интереса.

Ремизов идет к Блоку единственно возможным для него путем — постоянно вовлекая его в различные «игры». В сущности, и «учительность» Ремизова (резко отличавшаяся, например, от «морали», которую так любили читать Блоку Мережковские и, в определенные периоды их «дружбы — вражды», Андрей Белый, и потому не обижавшая поэта) была не столько навязыванием своей эстетической программы, сколько примеркой, распределением ролей в «игре» — «русский писатель ведет «полумецца» Блока — Германа к России». Когда основания для такого «распределения ролей» отпали, Ремизов постоянно придумывает новые, обыгрывая, например, свою болезненность, слабость или постоянную нехватку денег («бедный» писатель ходит к «богатому» одалживать деньги или «поесть ветчину»). Самые обыденные факты, сообщаемые Блоком, вроде: «У нас кухарка заболела» — превращаются Ремизовым в сюжеты, воображаемые спектакли: «По всему вижу, что дело у Вас пойдет хорошо, раз кухарка уже заболела. (Представляю себе, как Вы балет разыгрывали, какой гром, какой шум был, ну и человек захворал)». Наконец, в 1918 г. Ремизов включает Блока в самую продолжительную и «серьезную» свою игру — в «Обезвельоллпал», вручая ему «для пошения» «Обезьяний знак I степени с Заяшным глазом».

Все эти настоячивые «приглашения к игре» Блок отвергает. Игре он противопоставляет «серьезность», «реальность» отношений, которые так ценит в эти годы. Но эта «реальность», как говорилось, неотделима от стремления понять сущность Ремизова и своих с ним связей. С одной стороны, он ценит в Ремизове все то, что подчеркивает русское в нем: его знание быта, языка, обрядности, фольклора, древнерусской литературы, рукописей и т. д., и т. п. Но в частых записях о Ремизове сущность его вырисовывается и с иной стороны (тоже связанной с мыслями Блока о России). Постоянно отмечаются — отнюдь не игровые, а реальные! — болезненность Ремизова, его физическая слабость, тяжелое материальное положение семьи, его боязнь жизни, ужасам которой «не можешь», «затравленность». Записи и письма Блока полны мыслей о «таком желтом, замученном Ремизове» (VII, 143), о его «нищете» (VIII, 397), болезнях (VII, 206, 207, 209 и др.), выражением «острой жалости» к нему (VII, 213). Возникает жуткий образ: Ремизов — затравленная крыса: «Вчера < . . . > дворники издевались над раненой крысой < . . . > На эту крысу иногда бывает похож Ремизов. Был похож, вероятно, особенно тогда, когда полночи носил на руках Наташу и баюкал, а потом выбежал с пожара в одном белье, и швейка накинула ему на плечи шелковую кофточку (мороз 22 градуса и ночь в провинции)» (VII, 136—137). «Страдающий человек» — вот сущность Ремизова в представлении Блока. Это — не только его примета: в современном мире страдают все люди — все, кроме носителей зла и «дураков и дур». Чувство «непоправимости всего, острой жалости» у Блока относится не только к Ремизову, но и к Р. В. Разумнику, к Мейерхольду, Терещенкам, к своей семье — да и вообще «ко всем» (VII, 213). Эта сущность и воспринимается Блоком символически, входя в его общее мифопоэтическое представление о «пути мира» и о сегодняшней России. «Унижение» и гибель человека — важнейшая примета современности, «страшного мира» (который, однако, в будущем сам обречен на неизбежную гибель). Блок старается — и по простому порыву сердца, и вполне осознанно — противопоставить страданию деятельную человеческую помощь (ведь «человеческое» — это и есть для Блока та сила, которая

одна способна уничтожить «страшный мир»). Он постоянно пытается, порой тщетно, наладить издательские и денежные дела Ремизова (см. VII, 148, 149; ср. письмо Н. Д. Санжарь. — VIII, 432 и др.), заботится о нем во время частых болезней, прощает ему бесконечные причуды и капризы, понимая, что именно *лучшие из нас* бесконечно мучаются и штегиваются (Боря, Ремизов) (VII, 103), резко и с негодованием отчитывает в письме от 9 ноября 1912 г. В. Н. Княжнина, сказавшего в раздражении, что «у Ремизова — куриная душа» (VIII, 405), заботливо охраняет Ремизова от всяких неприятных эмоций, столь болезненно им переживаемых (ср. запись от 1 января 1913 г. о «спиритическом сеансе» у Аничковых: «Ремизовы не приехали и хорошо сделали, расстроились бы» — VII, 203) и т. д. и т. п.

Говоря о постоянной блоковской «символизации реальности», любопытно сопоставить смысл дружеских отношений Блока с Вл. Пястом (см. их переписку в наст. томе) и Ремизовым, самыми близкими ему в 10-е годы писателями-символистами. Возникает любопытная «композиция». При известном сходстве — с точки зрения Блока — Пяста и Ремизова (оба — художники, творцы, носители высокой культуры, хотя и несопоставимые по масштабу их дарования; оба живут тяжелой, материально трудной и духовно мучительной жизнью, оба житейски неприспособлены, постоянно нуждаются в дружеской помощи), в плане мировоззренческом, литературном, общекультурном и личностном они скорее — антиподы. Пяст, по определению Блока, — «западник», человек, сознательно ориентирующийся на европейскую и американскую культуру. Символистское «неприятие мира» для него оборачивается либерализмом, постоянным интересом к политике, расстановке партийных сил в России и в странах Запада, интернациональными симпатиями, проявлявшимися и во взглядах, и в личных отношениях. Ремизов постоянно ощущает себя русским, носителем национальных традиций (особенно — в языке, обычаях). Революционные воззрения Ремизова эпохи первой русской революции сменились, как уже отмечалось, консерватизмом, «принятием мира» в его исторически сложившихся национальных формах, «антиевропейскими» настроениями. Место «политики» в его жизни заняли религия, обрядность. Можно указать и на ряд других, безусловно бросавшихся в глаза при дружеском общении, коренных отличий жизненного и культурного облика Вл. Пяста и Ремизова. Таковы, например, «математическая» логика критических статей Пяста (см. ниже) и бунт против «логики» в поведении и литературных произведениях Ремизова; ориентация Пяста как поэта и критика на литературный язык — и Ремизова на разнообразие «внелитературные» пласты языка и стихию устной речи; энтузиазм, пафос в оценке Пястом жизненных и литературных событий, тяготение к «нормам» и «канонам» — и лукаво «игровое» поведение Ремизова, уклоняющееся от однозначных оценок; гордость Пяста, постоянный выбор им «принципов» правильного поведения — и «юродство» Ремизова, или же его склонность говорить о «хорошем» и «плохом» лишь в узко житейском смысле, применительно к отдельным «случаям»; сохранившаяся на всю жизнь трогательная приверженность к «канонам» символизма у Пяста — и не менее последовательное подчеркивание Ремизовым своего человеческого и литературного одиночества; неразрывная связь Пяста с жизнью литературных журналов, кружков, артистических кафе 10-х годов — и наклонность Ремизова к «домоседству», «тягость для него большинства человеческих общений, неприязненность к «кофейным разговорам» и т. д., и т. п. К тому же, разумеется, Блок не мог не чувствовать различия в масштабах дарования скромного «рыцаря символизма», второстепенного поэта — и одного из крупнейших прозаиков XX в., столь же самобытного в своих путях, как и сам Блок.

Как соединялись в жизни и душе Блока привязанности к столь различным людям и художникам? Вопрос имеет две стороны. Во-первых, для Блока, по всей вероятности, важнее всего было то, что, символизируясь, объединяло двух людей: их страдание, «униженность», требующие постоянной человеческой заботы, уважительного сострадания и помощи. Но не менее важно и другое. Дружба с художниками столь противоположного жизненного и писательского склада подчеркивала для Блока сложную противоречивость его собственной духовной позиции. Так, Блок осмысляет себя в 10-е годы одновременно как русского, как художника России («мы — русские» — VII), и как наследника «бекетовской», гуманистически «западнической» культуры XIX в. (дед — «ярый западник во всем» — III, 315 — хотя само «западничество» ощущается поэтом как черта именно русской культуры ушедшего века: «В душе он — старый барин русский» — III, 316). В спо-

рах с Вл. Пястом, в разговорах, планах на будущее, строящихся с Ремизовым, в работе над заказанной через Ремизова драмой «Роза и Крест» Блок постоянно проясняет для себя эти две стороны своей культурной личности, соотносит их, «сintesизируя» в некое единое сложное мирозерцание. Каждая из этих дружб раскрывает перед Блоком новые культурные «миры»: через Вл. Пяста для него открывается Авг. Стриндберг, отчасти — Эдг. По, через Ремизова — не менее важные «страны» древнерусской литературы, фольклора; через Пяста он знакомится с интересующими его в эти годы и не связанными с символизмом людьми негуманитарной культуры: математиками, инженерами, через Ремизова — со столь же далекими от символизма «гуманитарями»: любителями старины, собирателями рукописей и т. д., и т. п. По-видимому, «асимметрия» отношений Блока к двум близким людям проявилась, в частности, в том, что мировоззренчески, идейно Блок 10-х годов гораздо ближе к Ремизову, а по стилю бытового поведения, психологическому складу, «петербургской культуре», вкусам и родной языковой и литературной стихии — к Пясту. Внешняя сдержанность, даже чопорность Пяста (особенно в молодости), его стремление «застегнуться на все пуговицы» и одновременно провалы в безумие болезни или в бездны «роковых страстей» — все это психологически очень понятно Блоку. Поэтому отношения с Пястом, во-первых, более эмоциональны и открытвенны (это отражается, в частности, на стиле блоковских писем, особенно в 1911—1912 гг.), во-вторых, они предполагают попытки анализа мировоззренческих разногласий, устные и эпистолярные споры, выяснения отношений и т. д. С Ремизовым «выяснить» нечего: его культурная и социальная духовная родина ценна для Блока именно своим несходством с его собственной. Всякие выяснения различий привели бы только к обидам и расхождениям. Блок сам извлекает важное для себя из творчества и личности Ремизова, сам отбрасывает чуждое. В их разговорах и в письмах Блока поэтому меньше «исповедального», но, возможно, и меньше сердечности и принципиально важного. По-видимому, из-за этого же Блок регулярно фиксирует в дневнике и записных книжках темы разговоров с Пястом — и старательно перечисляя все встречи и беседы с Ремизовым, лишь изредка передает их содержание (как правило, бытовое или касающееся практических дел). Последнее ничуть не означает меньшую важность контактов с Ремизовым, а просто указывает на их особенность. «Пястовское» начало символизируется Блоком как «рыцарское», подлинно человеческое и вместе с тем сегодня, сейчас рождающееся с Блоком. «Ремизовское» начало сложнее: в нем Блок видит и сегодняшний лик затравленного русского «маленького человека», и воплощение национальных начал (особенно в творчестве Ремизова), которым еще предстоит расцвести в будущем. Главное же — под воздействием этих двух столь разных общений у Блока растет отраженное в «Возмездии», а затем — в «Двенадцати» и «Скифах» сложное чувство «неслиянности и нераздельности» (III, 296) русского и «всечеловеческого» начал.

Не принимая ремизовских «игр», Блок, однако, не восстанавливается против предлагаемой Ремизовым формы «жизнестроительства», что вполне понятно. В фантазиях «Обезвельволпала» не было ни «демонизма» декадентских форм «жизнестроительства» (ранний А. М. Добролюбов, В. Брюсов, отчасти — З. Гиппиус), ни претенциозной общеобязательности символистских утопических его форм («аргонавты», «дионисийство» Вяч. Иванова), ни холодного эстетства «игр» эпохи «кризиса символизма» (М. Кузмин), ни культа богемности артистических кругов 10-х годов. «Жизнетворчество» Ремизова было ближе всего к романтическому уходу от действительности в мир подлинно человеческих, хотя в человеческом мире не реализуемых ценностей. Хотя, как и весь «младший символизм», оно преследовало цели пересоздания личности «иной» и искусством, но никогда не предвляло никаких требований к людям и миру в целом, ограничиваясь четко очерченным кругом «избранных» — «членов Обезьяньей Великой Вольной палаты» (в этом смысле В. Шкловский и сравнивал Обезвельволпал с . . . масонскими организациями)¹⁸. Подобная «игра», совершенно не привлекая Блока, не должна была его и раздражать так, как претендующие на перестройку «реальности» утопии Вяч. Иванова.

О своеобразном отношении «игр» Ремизова к этике свидетельствует небольшой эпизод, отразившийся в переписке. Сам Ремизов склонен был считать свои «игры» не «демоническими», а безобидными шалостями, разрушающими «логически правильный» мещанский распорядок жизни. Хотя Ремизов и сознавал, что «игра» ослабляет этику поведения (ср. вполне в духе «Бесов», рассказ о том, как он, ребенком, «откусил носик» девочке Вале)¹⁹, он все же утверждал «естественность» своих «игр»: «Мне всегда скучно, если все идет

«порядочно» < . . . » отсюда и мое не «по себе» с людьми безулыбными, расчетливыми и вообще серьезными»²⁰. Эти «игры» Ремизов, по-видимому, не сближал с эстетизированным символистским поведением, которое он прямо (и даже прямолинейно) оценивал как «нехорошее». Так, в письме Блоку от 13 ноября 1911 г. Ремизов пишет: «Насчет посвящения В. А. Щеголевой», то тут лично я против» (стр. 98). Посвящение В. А. Щеголевой цикла «Три послания», в котором, как всегда у позднего Блока, образы «мирового оркестра» сливаются с «музыкой страстей» («Страшный мир! Он для сердца тесен! // В нем — твоих поцелуев бред, // Темный морок цыганских песен, // Торопливый полет комет!» — III, 163), Ремизов рассматривается в чисто бытовом плане как компрометирующее близких ему людей (с литературоведом П. Е. Щеголевым Ремизов познакомился еще во времена вологодской ссылки)²¹. Из письма Блоку отчетливо видно, что в «серьезных» житейских отношениях Ремизов руководствовался житейскими же нравственными критериями и никакого «жизнестроительства» не признавал. Для него были неприемлемы и далеки горькие исповедальные мысли Блока о разрушении «дома», семьи как о проявлении эстетизированного, но трагически неизбежного и связанного с революцией пафоса «самоожжения», жертвы или протеста против «унижения» человека в современной жизни («Человек, опускающий руки и опускающийся, прав < . . . » Все так ужасно, что личная гибель, зарывание своей души в землю — есть право каждого. Это — возмездие той кучке олигархии, которая угнетает весь мир» — III, 465). Блок не согласился с «морализирующим» подходом к лирике и страсти: «Насчет «Трех посланий» Вы не правы. Вы не смотрите на посвящение, а смотрите на стихи. Или Вы не можете отвлечься, или, если осуждаете, так не знаете этих стран» (с. 99). «Страны» высоких, хотя и губительных страстей, — мир, вне которого блоковское творчество попросту не существует. Но в плане жизненного поведения «опускание» Блока, конечно же, было связано с презрением к мещанской морали, и этим оно сближалось с символистским «жизнестроительством». Разумеется, лежала глубокая пропасть между холодноватым и «программным» «эротическим поведением», например, Вяч. Иванова, и глубокой искренностью, непосредственностью блоковских «страстей». И все же связь между этими формами «жизнестроения» существует (ведь и Блок осмыслил «свою безумную, глухую» — III, 28 — жизнь как неизбежную и имеющую высокий смысл).

Не согласившись с ремизовской оценкой «Трех посланий», Блок, однако, вовсе не был склонен отвергать этический подход к жизни (ср. глубокую близость исповедального пафоса Л. Толстого позднему Блоку, тему «измен» и «грехопадений» в блоковской лирике или мысли о связи искусства и нравственности). Конечно, сразу бросается в глаза, что этическое воспринимается Ремизовым и Блоком совершенно по-разному: у Ремизова оно неотрывно от тех или иных житейских коллизий — у Блока связано с потребностью осмыслить «дух музыки» как несущий в себе и нравственное содержание. Тем не менее в чем-то их подход к жизни оказывается родственными (ср. обсуждение вопросов писательской этики в письмах № 35—36 и др.). И здесь намечается еще одна линия сближения Блока и Ремизова и еще одно объяснение того, почему «жизнестроительство» Вяч. Иванова со временем все больше отталкивало Блока, а безобидные «безобразия» Ремизова — нет.

Отношение Блока и Ремизова к тому, что они воспринимали друг в друге как «эстетическое поведение», оказывается, как видим, очень сложным. «Пожар страстей» блоковской лирики и все, что связано было в жизни поэта с «опусканием рук», Ремизову порой кажется «неправильным». Блоку же «забавность» ремизовской «игры» представляется инфантильностью, боязнью жизни, бегством от ее высокого трагизма. Однако Блок прощает Ремизову его «игру» (как прощает его обидчивость, «топорщенье» и юродства), так как видит за ними поведенье «униженного», а униженность для Блока — вне критики и может вызывать только высокое сострадание; уважение к «несущему крест» и стремление помочь. Тем не менее и поддерживать «игру» Ремизова Блок не имел ни малейшего желания, настойчиво предлагая совершенно иной тип отношений — человечески серьезный, «реальный», хотя и имеющий высший символический смысл.

Это столкновение двух волей, двух типов отношений заметно в переписке. Блок часто писал своим корреспондентам письма ярко публицистического, порой — художественного звучания. Но стиль его писем к Ремизову — всегда краткий, сухой, деловой. Сопоставляя эти письма с дневниковыми и другими не предназначавшимися Ремизову записями о нем, нетрудно прийти к выводу, что Блок «подсушивал» стиль своих писем не от холод-

ности к нему, а как бы в противовес ремизовским «играм». Сам он высоко ценит письма Ремизова именно как произведения искусства (8 мая 1911 г. он пишет Ремизовым во Францию: «Спасибо за письмо, которое уже читаю некоторым лицам вслух», — тут же характерно прибавляя: «Я Вам ничего такого интересного сообщить не могу»). Сам он строит свои письма как последовательно «неискусные».

Эти сложные отношения (став без каких либо внешних конфликтов опять более далекими с 1914—1915 гг., вероятно, в связи с совершенно различным отношением писателей к мировой войне) по существу не изменились и после Октября. Конечно, отношение Ремизова и Блока к революции было совершенно разным, во многом — противоположным, и оба об этом знали (так, Блок записывает 4 января 1918 г. разговор с Р. В. Ивановым-Разумником о «черносотенстве» Ремизова — см. VII, 314; 8 января — телефонный разговор с Ремизовым о его уходе из газеты левых эсеров «Знамя труда», в то время еще не порвавших с большевиками и входивших в Советское правительство, — см. ЗК, 383). Однако для Блока «политические» нюансы взглядов Ремизова, видимо, давно уже были менее важны, чем его кровная связь с Россией. Верный своей установке этих лет — привлекать интеллигентов к сотрудничеству с революцией (см. VI, 8 и др.), Блок пытается использовать опыт Ремизова (одновременно поддерживав его материально) для работы в Репертуарной секции Наркомпроса. На заседание 22 марта (4 апреля) Ремизов не пришел, и Блок посылает ему 24 марта официальное письмо с предложением составить список пьес, годных для переиздания. На заседании пленума Репертуарной секции 14 июня 1918 г. (и, конечно, не только тогда) Блок встречается с Ремизовым (см. ЗК, 412, 427, 438). После этого, в 1919—1920 гг., контакты их вновь расширяются (хотя вряд ли восстанавливается близость 1911—1913 гг.). Ремизов и Блок сотрудничают в издательстве «Всемирная литература», в книгоиздательстве «Алконост», участвуют в заседаниях «Вольфилов», обсуждают возможность публикации своих произведений и т. д., и т. п. Восстанавливается и вся «асимметрия» их отношений. Блок по-прежнему деятельно занимается делами Ремизова: помогает или пытается помочь изданию ремизовских вещей («очень хорошего» рассказа «Крестики», намеченного к печати в журнале «Завтра» — см. ЗК, 464; «Кавказских сказок», заинтересовавших издательство «Земля», с которым был связан Блок — см. ЗК, 416), достает ему 11 августа 1919 г. ордер на «предметы первой необходимости» (ЗК, 471), 15 февраля 1919 г. пытается хлопотать через Луначарского об освобождении арестованного Ремизова (см. ЗК, 449) и т. д. Ремизов, слабый, больной, по-прежнему пишет Блоку стилизованные письма (их игровой характер теперь особенно заметен), с горькой иронией сообщает о своих недугах, притворных и других трудностях. В письмах появляются новые «игровые» мотивы, связанные с Обезвельволпалом. Игре еще острее, чем прежде, противостоит постоянно пугающая Ремизова действительность, отношение к которой выражается в интересе (возможно, тоже эстетизированном — ср. ЗК, 463, 490) к разнообразным городским слухам. В отношениях писателей все чаще сквозит не высказываемая вслух мысль (о ней Ремизов горько вспомнит в «Ахру»): Ремизов скоро умрет. Жизнь рассудила иначе. Перед ее лицом особенно ярко видно различие «жизнетворческого» поведения Ремизова и человеческого («трагически мужественного») — блоковского.

Блок и после Октября высоко ценит творчество и художественный вкус Ремизова, 15 июля 1920 г. он записывает: «Вечер А. М. Ремизова в «Вольфиле» <...> — очень замечательный» (ЗК, 496). При обсуждении обработки народной пьесы «Царь Максимилиан», сделанной В. В. Бакрыловым, Блок фиксирует мнения Ремизова (см. VI, 481; ЗК, 473), присутствует на его чтении пьесы (ЗК, 477). Ремизов так же живо интересуется творчеством Блока (ср., в «Ахру»: «Нарисовал я много картинок, на каждую строчку «Двенадцати» по картинке») ²².

Поэма «Двенадцать» — последняя и весьма знаменательная встреча писателей. Поэма не случайно заинтересовала Ремизова. В ней, — хотя и преображенно, и даже (объективно) полемически, — отразилось многое, связанное для Блока с «ремизовской» Россией. Россия народная — сложная, противоречивая, в которой неразрывно переплелись «черный вечер» и «белый снег», ремизовские «верность до смерти, предательство Иудино и подвиг крестный» — эта Россия предстала в блоковском творчестве изображенной столь же ярко и полно, как в цикле «Родина», но в «огнях» революции, в динамике «боя», который теперь не прошлое («На поле Куликовом») и не будущее («Новая Америка»), арусское сегодня. Ремизову, конечно, должна была быть очень близка

и опора Блока на современный фольклор, и связь поэмы с речевой стихией (ср. в особенности многочисленные диалоги, монологи «Двенадцати», вкрапления в текст несобственно прямой речи, реплик и иных видов «чужого слова», связанных с передачей народных «голосов»). Наконец, с творчеством Ремизова, — хотя, разумеется, дореволюционным — «совзучна» и мысль о тайне претворения «черной злобы» в «святую злобу», связей ликов разбойника («На спину б надо // Бубновый туз» — III, 350) и Христа, насилия и святости.

Однако определенные проблемные и стилевые связи только подчеркивают коренную противоположность отношений Блока и Ремизова к революции. Ю. Андреев справедливо обратил внимание на то, что известное ремизовское «Слово о гибели земли Русской» написано до Октябрьской революции (5 октября 1917 г.) и что часто встречающееся в литературе о «Двенадцати» противопоставление поэмы Блока и «Слова. . .» Ремизова лишено того «разоблачительного» смысла, который в него зачастую вкладывался. Тем не менее широко понятая концепция России у Блока и Ремизова действительно во многом противоположна. Все ценное Русской земли для Ремизова — в прошлом, для Блока — в ее сегодняшнем страдном и праздничном пути, в ее надеждах на «новую жизнь».

В последней статье Блока — «Без божества, без вдохновенья» (апрель 1921 г.) дана оценка Ремизова, которой суждено было стать итоговой. Ремизов назван в числе представителей молодой «синтетической культуры» России, в которой «неразлучимы < . . . » живопись, музыка, проза, поэзия», а также «философия, религия, общечеловечность, даже — политика» (VI, 175—176). Ремизов здесь стоит в одном ряду с Глинкой, Чайковским, Гоголем, Достоевским, Рерихом: «Глинка и Чайковский выносят на поверхность «Руслана» и «Пиковую даму», Гоголь и Достоевский — русских старцев и К. Леонтьева, Рерих и Ремизов — родную старину» (VI, 176).

Для Ремизова, прожившего после смерти Блока еще 36 лет, встреча с Блоком осталась одним из знаменательнейших событий. В книге воспоминаний «Ахру» он писал, создавая итоговый символический образ своего и блоковского творчества: «Из разных краев, разными дорогами проходили наши души по жизни и в жизни по крови разные — мне достались озера и волшебные алтайские звезды, зачаровавшие необозримые русские степи, вам же скандинавские скалы, северное небо и океан, и не даром выпала вам на долю вихревая песня о взбаламученной, вздыбившейся России, а мне — погребальная над краснозвонной отошедшей Русью».

Где-то однажды, а может не раз мы встречались — на каком перепутье? — вы закованный в латы с крестом, я в моей лисьей острой шапке под вой и бой бубна < . . . »

Судьба с первой встречи свела нас в жизни и до последних дней.

И в репающий час по запылавшим дорогам и бездорожью России через вой и вихрь прозвучали наши два голоса — России —

на новую страдную жизнь
и на вечную память»²³.

Эти два образа России, действительно, определили все и в творчестве художников (особенно в 10-х годах), и в их отношениях. Они видны и в каждой строке публикуемой переписки.

Письма Блока к Ремизову публиковались четыре раза:

1. «Письма А. Блока к А. М. Ремизову». Публикация Ц. Вольпе. — «Звезда», 1930, № 5, с. 161—163 (4 письма).
2. Неопубликованные письма Александра Блока. Публикация и примечания Э. Голлербаха. — «Стройка», 1931, № 20—21, с. 18 (1 письмо).
3. «Письма Александра Блока к А. Ремизову и П. Карпову». Вступительная статья Г. Горбачева, комментарий С. Рейсера. — «Литературный современник», 1933, № 5 (24 письма).
4. Две коротких записки полностью приведены в издании: Рукописи А. А. Блока. Каталог. Л., Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1970, с. 32.

Таким образом, из известных в настоящее время 38 писем Блока к Ремизову 7 публикуются впервые. К сожалению, наиболее обширная из прежних публикаций (в «Литературном современном») страдает рядом неточностей, ошибками в датировках.

Обширный корпус писем А. М. Ремизова к Блоку (57 писем), в основном, не публиковался, за исключением 5 коротких записок, приведенных полностью в кн.: Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог под редакцией В. Н. Орлова. Вып. 2. Письма к Александру Блоку. М., 1979. Все письма Ремизова сохранились в составе фонда А. А. Блока в ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, № 56 (поступили в ЦГАЛИ в 1941—1942 гг. из Гослитмузея, куда были переданы Л. Д. Блок в 1939 г.).

Кроме писем Ремизова, в указанную единицу хранения входят дарственные надписи Ремизова Блоку на титульных и фортитуйных листах книг Ремизова и Н. Селифонтова (2 надписи), записи адресов, сделанные Ремизовым, и его рисунки. Эти материалы публикуются ниже в составе переписки. Кроме того, в эту же единицу входят: сказки Ремизова «Отчаянная» (вырезка из журн. «Новая студия», 1912, № 1, декабрь, с. 7—8), первая страница рассказа «Покровенная» («Современник», 1912, № 4), ремизовская публикация «Паришь в руках наших!» (вырезка из газеты «День», приложение, 2 декабря 1913 г.).

Письма Ремизова, вероятно, сохранились Блоком полностью. Что касается писем Блока, значительно меньших по количеству, то в их корпусе возможны и некоторые лакуны. В частности, обращает внимание начало писем Ремизова № 14 (27 октября 1908 г.), № 17 (22 января 1909 г.), № 41 (19 марта 1912 г.), № 80 (25 августа 1913 г.), явно продолжающих диалоги с Блоком. Впрочем, во всех этих случаях перед нами, может быть, — продолжение устных (в частности, телефонных) разговоров.

Четыре письма Блока к Ремизову, напечатанных в т. VIII, в настоящей публикации не воспроизводятся.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Первые исследования темы связаны с публикациями писем Блока к Ремизову, но, к сожалению, вульгарно-социологический подход к материалу мешает его объективному и глубокому истолкованию. Так, автор вступительной заметки к самой значительной по объему публикации блоковских писем, Г. Горбачев, считает, что Блок первоначально «искал «народной почвы» в фольклоре, сказках и поверьях», «отсюда — сближение с примитивным мистицизмом и реакционным «народником» окурившем (1) Ремизовым Блока, ищущего пути к революционному крестьянству, Блока, ищущего какой-то опоры в поэзии революционного народничества (Некрасов), в героике «Народной воли» («Возмездие»). Конечно, с Ремизовым сближали Блока и остатки его «феодалного социализма» дворянской окраски, а не зачатки его революционно-крестьянского демократизма» («Литературный современник», 1933, № 5, с. 140, 141). При подобном подходе история взаимоотношений двух крупных русских художников начала века оказывается повествованием о том, как «окуровец» Ремизов сбивает Блока с путей к революции: «В годы революционного подъема Блок не хочет и не может читать Ремизова < . . . » Но чем Блоку хуже и страшнее < . . . », чем более ему кажется, что вокруг него вьется «нечисть», тем более его тянет к Ремизову, а Ремизов тянет его к Мережковским, с которыми Блок борется и рвет и все до конца не может порвать» (Там же, с. 141). Как увидим, ни намеченная здесь история отношений Блока и Ремизова, ни сущность их связей Г. Горбачевым не уловлены. Блок сближался с Ремизовым как раз в годы высокой творческой активности (1905; 1907—1908; 1911—1914), и связи их были плодотворными для обоих: достаточно указать хотя бы на роль Ремизова в формировании блоковской поэтической идеи Родины.

В дальнейшем оценка Ал. Ремизова советскими исследователями значительно усложнилась, стала более историчной (см.: В. А. Келдыш. Русский реализм начала XX века. М., «Наука», 1975; Юрий А н д р е е в. О писателе Алексее Ремизове. — В кн.: А. М. Ремизов. Избранное. М., «Художественная литература», 1978; ср. в последней работе (с. 4) высокую оценку «объективной, содержательной» книги Н. Кодринской «Алексей Ремизов» (Париж, 1959); С. С. Г р е ч и ш к и н. Архив А. М. Ремизова (1877—1957). — «Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год». Л., «Наука», 1977. Это позволяет по-новому поставить вопрос и о Блоке и Ремизове. К сожалению, в наиболее значительных монографиях о Блоке имя Ал. Ремизова упоминается лишь мельком и, как правило, лишь в связи с циклом «Пузыри земли». Специальных работ о Блоке и Ремизове в 40—70-х годах не появлялось.

² См.: Альманах Гриф II. Ред. С. А. Соколов. М., 1904, с. 39—46.

³ См.: З. Г. М и н ц. Лирика Александра Блока. Вып. II. Тарту, изд. ТГУ, 1969.

⁴ Таковы, например, сцены из жизни сектантов в хорошо известной Блоку III части трилогии Мережковского «Христос и Антихрист» — романе «Петр и Алексей». Осенью 1908 г. Блок использует в статьях о народе и интеллигенции полученные от Мережковских сведения о сектантах (см. V, 357—358).

⁵ См.: Г. А. Р е м е н и к. Традиции Некрасова в русской поэзии XX века (до-октябрьский период). — В кн.: «О Некрасове». Сб. статей. Ярославское книжн. изд-во, 1958; Н. Н. С к а т о в. Некрасов и Александр Блок. — В кн.: «Проблемы реализма в рус-

ской и зарубежной литературе. Метод и мастерство». Вологда, 1969; Е го ж е. Россия у Александра Блока и поэтическая традиция Некрасова. — «Русская литература», 1970, № 3, а также ряд последующих работ этого же автора.

⁶ Ср.: «В самой природе вещей скрыто «безобразие» (Ал. Ремизов. Избранное. М., 1978, с. 471).

⁷ Н. К о д р я н с к а я. Алексей Ремизов. Париж, 1956, с. 110.

⁸ Там же, с. 302.

⁹ См.: З. Г. М и н ц. Лирика Александра Блока. Вып. IV. Тарту, 1973.

¹⁰ См.: Н. А. Ф р у м к и н а, Л. С. Ф л е й ш м а н. А. А. Блок между «Мусагетом» и «Сирином» (Письма к Э. К. Метнеру). — «Блоковский сб.», 2, а также статью о переписке Блока с Вл. Пястом в наст. книге.

¹¹ Позже Блок, все отчетливее переходя на антивоенные позиции, иронически охарактеризовал эту книгу как «изданную в безвременье, неизвестно кем и неизвестно зачем» (дарственная надпись Блока Ал. Н. Чеботаревской на книге «Стихи о России», 1915. — Письма и дарственные надписи Блока Александре Чеботаревской. Публикация Д. Е. Максимова. — «Блоковский сб.», I, с. 550 (ср. комментарий Д. Е. Максимова, с. 550—551).

¹² См.: В. М. Ж и р м у н с к и й. Драма Александра Блока «Роза и Крест». Литературные источники. Л., изд. ЛГУ, 1964.

¹³ См.: Ал. Р е м и з о в. Ахру. Повесть Петербургская. Берлин, Изд. З. И. Гржебина, 1922.

¹⁴ А. Р е м и з о в. Весеннее порошье, 1915, с. 50.

¹⁵ К. М и л л ь. Danse macabre (Творчество Алексея Ремизова). — «Лебедь», 1908, № 2, с. 40.

¹⁶ См.: З. Г. М и н ц. Ал. Блок и Л. Н. Толстой. — Уч. записки ТГУ. Вып. 149 (Труды по русской и славянской филологии. V), Тарту, 1962.

¹⁷ Вопрос об отрицании Блоком символистских утопий и «жизнетворчества» подробно рассмотрен в кн.: Павел Г р о м о в. Ал. Блок. Его предшественники и современники. М.—Л., СП., 1963.

¹⁸ См.: В. Ш к л о в с к и й. ZOO. Письма не о любви, или Третья Элоиза. Берлин, «Геликон», 1923.

¹⁹ Там же, с. 471.

²⁰ Ал. Р е м и з о в. Избранное, с. 486.

²¹ См. там же, с. 473. П. Е. Щеголев — один из самых близких знакомых Ремизова. Его образ постоянно мелькает и в поздних произведениях писателя (см., например, Ал. Р е м и з о в. Корявка. Берлин, 1923).

²² Ал. Р е м и з о в. Ахру. Повесть Петербургская, с. 15.

²³ Там же, с. 18.

1. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

17 ап<реля> 1905 <Петербург>

Христос воскрес!

Выписываю Вам, Александр Александрович, стих удивительный:

И в нядельку вельми рано,
раней того звоны били.
Й в крыницы выда грала,
вой там девка выду брала¹.

Читал вчера исследование о Хождении Богородицы по мукам, напал на стих:

Ах! там плыла прекрасная дева,
Она плыла по ненасытному аду.
Мальчика несла она на руках².

Почему Вы не назвали книгу: Стихи о прекрасной ДЕВЕ.

«Дама» в глубинах Geist'a* рус<ского> языка никогда не скроется.
Поздравляем Л<юбовь> Д<митриевну>³ и А<лександр> А<ндреевну>⁴.

А. Р е м и з о в

¹ Источник цитаты не установлен.

² Цитата из книги Н. Бокадорова «Хождение Богородицы по мукам» (Опыт истории христианской легенды). Киев, типография Петра Барского, 1904, с. 48.

³ Л. Д. Менделееву-Блок.

⁴ А. А. Рублицкую-Пиоттух.

А. М. РЕМИЗОВ

Рисунок С. М. Городецкого, 1920 г.
Частное собрание, Москва

2. БЛОК — РЕМИЗОВУ

27 июня 1905 г. «Петербург»

Дорогой Алексей Михайлович.

Спасибо за присылку гонорара ¹. «Пруд» ² хочу читать после, когда кончится, сразу, потому пока не читал в июньской книжке.

Стихотворение, которое Вам читал и хотел посвятить, хочу переделать и подчистить ³.

Очень хочу писать о Сиповском (Русские повести XVII—XVIII в.) ⁴. Пожалуйста, пришлите мне их, они вышли, кажется, еще до Рождества. Это — пока единственная книга в своем роде (потому что приложен текст повестей, а у Пыпина ⁵ и пр. — нет).

Кланяюсь Серафиме Павловне ⁶. Жму вашу руку.

Ал. Блок

¹ В 1905 г. Ремизов заведовал конторой журнала «Вопросы жизни». Гонорар был выслан Блоку за напечатанные в 6-м номере (июнь 1905 г.) 10 стихотворений под общим названием «Нечаянная радость. Стихи». («Помнишь думы? Они улетели. . .»), «Я живу в отдаленном скиту. . .», «Гроб невесты легкой тканью. . .»), «Крыльцо ее, словно паперть. . .»), «Вербная суббота» («Вечерние люди уходят в дома. . .»), «Снова иду я над этой пустынной равниной. . .»), «Мы шли над морем в час рассвета. . .»), «Все отошли. Шумите, сосны. . .»), «Ты оденешь меня в серебро. . .»), «Болотные чертенятки») и рецензии на книги: А п у л е й. Амур и Психея. С лат. перев. В. Н. Е. С рис. и композициями Макса Клингера. СПб., 1905; Публий Овидий Н а з о н. Наука любви. В русск. перев. с примеч. А. И. Манна. СПб., 1905.

² «Пруд» — роман Ремизова (1902), впервые — «Вопросы жизни», 1905, № 4—11. Отзыв Блока о романе см. в письме Ремизову от 28 мая 1905 г. «Начитался «Пруда», охватило чувство «скарба» и запахов. Проглотил все сразу и жду, что дальше с нетерпением: куда пойдет — даже, куда выберется? Надо же, чтобы конец романа обсушился, а то — ужас (Сологуб иногда перед этим — ребенок). Страх ворочает, когда читаешь роман. И именно пока все так: «выберется», «ворочает», «ползет». К ночи читать страшно. Есть общее со сказками «Кота-Мурлыки», единственным, по-моему, в своем роде, — которые я в детстве ужасно любил, а теперь почти забыл — и вдруг опять «поднялось» (VIII, 126).

(«Сказки Кота-Мурлыки», 1872 — книга Н. П. Вагнера, в которую вошло 25 сказок. Многократно переиздавалась. В плане первой части поэмы «Возмездие» Блок выделил (как приметку «сентиментального воспитания» Сына) чтение «с няней в дедушкином кабинете» Кота-Мурлыки — III, 464).

³ «Легенда» (15 апреля 1905 г.). См. II, 419—420.

⁴ «Русские повести XVII—XVIII вв.» Под редакцией и с предисловием В. В. Сиповского. СПб., изд. Суворина, 1905. (Вышло в сентябре 1904 г.). Рецензии на эту книгу Блок не написал. Позже, в «Литературном приложении» № 8 к газете «Слово» от 27 марта 1906 г., Блок напечатал рецензию на учебник В. Сиповского «История русской словесности» (часть I, вып. 1, 2. СПб., 1906), из которой видно, что Блок высоко ценил работы Сиповского (VI, 622—624).

⁵ Александр Николаевич Пыпин (1833—1904) — публицист, историк литературы и критик, с 1898 г. академик. Имеется в виду книга Пыпина «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских» (СПб., 1857).

⁶ Серафима Павловна Ремизова-Довгелло (1876—1943) — жена Ремизова. Ремизов познакомился с нею в 1903 г. в ссылке (Усть-Сысольске и Вологде), где Серафима Павловна также отбывала ссылку.

3. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

25 марта 1906 г., Петербург
5 Рождественская, 38, кв. 2.

Дорогой Александр Александрович!

Если у Вас есть гильзы, дайте, пожалуйста, 10 штук. Очень мало осталось, а нигде не купишь по случаю праздника. Желаю Вам экзамены ¹ хорошо выдержать, на пятерку.

Любови Дмитриевне кланяемся.

А. Ремизов

Благовещенье, 1906 ².

Написано на листе с грифом: Редакция журнала «Вопросы жизни». СПб., Седьмая Рождественская, д. 7.

¹ Весной 1906 г. Блок сдавал государственные экзамены в Петербургском университете.

² 25 марта.

4. БЛОК — РЕМИЗОВУ

«Апрель 1906 г., Петербург»

Милый Алексей Михайлович.

Спасибо за «Митинг» ¹. Папирос не посылаю, говорят, вы уже достали. Серафиме Павловне очень кланяюсь. Зубрю к экзамену на чем свет стоит.

Ваш Ал. Блок

¹ Речь идет о «перемещениях» стихотворения Блока «Митинг» (10 октября 1905 г.). Стихотворение первоначально предназначалось к публикации в альманахе «Факелы». В письме Г. И. Чулкову (7 января 1906 г.), одному из организаторов «Факелов», Блок писал: «До зарезу нужны деньги, и потому пользуюсь вашим предложением в прошлый раз: беру у вас «Митинг» и попробую отдать его в «Журнал для всех» (См.: «Письма Александра Блока», с. 130). Ремизов, как и Блок, был близко знаком с Чулковым, сотрудничал в «Журнале для всех» В. С. Миролюбова и либо взял «Митинг» у Чулкова, либо передал его Миролюбову. Стихотворение, однако, в журнале не было напечатано; впервые появилось в кн. «Нечаянная радость» (1907).

5. БЛОК — РЕМИЗОВУ

3 октября 1906 г. Петербург»

Дорогой Алексей Михайлович.

Оторвите половину и напишите мне адрес *Шестова* ¹, если знаете. Я вчера забыл спросить Вас, а мне надо написать Грифу ² для приглашения Шестова в Перевал ³. И наверное ли Вы знаете, что *Бердзев* ⁴ придет 10-го. Мне и его велели пригласить. Серафиме Павловне передайте мой низкий поклон.

Любящий Вас Ал. Блок

Публикуется впервые. Автограф — ГПБ, ф. 634, оп. 1, ед. хр. 61. Открытое письмо с адресом: Здесь, 5 Рождественская, 38, кв. 2, Его Высочородию Алексею Михайловичу Ремизову. Почт. шт.: 3 окт. 1906 г.

¹ Шестов — псевдоним Льва Исааковича *Шварцмана* (1866—1938) — философа-экзистенциалиста и литературного критика. Л. Шестов в 1895—1914 гг. жил преимущественно в Швейцарии, в 1914—1920 гг. — в России, с 1920 г. — в Париже.

² Гриф — А. С. Соколов (1879—1936), поэт (псевдоним: С. Кречетов), владелец издательства «Гриф» (1903—1913). См. в наст. томе переписку Блока с ним.

³ «Перевал. Журнал свободной мысли» (1906—1907). Близок к петербургским «мистическим анархистам». Письмо проясняет вопрос об активном участии Блока в подготовке первых номеров журнала. (Первый номер вышел в ноябре 1906 г.) Письмо Блока Н. А. Бердяеву, написанное около 5 октября 1906 г., не сохранилось. (См. Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог. Выпуск 1, с. 476.) Письмо Соколову (или Шестову, или им обоим), которое Блок, видимо, написал в это же время, также должно быть внесено в список найденного.

⁴ Николай Александрович *Бердяев* (1874—1948) философ-идеалист, публицист, критик. Ремизов познакомился с ним в Вологде в 1902 г.

6. БЛОК — РЕМИЗОВУ

7 I¹ 1908 г. Петербург

Милый Алексей Михайлович, с Новым Годом! Спасибо за «Чертов Лог»². Крепко Вас целую.

Любящий Вас Ал. Б л о к

6 января

Публикуется впервые. Автограф — ГПБ, ф. 634, оп. 1, ед. хр. 61. Открытое письмо с адресом: Городское, М. Казачий пер., 9, кв. 34, Алексею Михайловичу Ремизову. Почт. шт.: 7.1.08.

¹ Месяц проставлен рукой Ремизова (синим карандашом).

² См. примечание к первой дарственной надписи Ремизова.

7. БЛОК — РЕМИЗОВУ

28 IV 1908. «Петербург»

Дорогой Алексей Михайлович.

Очень хочу Вам и Серафиме Павловне прочесть пьесу, которую, наконец, кончил. Рад был бы, если бы Вы и Серафима Павловна пришли ко мне на Галерную в четверг 1 мая, часу в 9-м. Если не пугает Вас длинное чтение, приходите, пожалуйста, буду ждать в 9-м часу вечера. Называется «Песня судьбы», очень за нее боюсь¹.

Любящий Вас Ал. Б л о к

¹ См. вступительную статью.

8. БЛОК — РЕМИЗОВУ

«30 V 1908 Петербург»

Спасибо. Я очень Вас люблю.

Александр Б л о к

Датируется по почт. шт.

9. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

3 октябрь 1908.

СПб. М. Казачий пер. («улок»), 9, кв. 34.

Дорогой Александр Александрович!

Есть у меня к Вам дело: есть писатель Иванов-Разумник¹, который написал четыре книги — «История русской общественной мысли» СПб, 1908, I т. и II т.², «Что такое «махаевщина»» СПб, 1908. — 50 к. «О смысле жизни (Ф. Сологуб, Л. Андреев, Л. Шестов³)», СПб, 1908. — 1 р. В настоящее время Разумник Васильевич Иванов занимается исследованием писателей от Вольтерского⁴ до нас с вами. Книгу свою он хочет выпустить с портретами⁵. Я взялся достать ему Ваш портрет с автографом на портрете или под портретом: «Александр Блок». Пожалуйста, Александр Александрович, пришлите на мое имя (Казачий пер.) свой портрет. И хорошо бы это сделать, не очень вымедляя.

Скоро ли Вы придете? Я написал «трагедию об Иуде — принце Искарриотском»⁶, которую хотел бы Вам показать и ваших мнений послушать.

А. Ремизов

¹ Иванов-Разумник, псевдоним Разумника Васильевича Иванова (1878—1945), критика и публициста. См. в наст. книге переписку его с Блоком.

² В 1908 году вышло 2-ое, дополненное издание книги «История русской общественной мысли». Первое издание — 1907 г.

³ См. п. 5, прим. 1.

⁴ Аким Львович *Волинский* (Флексер) (1863—1926) — критик и искусствовед, близкий к символистам.

⁵ Замысел не осуществился.

⁶ «Трагедия о Иуде-принце Искарриотском» (1908). Впервые — «Золотое руно», 1908, № 1.

10. БЛОК — РЕМИЗОВУ

6 октября «1908 г. Петербург»

Милый Алексей Михайлович, вот Вам портрет для Разумника, последний, оставшийся у меня, и потому — в блузе¹. Ваше письмо мне переслали уже сюда², а я приехал только 4-го утром. «Трагедию об Иуде Искарриотском» очень хочу услышать от Вас, когда захотите. Серафиме Павловне кланяюсь низко и остаюсь любящий Вас

Александр Блок

А я почти ничего не писал³.

¹ Публикуется впервые. Автограф — ГПБ, ф. 634, оп. 1, ед. хр. 61. Выполняя просьбу Ремизова в п. 9, Блок послал свою фотографию (1907 г., Д. С. Здобнова) для Иванова-Разумника.

² Из Шахматова в Петербург.

³ За весну—лето 1908 г. Блоком было написано только несколько стихотворений, ни одно из которых не было включено в основное собрание («Их было много — дев прекрасных. . .», «В глубоких сумерках собора. . .», «По-православному», «Чудесно все, что узнаю. . .», «Ты помнишь — в лодке в час заката. . .») и прозаический отрывок «Праматерь» (Из статьи «Об одной старинной пьесе»).

11. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

М (алый) Казачий пер (еулок), 9, кв. 34.
27 окт (ября) 1908, «Петербург»

Дорогой Александр Александрович!

Я с Вами согласен: читать не нужно¹. А почему не нужно, я совсем по-другому думаю, и не думаю, а на этот счет чувствую. Так что сказать не могу, почему я нахожу читать не нужно. Когда я читаю, я никого не вижу, ничего не слышу, а вижу свою книгу и слышу свой голос, произносящий русские слова. А так как я люблю русские слова, то мне приятно произносить их. Так что, кажется, выходит по всему, что мне нужно читать, раз мне приятно это, а в то же время, уходя с вечеров, я испытываю какое-то неприятное чувство, словно бы я сделал что-то такое, чего мне не следовало бы делать. Но тут-то я ничего уж не могу сказать. Те люди, которые идут на вечера, они в глубине своего сердца прекрасно знают, зачем они идут. И когда слышат, скажем, мои русские слова, они остаются к ним совершенно безразличны, как оставались бы безразличны к словам Достоевского, Толстого и Пушкина². Вечер для каждого входящего на вечер имеет только тот смысл, что в данный промежуток времени в известном месте произойдет или не произойдет, совершится так или по-другому то дело, какое входящий несет с собой — дело его жизни. Как вечер с моими русскими словами, так и вечер с Достоевским никого ничему научить не может, не может ни поправить чего-нибудь, ни испортить что-нибудь³. Всё останется по-прежнему. Боже мой! — После Эдипа и Гамлета развезаются по публичным домам. Да что и говорить, очень уж это все презвезно. Вот почему в вашем «почему читать не нужно»

я чувствую какую-то неправду, что-то такое сочиненное, «не правдошное». Теперь вы напишите еще в «Речи», чтобы поэты не печатали стихов в газетах. Против себя напишите ⁴. Печатание стихов в газетах, которые идут на обертки, стыднее чтения перед людьми, занятыми своим делом. Напишите это, пожалуйста. А третий фельетон посвятите, впрочем, этого, пожалуй, и не стоит.

Ну вот, Александр Александрович, все вам высказал по порядку. Когда же вы моего Принца Иуду услышите?

В четверг 30 окт<ября> в 9 ч. буду читать Вя<ч>еславу Ивановичу ⁵, к которому пойду в 8 ч. Он спрашивал, не пригласить ли кого. Если у вас время будет, приходите к нему ⁶. Мне замечания послушать очень полезно.

А. Ремизов

¹ Ответ на статью Блока «Вечера искусств», напечатанную 27 октября 1908 г. в газете «Речь». (V, 304—308).

² Ремизов полемизирует с Блоком. Ср.: «На днях один писатель (не моего поколения) рассказывал мне о прежних литературных вечерах; бывали они очень редко и всегда отличались особой торжественностью. Нечего и говорить о том, почему был прав Достоевский, когда с эстрады «жег сердца людей» «Пророками» Пушкина и Лермонтова. Это было торжество неслыханное, — и разве можно было не запомнить такого «явления» Достоевского «народу» на всю жизнь? (V, 307).

³ Ср. у Блока: «. . . стихи любого из новых поэтов читать не нужно и почти всегда — вредно.

Вредно потому, что новые поэты еще почти ничего не сделали; потому, что нельзя приучать публику любоваться на писателей, у которых нет ореола общественного, которые еще не имеют права считать себя потомками священной русской литературы; вредно потому, что нельзя приучать публику к любопытству насчет писателей в ущерб любознательности насчет литературы; вредно потому, что большинство новых произведений (исключая бесчисленные фабрикация и подделки) недостаточно большой публике, и она права, когда чистосердечно ничего не понимает; вредно потому, что все это, вместе взятое, порождает атмосферу не только пошлости и вульгарности, — хуже того: вечера нового искусства в особенности, а также все остальные, примыкающие к ним, по нашим временам, очень тесно, порождая все перечисленное, тем самым становятся как бы ячейками общественной реакции; как бы ни были крохотны и незначительны эти ячейки в круговороте нашей жизни, они делают свое медленное дело неуклонно. Поэтому <. . . > я обращаюсь к писателям, художникам и строителям с горячим призывом не участвовать в деле, разлагающем общество, то есть не способствовать размножению породы людей «стиля модерн», дни которых сочтены. Общество интеллигентное и без «вечеров нового искусства» довольно пропитано ядами косности и праздности, и прибавлять хоть каплю в море дурных инстинктов есть дело, недостойное художника и гражданина» (V, 308). См. также ответ Блока: «Знаю, почему Вы упрекаете меня в «сочиненности» (относит «ельно» вечеров), но и Вы знаете, почему я с этим не соглашусь. Это — только — логический способ доказать в газете то, что я чувствую, а не то только, о чем я размышлял. А стихи в газете — это совсем другое для меня, и тут я не чувствую «нельзя», потому что я вовсе не «культурный» человек и всегда даже презираю всяких Стефанов Георге» (VIII, 257).

⁴ Блок печатал свои стихи в газетах «Слово», «Знамя труда», «Наша жизнь», «Петроградское ахо», «Столичная почта», «Студенческая речь», «Русь» и в др.

⁵ В. И. Иванов.

⁶ 30 октября Блок на чтении трагедии не присутствовал.

«Не отвечал Вам потому, что думал увидеть Вас вчера у Вяч<еслава> Ив<анова>. А туда не попал, потому что пишу об Ибсене для утренника Комисс<аржевской> в воскресенье и страшно устал вообще. «Принца Иуду», все-таки, надеюсь услышать, если где-нибудь будете еще читать» (VIII, 256—257).

12. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

22 января 1909 [Петербург]

Дорогой Александр Александрович!

Я действительно не могу читать: вот не знаю почему, просто не знаю, а слышу от кого-то, кто меня удерживает. А знаю также: вам читать можно. Если хотите, то вот одно из соображений по наблюдению: когда вы читаете (на вечерах я толочка в публике и глаз не спускаю), столько людей любят вас, а которые и не любят, то улыбаются добродушно. А вы понимаете, что относительно меня это невозможно <. . . > И объясните той барышне ¹, что не могу ².

А. Ремизов

¹ Имеется в виду Зоя Владимировна Зверева (ум. 1956) — студентка, революционерка, организатор литературных вечеров.

По воспоминаниям М. А. Бекетовой, зимой 1908—1909 г. «завелся обычай собирать деньги на политические цели, т. е. главным образом на побеги. <...> наряду с подлинными деятелями, стали попадаться авантюристы и просто негодяи, которые, под видом политики, пользовались собранными деньгами по-своему. <...> Но посещавший его «товарищ Андрей» и некая молодая революционерка Зверева оказались и подлинными, и достойными всякого уважения. Умая, убежденная девушка с сильной волей была эта Зверева.

Ал. Ал. Приходилось часто выступать на вечерах, где под «благовидными предложениями» сборы шли все туда же. И потому, неизменно тяготясь такими выступлениями, он не позволял себе от них отказываться, так как имя его уже и тогда собирало публику». (М. А. Бекетова. Александр Блок. Биографический очерк. Пб., «Алконост», 1922, с. 111).

² Ремизов отказывается от чтения на литературном вечере в медицинском институте.

13. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

Александр Александровичу Блоку
А. Ремизов
16 ноября 1909, «Петербург»

Как уехали вы в Италию, так и след простыл ¹. Я бы и давно пришел к Вам, да страшно всё.

Любови Дмитриевне кланяюсь.

А. Ремизов

В письме — приписка А. Блока: «(Рассказы (1902—1909), СПб., К-во «Прогресс», 1910)».

Эта книга (без дарственной надписи А. Ремизова) имелась в Шахматовской библиотеке Блока.

¹ Блок и Любовь Дмитриевна уехали из Петербурга в Венецию (через Варшаву и Вену) 14 апреля 1909 г. С 18 апреля (1 мая) по 8 (21) июня путешествовали по Италии, затем, до 20 июня (3 июля) — по Германии. С 21 по 29 июня пробыли в Петербурге. В июле, августе и сентябре жили в Шахматове, с октября — в Петербурге.

14. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

«11 февраля 1910 г., Петербург»

Дорогой Александр Александрович!

Очень прошу Вас, если Вам не жалко, вырежьте из последнего №^а 16-ого (февраль) ¹ сказку «Лихая» и пришлите ее мне. № 16 конфискован, и я не могу достать нужные мне экземпляры.

А. Ремизов

11 февр<аля> 1910

¹ Речь идет о «Новом журнале для всех» (1910, № 16). На номер был наложен арест за напечатанный в нем рассказ Е. Чирикова «Волк» (с. 21—24), в котором выражалось отрицательное отношение крестьян к Столыпинской аграрной реформе (Указ от 9 ноября 1906 г.). Арест был отменен 25 февраля 1910 г. (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 13, № 409, с. 22). Блок, как и Ремизов, принимал участие в журнале.

15. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

15 марта 1910. «Петербург»

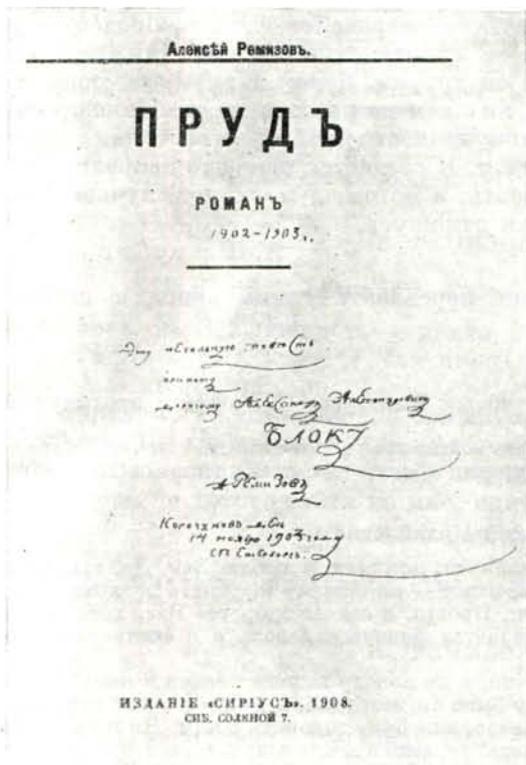
Дорогой Александр Александрович!

Серафима Павловна рассказывала Любови Дмитриевне о Плевницкой ¹. И очень хотел бы, чтобы Вы послушали Русские песни.

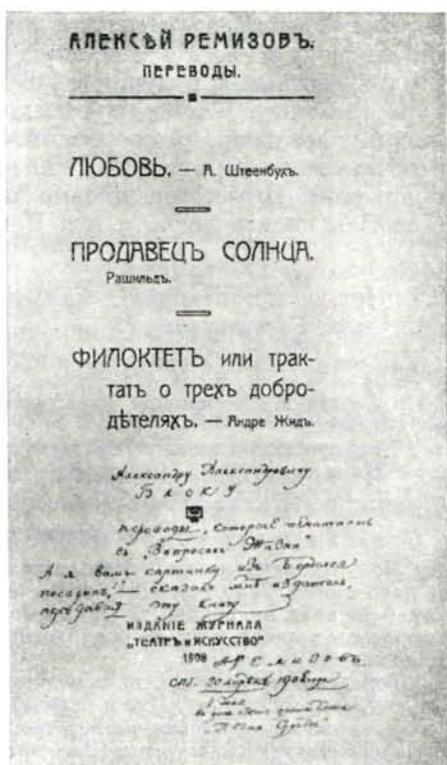
17 III в среду в театре быв<шем> Коммиссаржевской ² будет концерт. Билеты только у Шредера ³, Невск<ий> 52.

Кланяемся вам обоим. А. Ремизов

Сегодня я во сне видел Лескова ⁴. Он мне сказал, что Вы его очень интересуете и очень Вы ему нравитесь.

А. РЕМИЗОВ. «ПРУДЪ», ИЗД. «СИРИУСЪ», 1908.
Титульный лист с дарственной надписью Блоку.
Центральный архив литературы и искусства,
Москва

А. РЕМИЗОВ. ПЕРЕВОДЫ. ИЗД. ЖУРН.
«ТЕАТР И ИСКУССТВО», 1908
Титульный лист с дарственной надписью
Блоку
Центральный архив литературы и искусства,
Москва

¹ Надежда Васильевна Плевичука (урожд. Винникова) (1884—1941) — эстрадная певица, исполнительница русских народных песен. В программу концерта Н. В. Плевичкой входили песни: «Ухарь-купец», «Умер бедняга», «Тихо тащится лошадка», «Золотым кольцом сковали», «Эй, вы, залетные», «Пожар Москвы», «Быстрой летите, кони», «Куделька», «Веревочка» и др. На концерте, о котором идет речь, Блок не был. Позднее, в 1913 г., побывав на концерте певицы, он писал Ремизову: «Слушали Плевичку и грустили по этому поводу о своей «немецкости» (Письмо от 2/15 июня 1913 г.).

² Театр Коммиссаржевской (Офицерская 39) в 1910 г. был переименован в Новый драматический.

³ Имеется в виду известный магазин музыкальных инструментов «К. М. Шредер».

⁴ Творчество Н. С. Лескова было очень близко Ремизову. По воспоминаниям Ремизова, имена, под знаком которых прошла его «жизнь в России за 44 года (1877—1921) — Достоевский, Лесков (Н. К о д р я н с к а я. Алексей Ремизов. Париж, 1956, с. 10). «Единственный наследник особняком стоящего в русской литературе Лескова (не автора растянутых романов, но творца насыщенных, а порою и перенасыщенных словом повестей, рассказов, апокрифов), А. Ремизов связал с этой возрожденной им формой «достоевский дух» (Р. В. И в а н о в - Р а з у м н и к. Русская литература XX века (1890—1915 гг.). Пг., «Колос», 1920, с. 35).

16. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

$\frac{8}{21}$ I 1911, «Петербург»
Таврическая 3^B кв. 23.

Дорогой Александр Александрович!

Вы вчера меня многим обрадовали. И то, что в Вас произошло и стало, и вся душа Ваша, все это — верно. И если бы вчера у Вас никого не было, я прожил бы вечер тихо. Но Вы видели, что мне даже больно стало. А мне больно бывает, когда меня что-нибудь взволнует.

Я прошу Вас, сделайте, пожалуйста, передайте С. М. Городецкому, что не могу я быть с ним знакомым за хулиганские его выходы, которые раздражают меня и мучают¹. Будет он другим, будем знакомы, а пока теперь я не могу. Я никуда не выхожу, ни с кем не разговариваю. Не надо мне никаких ненужных раздражений. От измученности моей я не в состоянии сразу отвечать на то, на что все во мне отвечает. И создается какое-то неправильное положение. Ему хотел письмо написать, а потом, думаю, нет, лучше Вам. Мне Вам писать легко и я к Вам так отношусь.

А. Ремизов

9.1. Нет, я представляю, как трудно передавать такие вещи, а потому пишу сам Городецкому².

А. Р.

¹ Сергей Митрофанович *Городецкий* — поэт и беллетрист. См. о нем в предыдущей публикации.

7 января 1911 г. между Городецким и Ремизовым произошел инцидент личного характера. Блок выступил посредником в примирении обеих сторон. В письме от 10 января 1911 г. Блок писал Ремизову:

«Дорогой Алексей Михайлович.

Получил ваше письмо, очень взволновался им, понимаю и люблю Вас. Да, вам пока не надо видеть Городецкого; я этого не рассчитал — по остатку прежнего легкомыслия; или — не знал подробностей Вашей болезни. Просто, я сейчас здоровее Вас, хотя понимаю очень хорошо, как от раздражения делается физическая боль и о «неправильных положениях», и все это.

Городецкому написал, не передавая точно, а по поводу вашего письма к нему — навстречу Вашему письму. Мне и передать ему было бы нетрудно, я давно и много неприятного говорил ему и письменно и устно. Конечно, еще буду говорить с ним. Но и он будет другим, и сам идет навстречу. Я его знаю, ведь, гораздо прежде и лучше, чем Вы. Он был тихим и задумчивым мальчиком. Ему еще нужны всякие встряски, но и он уже много пережил. И хорошо, что Вы ему написали, все-таки надо. А я Вас за Ваше письмо очень благодарю и целую и люблю. Ал. Б л о к» (VIII, 324). См. также письмо Блока Ремизову от 11 января: «Городецкий прислал Ваше письмо и свое с просьбой переслать Вам. Не пишите Вы ему больше, он все скоро поймет, и все будет хорошо. На моих глазах тает его хулиганство и упрямство с быстротой сверхъестественной. Вы, милый, озлобились наполовину от боли. Еще мы с Вами поговорим об этом — приду к Вам. Городецкому еще пишу и подтверждаю, чтобы он больше с Вами не объяснялся» (VIII, 326).

² Письмо Ремизова хранится в ЦГАЛИ вместе с письмом Городецкого Блоку от 10 января 1911 г. (ф. 55, оп. 1, ед. хр. 224). См. прим. 1 к этому письму в наст. книге с. 52.

17. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

11 I 1911 «Петербург»⁴

Адрес теперешний Мережковских

France, Agay² (Var), G<grand> Hôtel des Roches Rouges

А раньше был адрес

(Paris (France) Poste Restante Mr. Dmitri Philosophoff)

Дорогой Александр Александрович!

Будете писать, припишите, что послал я Философфу³ т. II⁴ в Париж 22 дек <a>б<ра> по нашему стилю. В Москву поедет по всей вероятности завтра. После Москвы хотелось бы Вас повидать.

А. Ремизов

Написано на почтовой карточке. На обратной стороне адрес и печать: «Здесь. М. Моетная, 9, кв. 27. А. А. Блоку. С-Петербург, 11.1.1911.

¹ Ответ на письмо Блока от 10 января 1911 г.: «Вы сказали несколько хороших слов о Мережковских. Потом я читал повесть З<инаиды> Н<иколаевны> в «Рус<ской> мысли». Потом увидал ее во сне — очень хорошо. Из всего этого понял ясно, что напишу к Дм<итрию> С<ергеевичу> и З<инаиде> Н<иколаевне> опять — и по-другому. Верно, у Серафимы Павловны есть их теперешний адрес? Напишите его мне просто на открытке, пожалуйста» (VIII, 325).

Осенью 1910 г. Блок порвал отношения с Д. С. Мережковским и его женой З. Н. Гиппиус из-за написанного Мережковским фельетона «Балаган и трагедия» («Русское слово»,

1910, 14 сентября) по поводу докладов о символизме, прочитанных Блоком и Вяч. Ивановым в Обществе ревнителей художественного слова 8 апреля 1910 г.

² Aгау — городок в департаменте Вар (Var).

³ Дмитрий Владимирович *Философов* (1872—1940) — литературный критик, публицист, ближайший друг Мережковских.

⁴ В конце декабря 1910 г. в изд. «Шиповник» (СПб.) вышел II том сочинений Ремизова, куда вошли: «Часы», «В плену», «Пожар».

Блок ответил Ремизову 11 января 1911 г. (VIII, 326).

18. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

2 марта 1911 г. «Петербург»

Дорогой Александр Александрович!

Хотелось бы Вас повидать — давно Вас не видел. Заходите за мной 4-ого часов в 9 в 1/2 10^{-ть} вечера, (пятница) и пойдете вместе к Вячеславу Ивановичу.¹ — именинник он.

Купите ему какую-нибудь большую рыбу в подарок или очень много маленьких. Он любит рыбу есть или на стену повесит. Я ему в подарок приготовил рог воловий и рог козий под видом рыб: *симпы* и *флюндры*².

А если не хотите зайти ко мне, идите прямо к Вячеславу Ивановичу.

Всего Вам хорошего. А. Ремизов

¹ Иванову.

² Названия рыб придуманы Ремизовым.

19. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

12 III 1911 г. «Петербург»

Дорогой Александр Александрович!

Очень извиняюсь, что пишу Вам о том, о чем я писать не хотел бы Вам. Я у Вас прошу 25 р <у>б. Через неделю я Вам отдам. Я дал одному человеку эту сумму, и он меня обмань. А мне сейчас страшно нужно. Серафима Павловна неделю назад уехала и приедет в среду¹. Хотелось бы до ее приезда поправить в доме все разбитое и разломанное. В среду прошлую² случился пожар³, в крайней комнате стена сгорела. Таскал вещи, кое-что и не уцелело. Если вы можете, пришлите 25 р. *до среды*⁴. А на той неделе я Вам отдам.

А. Ремизов

¹ Письмо написано в субботу (12 марта). Среда — 16 марта.

² 9 марта.

³ См. письмо Ремизова И. А. Рязановскому от 13 марта 1911 г.: «Я опять захворал. Сейчас поправляюсь. Пожар у нас случился. В комнате, где я спал, сгорела стена. Я только что встал и стал заниматься (поправлял «Крестовые сестры»), да зачем-то вышел в столовую, а дым так и валит. Возни много было. Залили, успокоились. А через час опять кричат: пожар. От нервного подъема я себя все хорошо чувствовал, а в субботу сразу и слег. И кажется мне, что прошло много много времени — год, а может быть, и больше. Ну, это все войдет в колею.

Серафимы Павловны сейчас нет в Петербурге, поехала к матери своей, которая очень больна. Приедет в среду — до нее не успеет отремонтировать» (ГПБ, ф. 634, Ремизов, оп. 1, № 31, л. 23).

⁴ Подчеркнуто дважды.

20. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

18 III 1911 г. «Петербург»

Дорогой Александр Александрович!

Третий день жду Серафиму Павловну. Все нет ее. Приедет, напишу. И тогда назначьте день: приедем к вам¹.

О Московском восстании интересная книга есть Владимирова². Не найдете ли ее?

А. Ремизов

¹ Ср. письмо Блока матери от 16 марта 1911 г.: «В пятницу (18 марта. — А. Ю.) у нас будут Ремизовы» («Письма к родным», II, 137).

² Очевидно, имеется в виду книга: В. В л а д и м и р о в. Карательная экспедиция отряда лейб-гвардии Семеновского полка в декабрьские дни на Московско-казанской

железной дороге. М., 1906. В книге, полностью построенной на фактическом материале, рассказывается о зверствах солдат, об убийствах не причастных к забастовке людей, в том числе — стариков, женщин, детей.

21. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

30—31 III 1911 г. «Петербург»

Дорогой Александр Александрович!

Какая досада: приезжаю к Вам в 9-ь с минутами, а Вас уже нет. Подождал у подъезда Серафиму Павловну (она не вместе со мною вышла из дому) и назад.

Так как к Вяч(еславу) Ивановичу¹ можно и в 12-ть, думали мы так сделать: приехать к Вам, как условлено было, а потом к Вяч(еславу) Ив(ановичу). Не выходит и не выходит что-то с нашими условленными вечерами. Теперь вот что остается: Вы приезжайте 3-его вечером и Любовь Дмитриевна.

Достали ли Владимирова?²

А. Ремизов

¹ Иванову.² См. примеч. 2 к п. 20

22. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

8 V
25 IV 1911 г.

Rue Monseigneur le Prince, 63. Hôtel de l'Univers N 34.

A. Rémisoff

Дорогой Александр Александрович!

Понемногу завожу жизнь свою, но еще не занимался — не сидел у стола за вычеркиваниями и подписываниями, завтра начну, Пруд начну, который и хочу здесь кончить¹.

Выстрел на вокзале предвещал всякие случайности — так и Сведенборг говорит в своих гадательных картах². До Берлина так изморился, что ехать дальше в III кл(ассе) не мог, пришлось доплатить и ехать со скорым. Тут-то и начались всякие доплаты: и немцы взяли, и бельгийцы, и французы. К вечеру по Бельгии ехали и часть ночи (приехали в Париж в 1/2 12-ого). Не удивил меня Париж, словно все это видел, и не раз видел, но что меня поразило — это Бельгия, там не мог бы жить: никакого простора, ничего, будто на смех все. Огненные языки из труб видел!

Не успели дня прожить в Париже, уж скандал подняли. Мошенники эти французы, ограбили — взяли 30 frs³ за то, что переехали мы из одного отеля американского в другой (теперешний), неустойку взяли. Если бы не так мало денег, все забыл бы. Но дорожные приплаты и неустойки — просто грустно стало.

В первый же день заходил Бальмон<т>⁴. От Вас я кланялся. А он говорит: «Блок меня ругает все!»⁵ Вчера в русской церкви⁶ был. Служат — пропускают много, и очень мне странно, что поют «от люкавого»⁷. И певчие — французы, беда!

Живем мы по одной лестнице с Чулковым⁸. Пока трудно мне с едой, стараюсь уж не есть. Звонят хорошо: тоненько-тоненько — в Успенском соборе в Москве так маленькие колокола у Ивана Великого звонят. Это часы тут так звонят в Пантеоне (около Пантеона наша улица). И все-таки совсем звон не русский. В особенности ночью — древнее он русского, старше, похороннее, именно похороннее.

На границе Франции вздумали обнести виноградом. Признаться, подумал, что приветствуют гостей, взял для Серафимы Павловны. А потом потребовали заплатить, этакие!

Je suis, je suis, je suis* — только и говорю всем, на все вопросы, на все недоумения, на всякую гадость.

* Я есть. . . (франц.).

А за папиросы мои рублевые немцы 5М⁹ взяли. Полагается только 25 шт <ук>, а я сказал, что у меня 250, — это меня в Петербурге не так научили, будто можно для себя и 1000 шт <ук> взять¹⁰. Передайте мой адрес Ивойлову, Верховскому, Пясту и Аничкову. И всем им кланяюсь¹¹.

А. Ремизов

Любови Дмитриевне поклон.

Есть тут, в Париже, в магазине выставлены туфельки из перышек маленькой птички колибри, стоят 4000 frs. Собственными глазами видел.

¹ В 1911 г. Ремизов переделывал роман «Пруд».

² Эмануэль *Сведенборг* (1668—1772) — шведский ученый и теософ-мистик. Видимо, значение одной из так называемых «Карт Сведенборга» — «Стрелок из лука» — сопоставляется Ремизовым с каким-то реальным выстрелом на вокзале.

³ 30 франков.

⁴ Константин Дмитриевич Бальмонт с января 1906 г. до мая 1913 г. жил в Париже.

⁵ Вероятно, Бальмонт имел в виду статью Блока «Литературный разговор» (апрель 1910 г.). В этой статье Блок, резко отыгравая о современной русской литературе в целом, затрагивает, в частности, и вышедшую в 1910 г. книгу Бальмонта «Морское свечение»: «В сущности, это вовсе не книга в том смысле, как в России принято принимать «книгу». По видимости, это сборник статей, по крайней мере под обложкой содержится пятнадцать разных заглавий; но, в сущности, это просто богатый пестрый ковер, расшитый нежнейшими шелками, и никаких перерывов в узоре нет; <...> по какому фону расшиты эти пестрые узоры? Да ни по какому, фона и нет, фон — грязная, пыльная и засохшая паутина; потому — только две судьбы могут ждать эту книгу: или окажется узор разрисованным по пустому небу, — придет вечер, померкнет и узор; или бросятся на сноп этих цветов мелкие паучишки, <...> растащат по стебельку, рассосут все живые соки, и останутся сухие стебли, голые «лозунги», например: «М и р в о л ш е б е н ! Т ы с в о б о д е н ! Д е р з а й !» (V, 440), Блок и раньше не раз резко критиковал Бальмонта (см. V, 372—375).

⁶ Русская церковь (Eglise russe) — название одной из православных церквей в Париже.

⁷ Заключительные слова молитвы «Отче наш...»

⁸ Георгий Иванович *Чулков* (1879—1939) — символистский поэт, прозаик, критик и историк литературы. Блок познакомился с Чулковым весной 1904 г., поддерживал с ним дружеские отношения до 1908 г.

⁹ 5 марок.

¹⁰ См. ответное письмо Блока.

¹¹ Владимир Николаевич *Ивойлов* (В. Княжнин, 1883—1942) — поэт и литературовед; Юрий Никандрович *Верховский* (1878—1956) — поэт и литературовед; В. Пяст (Владимир Николаевич *Пестовский*) — поэт, друг Блока (см. переписку Блока с ним в наст. томе); Евгений Васильевич *Аничков* (1866—1937) — фольклорист, литературный критик. Все они — приятели Ремизова в 1910-е годы.

23. БЛОК — РЕМИЗОВУ

8 <21> мая 1911

Дорогой Алексей Михайлович, спасибо за письмо, которое уже читаю некоторым лицам вслух. Я Вам ничего такого интересного сообщить не могу. Был я у Мережковских раз — очень хорошо говорил с Зинаидой Николовной¹, и Дмитрий Сергеевич² мне понравился — он был очень напряжен, строг и более, чем когда-нибудь, прямолинеен и потому — отчетлив. А Белый вернулся в Россию, лето проживет в Луцке. Здесь никого почти не вижу, у меня возобновилась в последнее время цынга. Проводив Вас, все мы (кроме Матюшина³ — и барышни, разумеется) стали пить и таскаться по городу до утра. Впрочем, это Вам, вероятно, Чулков рассказал. — Было (уже давно) совещание у Аничкова о журнале. Вячеслав Иванов говорил, конечно, главнѣйшѣм образом; представил проект журнала. Говорили четверо (Аничков, Вячеслав Иванов, Пяст и я), а выяснилось уже ясно, настоящей связи нет («во Имя»). Однако много хорошего и нужного было в этих разговорах, и совсем что-то новое началось, когда дошли (часа в 3 белой ночи) до «желтой расы»; за поздним временем этот разговор не кончился.

Жалею, что я был в числе обманувших Вас насчет папирос и таможи; вспомнил, что со мной было тоже, но это так нелепо, что я забыл об этом и,

если бы второй раз поехал за границу, опять взял бы с собой 250 шт <ук> (у меня тогда было 500, и дело было еще сложнее).

Я поеду в деревню около половины мая, наконец, решительно, — и до июля, а потом — за границу. Вы мне напишите когда-нибудь хоть несколько слов (Никол. ж. д., ст. Подсолнечная, с. Шахматово). — Книга моя, наконец, вышла ⁴, и Вы найдете ее у себя по возвращении. В мае же выйдет новый сборник стихов ⁵, а осенью — остальные два тома ⁶. Кланяюсь Серафиме Павловне, а Вас целую.

А. Блок

¹ З. Н. Гиппиус.

² Д. С. Мережковский.

³ Михаил Васильевич *Матюшин* (1861—1934) — художник и композитор.

⁴ Александр Блок. *Собрание стихотворений. Книга первая. Стихи о Прекрасной Даме* (1898—1904). Издание второе, исправленное. М., Изд. «Мусагет», 1911. См. предыд. письмо Ремизова.

⁵ Александр Блок. *Ночные часы. Четвертый сборник стихов* (1908—1910). М., Изд. «Мусагет», 1911.

⁶ Александр Блок. *Собрание стихотворений. Книга вторая. Нечаянная радость* (1904—1906). Издание второе, дополненное. М., «Мусагет», 1912 (вышла около 19 декабря 1911 г.).

Александр Блок. *Собрание стихотворений. Книга третья. Снежная ночь* (1907—1910). М., Изд. «Мусагет», 1912 (вышла около 25 марта 1912 г.).

24. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

1 VII
18 VI 1911, Paris

Дорогой Александр Александрович!

Сегодня был в последний раз у доктора с рукою, завтра пойдем к обедне в Notre-Dame*, завтра поедет Серафима Павловна в Версаль еще раз посмотреть, в понедельник простимся с Бальмонтом, уложимся и вечером во вторник на gare de Lion.** Пошлите ваши произведения Бальмонту Paris, 60 rue de la Tour***

Когда я ему передал слоновою книгу, где слон ¹ стихи написал «Бальмон <т> у», он прочитал сначала про себя, а потом вслух — и в голосе слезы слышались, когда читал вслух. В Россию он не вернется, застрял он тут и сил уж нет выкарабкаться. А столько еще молодости в нем и порывистости и нежности. Какие грубые Мережковские ² и даже мой Философов ³, сын Анны Павловны ⁴, какой он грубый!

Хотел вам написать, как ходил на вечерние службы в St. Sulpice, как в пасмурные дни слушал с каким-то сердечным замиранием колокольный звон, но ничего не выходило: не выходили слова в те минуты.

13.VI/31.V после сна моего древнего ⁵ с рукою мучился ⁶, даже часов не слышал, вертелся на месте от боли.

Еще по крайней мере месяц ни писать, ничего нельзя делать правую рукою.

Любовь Дмитриевна выручила много, бывала у нас. Взял я у ней денег много и еще бы взял, будь сейчас тут ⁷.

Придется ехать в III кл <ассе>, и это меня сейчас пугает единого <го> ⁸. Третьего дня утром в дождик слышу голос со двора какой-то совсем другой, не парижский, словно с того света голос тихий, но слышный, как дождевые капли. Стал прислушиваться.

— Вагитать-таты!

Слушаю. Что такое? И все повторяется, наперекор сорбонским часам, доносящемуся шуму St. Michel'я ⁹, St. Sulpice'скому звону, звонкам трамвая, пыхтенью автомобилей, повторяется, постукивает, как дождевая капля, и как родное, и как печальное, и как такое далекое:

— вагитать-таты!

* Собор Парижской Богоматери (франц.).

** Лионский вокзал (франц.).

*** Париж, улица де ла Тур, 60.

И, слушая, я сам стал шептать непонятное: вагитать-тать! А знаете, что это? Это наш шурум-бурум¹⁰. Я заглянул вниз во двор и вижу: стоит, как стена, стоит.

— вагитать-тать!

Мне очень грустно, очень грустно, что я ничего не делаю или очень мало делаю.

«Пруд» остановился на 9 гл <аве> II ч <асти>. Когда я это все сделаю — кончу!¹¹

Сейчас берем билеты до Женевы, заеду к Шестову¹² в Coppet¹³. Может быть, удастся показаться с животом знаменитому лозанскому врачу¹⁴.

Если вздумаете написать, адрес такой:

Suisse
Coppet, Lac Leman
Mr. L. Schwarzmänn¹⁵
pour Alexis Rémisoff.

Напишу вам уже в Бретань и всякие поручения выпишу Любове Дмитриевне. Серафима Павловна кланяется.

Сумеречно. Не зажигаю лампы. Звонят, в St. Sulpice. Боже мой, как хорошо ждать, готовиться! С каким чувством слушают этот звон католики, только, конечно, не эти мертвые, — эти подкрашенные старики покойники и не эти злющие старухи и не эти в белых венках и в белых саванах кокетничающие *vièrge*'ы¹⁶, а такие... такие настоящие.

Всего вам хорошего. Приезжайте сюда.

А. Ремизов

¹ Слово — прозвище Ю. Н. Верховского. Вероятно, речь идет о дарственной надписи в книге, подаренной К. Бальмонту, так как в вышедших до этого времени книгах Ю. Верховского («Разные стихотворения». М., «Скорпион», 1908 и «Идиллии и элегии». СПб., «Оры», 1910) стихов с посвящением Бальмонту нет.

² См. п. 17, прим. 1.

³ См. п. 17, прим. 3.

⁴ Анна Павловна *Философова* (1837—1912) — либеральная общественная деятельница.

⁵ Вероятно, подобный сон описывается Ремизовым в «Подорожье» (СПб., «Сирин», 1913).

«...мы идем по полю. Поле пусто, безнарядье, кости да могилы, — огорченная земля.

«Русская земля! Бедная Русь! Черные люди, восставшие на сильных! Вот тебе истинный и праведный суд!»

Философ нагнулся к могиле:

— Вот для примера! — и подает мне какие-то закрученные кипшки.

И молча идет мы от могилы к могиле. Могилы раскрыты. Я не вижу, я чувую, как там шевелится кто-то и шуршит тяжелая парча, и мне хочется заглянуть в могилу и страх берет.

— Ты всей крови заводчик, — вдруг закричал кто-то из могилы, — ты враг проклятый, хриstopродавец, злой, пронырливый злодей, враг божий!

«Московская тьма!» — подумал я и вижу: по полю странник идет, ну как наш Вася Босой, поверх тряпок фрак, на груди большой каменный крест, освятованный странник, улыбается.

— *Noli eos esse meliores!* (Не желай, чтобы они были лучше!) — улыбается <...>

«Вот и у этого Васи Босого тоже нет шапки!» — и я снял шляпу и проснулся» (с. 253—254).

⁶ У Ремизова в это время было воспаление надкостницы правой руки. Письмо написано левой рукой.

⁷ 1 (14) мая 1911 г. Любовь Дмитриевна уехала за границу. В Париже она пробыла с 9 июня до конца месяца, затем уехала в Бретань, 23 июля туда приехал и Блок.

⁸ См. прим. 6.

⁹ Бульвар в Париже.

¹⁰ Шурум-бурум (здесь, вероятно, старьевщик). «Слово «шурум-бурум» ничего не означает, это татарская выкличка. Когда-то на Москве «князья» — татарин, скупщик старья, идет по улице, выбормачивая «шурум-бурум». «Шурум-бурум» звалось, что заведется в хозяйстве «на выброс», всякая заваль, ветошь, лом» (А. М. Ремизов. Петербургский буерак. Шурум-бурум. Воспоминания. ЦГАЛИ, ф. 420, Ремизов, оп. 5, № 18, С. 8).

¹¹ См. п. 22 прим. 1.

¹² См. п. 5, прим. 1.

¹³ Coppet — городок в Швейцарии, расположен на берегу Женевского озера, недалеко от Женевы.

¹⁴ См. письмо Р. В. Иванова-Разумника Ремизову от 17 апреля 1911 г.: «... Была у меня сегодня известная Вам доктор Гедройц. Узнав, что Вы едете «покорять сердце Европы за полтора рубля с огурцами» (завидую я Вам и очень рад за Вас, что попадете Вы в Париж) — она *советует* Вам и предлагает Вам следующее:

Непрерывно быть у профессора Ру (кажется, в Лозанне), главного специалиста по хирургическому лечению болезней желудка. Она даст Вам письмо к Ру, и визит к нему Вам будет стоить 5 франков. Если Ру найдет (что почти несомненно), что никакого хирургического вмешательства не надо, то он направит Вас к профессору Бурже — в той же Лозанне. К этому Бурже она тогда даст Вам письмо. Бурже — специалист по желудочным болезням и, по ее словам — (кое-что я слышал и раньше) — величайший европейский авторитет в этой области» (ГПБ, ф. 634, Арх. Ремизова, оп. 1, № 115, л. 17—18).

¹⁵ Л. Шварцман — см. прим. 12.

¹⁶ Vierge (*франц.*) — дева, девственница. Имеются в виду католические монахини.

25. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

11 VII
28 VI 1911

Genève Suisse, Coppet, Lac Léman
Mr Leon Schwarzmann Pour Alexis Rémisoff.

Дорогой Александр Александрович!

Вот я Вам и правой рукой пишу, доктора не послушал, начал писать. Первые дни в этой невыносимо скучной Женеве скучал, как собака.

Теперь последние главы Пруда делаю, и не замечаю скуки. В соборе St. Pierre ¹ у Кальвина ² еще не был. Если проживем тут до воскресенья, пойдем.

Видел Шильонский замок ³, везде ходил, все трогал: умели люди жить и изводить! Швейцарцы — некрасивый народ, безобразный народ, пугалы какие-то, не лица. А уж дети, такие хорошие, такие милые, ласковые.

Живем мы у Лундберга ⁴, который просит Вам поклон передать. С Шестовым ведаем всякий день: или он к нам приезжает, или мы в Coppet едем по Голубому ⁵ озеру.

Ни гор, ни озер я не люблю. Я камни люблю, серые камни ⁶. Живет тут поблизости Балтрушайтис ⁷, с которым на днях увижусь.

Александр Александрович, пришлите, пожалуйста, ваши вышедшие книги нов<ого> изд<ания> и распорядитесь, чтобы выслали и остальные сюда в рус<скую> библиотеку.

Genève, 1 rue Dizereus, Bibliothèque russe.

Серафима Павловна кланяется.

Скоро в Россию

А. Ремизов

А часы с кукушкой, о которых мечтал, мне не придется купить.

Есть тут одно здание — башня, так на этой башне часы с кукушкой: кукушка маленькая вылетает, малюсенькая, а кукует, за озером слышно.

¹ Собор Сен-Пьер был начат строиться в XII в. в романском стиле, в XIII—XIV вв. строился в готическом стиле, фасад (1752—1756 гг.) — в классицистическом.

² Улица Кальвина в Женеве.

³ Шильонский замок расположен в Швейцарии, на берегу Женевского озера.

⁴ Евгений Германович Лундберг (1887—1965) — писатель, журналист.

⁵ Голубое озеро — Женевское (Lac Genève, Lac Léman).

⁶ В рассказе «Белое знамя» («Весеннее порошье», 1915, с. 78), вспоминая о своей поездке в Париж, Ремизов пишет: «И когда все, кажется, пересмотрел и перетрогал, просто по улицам стал ходить, камни топтал. В камне своя чана есть, душа: проживет камень много веков и если за эти сотни лет кругом него жизнь кипит, получает камень чану свою, и оттого ему ничего не делается, ни сжечь, ни извести его нельзя. И вот когда ходишь по улицам и топчешь эти камни, а камни там ценные, — ведь нигде на земле не прошло так близко и недавно так столько нашего кровного и всего! — эта чана, эта душа, скрытая в них, и в тебе зарождается».

⁷ Юргис Казимирович Балтрушайтис (1873—1944) — поэт-символист.

А. РЕМИЗОВ. «ЧЕРТОВ ЛОГ
И ПОЛУНОЩНОЕ СОЛНЦЕ».
РАССКАЗЫ И ПОЭМЫ. СПБ.,
ИЗД. EOS, 1908

Титульный лист с дарственной
надписью Блоку

Центральный архив литературы и
искусства, Москва

26. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

6 X 11, «Петербург»

Курите! Посылаю Вам, дорогой Александр Александрович, 7 папиростурецких, на именины вчера получил я от некоего мужа в образе диком.

А. Ремизов

27. БЛОК — РЕМИЗОВУ

30 октября 1911 г., Петербург.

Милый Алексей Михайлович.

Вы на меня не обижайтесь, что я к Вам не иду. Мне и хочется и трудно прийти. Спасибо за III том и за папиросты. Их я давно с и удовольствием выкурил. Приду к Вам как-нибудь. Кланяюсь Серафиме Павловне.

Ваш Ал. Блок

Публикуется впервые. Автограф — ГПБ, Арх. Ремизова, ф. 634, оп. 1, № 61, с. 17.

28. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

$\frac{13}{26}$ XI 1911 г. «Петербург»

Положите эту бумагу на пишую и увидите диковенную картинку. Покажите ее Любове Дмитриевне.

Дорогой Александр Александрович!

Обратите внимание на бумагу: такой нигде не достанешь. Ну, были у Вас. Приехали в 6-ть. Признаться, на ветчину зарился: очень есть хотелось. Утром пробовали по телефону с Вами разговаривать, но ничего не вышло. Так и пошли домой ¹.

Александр Александрович, мне из Ж <урнала> д <ля> Всех ² прислали для подписи по делу Куприна — Бенштейна ³. Я думаю не подписывать. Я и дела этого, как следует, не знаю, и, кроме того, думаю, что едва ли чистое дело. Приехал Арцыбашев ⁴, — в газетах он объявлял, что едет судить Куприна и

Леонида Андреева⁵. Он и этим судом занялся и рассудил, как видно. Я об этом поговорить с Вами хотел: Вы, должно быть, тоже получили письмо.

Первое Ваше стихотворение в сборнике очень хорошее.

Ну, а вот насчет посвящения В. А. Ш., то тут лично я против⁶. Вам сказал бы сегодняшним вечером, но так и не пришлось.

Кланяйтесь Любви Дмитриевне.

От Серафимы Павловны поклон Вам обоим.

А. Р е м и з о в

¹ Ср. записи в дневнике Блока от 13 ноября 1911 г.: «Я обедал у мамы, а весь вечер гулял по улицам. А без нас опять были Ремизовы!» (VII, 87).

² «Новый журнал для всех» (1908—1916). Редактор-издатель — Н. А. Бенштейн-Архипов.

³ В конце октября—начале ноября 1911 г. между Куприным и Бенштейном произошел инцидент: Куприн обещал Бенштейну часть своих сочинений, ранее проданных другому издательству. См. также письмо Н. А. Архипова А. М. Ремизову от 13 ноября 1911 г.: «Дорогой Алексей Михайлович, будьте добреньким — присоедините свою подпись на революции! Это, ей богу, ужасно важно. Кстати, сообщаю Вам, что кроме Чулкова и Толстого непременно присоединится Дымов и Ауслендер; надеюсь и на Городецкого и Блока. Дайте же ответ с подателем и заранее благодарен Вам бесконечно. Крепко жму руку. Ваш Николай А р х и п о в». К письму была приложена резолюция: «Состоявшееся 9 ноября с. г. общее собрание сотрудников «Новой Жизни» и «Нового Журнала для всех», подробно ознакомившись со всеми обстоятельствами инцидента Куприн—Бенштейн, постановило: «Не входя в рассмотрение формально-юридической стороны договора, заключенного между Куприным и Бенштейном, мы не находим в инциденте Куприн — Бенштейн ничего, что оправдывало бы появившиеся в газетах толки, подрывающие доверие к издательству «Нового Журнала для всех» и заставило бы нас изменить отношение к журналам «Новая Жизнь» и «Новый Журнал для всех».

Резолюцию эту подписали следующие лица: Семен Юшкевич, В. Муйжель, Вл. Ленский, В. Яблочков, Ив. Лазаревский, Дм. Цензор, Вл. Кохановский, Л. Андрусон, Ал. Цитрон, А. Рославлев, И. Абрамович, П. Берлин, Н. Карпов, Н. Фадеев, Д. Клейборг, Н. Боренкий-Бергфельд, М. Арцыбашев, А. Косоротов, Евг. Чириков, А. Свирский, Кармен, А. Боане, Д. Василевский, гр. Ал. Толстой, Скиталец, Н. Олигер, А. Чапыгин, А. Линецкий, Бор. Лазаревский.

Ввиду Вашего отсутствия на собрании, просим Вас присоединить свою подпись на резолюции, если, конечно, Вы ей сочувствуете. Просим вернуть нам прилагаемый лист с обратной почтой.

Редакция «Новой Жизни» и «Нового Журнала для всех» (ГПБ, ф. 634, ед. хр. 47, л. 11—12).

⁴ Михаил Петрович Арцыбашев (1878—1927) — писатель-прозаик.

⁵ 2 ноября, на вечеринке у артистов, Куприн избил Л. Андреева (см. ЛН, т. 72, с. 449). Заявление Арцыбашева по поводу этих инцидентов было помещено в № 151 «Московской газеты» (5 ноября 1911 г.): «В Петербург я еду не по своим делам, а будучи вызван туда из Ростова-на-Дону, где я жил, экстренной телеграммой. Телеграмма — коллективная, подписанная целым рядом писательских имен: Н. Бенштейном, М. Абрамовичем, С. Скитальцем, В. Муйжелем, Л. Андрусовым и др. Всего, кажется, 15 лиц, которые обращаются ко мне с просьбой немедленно прибыть в Петербург для участия в «активном выступлении против А. Куприна».

В чем заключается самое дело, по которому вызывается Арцыбашев, он пока точно не знает. По предположению Арцыбашева, приглашается он в качестве третейского судьи для улаживания конфликта между А. Куприным и редактором-издателем «Нового журнала для всех» Н. Бенштейном.

О новом инциденте Куприн—Андреев, разыгранном 2 ноября в квартире Ходотова М. П., стало известно только в Москве. Арцыбашев предполагает, что «в Петербурге ему придется разбираться и принять участие и в этой скандальной истории».

⁶ В середине ноября 1911 г. вышел четвертый сборник стихов Александра Блока под названием «Ночные часы» (М., «Мусaget»). Первое стихотворение в сборнике — «О доблестях, о подвигах, о славе». Там же были напечатаны стихи «Три послания» с посвящением Валентине Андреевне Щеголевой (Богуславской) — драматической актрисе. Блок познакомился с ней в конце 1906 г., в театре В. Ф. Коммиссаржевской, где тогда играла В. А. Щеголева. Отрывки из дневника В. А. Щеголевой см. в наст. томе, кн. 3.

29. БЛОК — РЕМИЗОВУ

14 ноября 1911 г. Петербургу

Дорогой Алексей Михайлович.

Вот всегда так бывает почему-то: вчера был второй раз с осени, что мы вдруг ушли из дому от обеда. Днем, когда Серафима Павловна звонила по

телефону, Любовь Дмитриевна пошла говорить, — а телефон неизвестен. Сегодня она была у Вас и не застала. Более подробные объяснения — при следующем свидании . . .

Бенпштейну я решил ничего не отвечать потому что 1) ничего об этом деле не знаю, а узнать уже невозможно и нельзя решить по справедливости, кто виноват — пьяный литератор или ловко поймавший момент издатель; 2) потому что среди подписавших попадаетея много сволочи — всякие Абрамовичи ¹.

Сейчас Городецкий ² говорил со мной по телефону о том же; и он уклонился от подписи, я его убедил оставаться непоколебимым.

Мы все ведь одинаково мало пишем у Бенпштейна ³ и все, я думаю, не имеем причин «изменять или не изменять отношения» к его журналам.

Л. Андреев в пятницу, слава богу, ко мне не приходил, его задержало что-то, а раз задержало, — так так значит и надо.

А читали Вы «Алеша Горшок» Толстого ⁴?

Насчет «Трех посланий» Вы не правы. Вы не смотрите на посвящение, а смотрите на стихи. Или Вы не можете отвлечься, или, если осуждаете, так не знаете этих стран ⁵. Поговорим еще об этом.

Что нарисовано на бумаге, не могу разобрать — только листья? Очень хорошая бумага.

Я хотел с Вами говорить об очень важном, что важнее всяких посвящений; со мной и вчера случилось что-то дикое, и всю неделю эту, по-моему, около меня (а, может быть, около всех нас) вьется нечисть ⁶.

Спасибо за «Крестовых сестер», «Чертыханца» и «Глаголицу» ⁷. Этот том я буду читать теперь, не читал почти ничего прежде. До свиданья. А день назначите? Кланяемся оба обоим Вам.

Любящий Вас Ал. Блок

¹ Имеется в виду И. Абрамович (Н. Кадмин) — сотрудник «Нового журнала для всех», литературный критик.

² См. п. 16, прим. 1.

³ За 1910—1911 гг. у Блока напечатано в этом журнале одно стихотворение — «О доблестях, о подвигах, о славе. . .» (1910, № 15, январь); у Ремизова — сказка «Лихая» (1910, № 16, февраль); у Городецкого — стихотворение «Вдвоем» (1910, № 24, октябрь) и рассказ «Мотя» (1911, № 28, февраль).

⁴ Рассказ Л. Толстого «Алеша Горшок» был опубликован в «Посмертных художественных произведениях Л. Н. Толстого» (т. 1, М., 1911). Первое знакомство с рассказом произвело на Блока сильное впечатление. Ср. запись в дневнике от 13 ноября 1911 г.: «Гениальнейшее, что читал, — Толстой — «Алеша-Горшок» (VII, 87).

⁵ «Страна» — на языке Блока: определенное душевное состояние или особая область понятий и представлений (VII, 484).

⁶ См. вступительную статью.

⁷ Произведения «Крестовые сестры» и «Чертыханец» вошли в т. V «Сочинений» Ремизова («Шиповник», 1911). Рассказ «Глаголица» был напечатан в газете «Речь», № 354 от 25 декабря 1911 г. Возможно, Блок получил рукопись рассказа до его публикации, но более вероятно — в письме ошибка и Блок имел в виду рассказ «Галстук», также вошедший в т. V «Сочинений».

30. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

$\frac{3}{16}$ III 1912, «Петербург»

Дорогой Александр Александрович!

Вы меня не забыли? Я Вам две книжки пришлю на той неделе — VI и VII том ¹. Серафиме Павловне лучше теперь стало. Плачет над Вашими стихами.

Поклон Вам. Любви Дмитриевне от нас поклон.

А. Ремизов

¹ В конце февраля — начале марта 1912 г. в изд-ве «Шиповник» вышли два тома сочинений Алексея Ремизова: т. VI, — «Сказки» и т. VII — «Отреченные повести».

А. М. РЕМИЗОВ

Шарж Мака (цв. карандаш), 1912 г.
Литературный музей, Москва

31. БЛОК — РЕМИЗОВУ

3 марта 1912, «Петербург»

Дорогой Алексей Михайлович.

Вспоминаю Вас и соскучился о Вас. Любовь Дмитриевна собиралась к Вам на этой неделе, что-то задержало; а я это время почти никого не видал. Не посылайте мне книг, на которые я смотрю часто в витринах, — лучше — до свиданья. У меня давно лежат Ваши «Литературные Шаги»¹ и кроме того II-я книга стихов, которую я не хочу дарить без III-ей, а III-я задержалась, теперь скоро выйдет, я все корректуры исправил. Кланяемся обоим Вам, до свидания.

Ваш Ал. Блок

Л<любовь> Д<митриевна> верно скоро к Вам зайдет.

Публикуется впервые. Автограф — ГПБ, ф. 634, оп. 1, ед. хр. 61.

¹ 12 марта 1912 г. Ремизов подарил эту книгу Блоку (см. приложение).

32. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

<19 марта/1 апреля> 1912 г. Петербург»

Дорогой Александр Александрович!

Вас не увидеть, а мне надо повидать Вас и поговорить с Вами о деле одном¹. Вам, может, будет приятно дело.

Вот я Вам что предлагаю: приходите к нам с кумою² в Вел<сикий> четверг³ часов в 5; я Вам все расскажу, а потом в Смольный монастырь вместе пойдемте к двенадцати евангелиям⁴.

Если же Вам так неудобно, то приходите прямо в Смольный, а после все-нощной к нам с кумою.

Денег с собой не берите и часов не берите, вытащут.

Серафима Павловна кланяется Вам и Любовь Дмитриевне.

Со свечками пойдем с горящими⁵. До Хренова⁶ дома донести можно.

А. Ремизов

¹ Через посредство Ремизова М. И. Терещенко (1886—1956), крупный банкир и промышленник, знаток и любитель искусства, в 1912 г. исполнявший обязанности чиновника особых поручений при директоре императорских театров В. А. Теляковском, хотел заказать Блоку сценарий к балету из провансальской жизни. Знакомство Терещенко с Блоком состоялось перед пасхой, заказ был принят. В процессе работы балет перерос в либретто оперы, затем — в драму «Роза и Крест».

² Кума — Л. Д. Блок.

³ Великий четверг в 1912 г. приходился на 22 марта.

⁴ На всеобщей в Великий четверг читаются 12 глав из евангелий.

⁵ По православному обычаю, после всеобщей в Великий четверг расходятся по домам с горящими свечками — уносят «святой огонек».

⁶ А. С. Хренов — домовладелец, архитектор.

33. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

19 III 1912, «Петербург»
 Вечером I <IV>

Нет, дорогой Александр Александрович!

Вы лучше уж непременно придите в четверг часов в 10 вечера. Я умаю, что евангелия читать к этому времени кончат ¹.

Очень Вы меня илиодоровым братом ² заманили, очень мне послушать хочется, что Вы узнали. Я за этими делами все следил.

Куме поклон.

А. Ремизов

¹ Письму, видимо, предшествовал отказ Блока слушать службу в Великий четверг, высказанный Блоком, возможно, в недошедшем до нас письме или устно.

² Илиодор — сектантский иеромонах-проповедник, соорудил в Царицыне монастырь (Илиодоровский). Реакционный деятель, очень влиятельный, входил в аристократические салоны (вместе с Гермогеном и Распутиным). В 1911 г. между Гермогеном и Илиодором, с одной стороны, и Распутиным с другой произошел разрыв, закончившийся опалой Гермогена и Илиодора.

Об «илиодоровом брате» Блок узнал от своей сестры Ангелины Блок. См. запись в дневнике от 18 марта 1912 г.: «Третьего дня полдня провела у меня Ангелина. <...> У Ангелины так теперь: «преосвященный Гермоген» — подлинная церковь, тот круг (из образующих новую церковь), к которому «примкнула» она. Гермоген — вполне свят. Илиодор («отец») меньше, но и он. Распутин — враг. <...> Эта крошечная фигурка обладает упорством, может быть действительным. По крайней мере недаром в этой квартире спит на полу г-жа Сергеева и произносит погромные речи казаковатый брат Илиодора» (VII, 132—133).

34. БЛОК — РЕМИЗОВУ

31 III 1912 «Петербург»

Дорогой Алексей Михайлович.

Если увидите Терещенку, скажите ему, пожалуйста, что я уже литературу о трубадурах узнал ¹. Вероятно, будет трудно разъяснить некоторые тексты, если мне понадобятся романы и легенды. Один балет ² уж я сочинил, только он не годится, Вы Т «ерещенк» об этом не говорите. Напишите мне, на всякий случай, его адрес; а также — адрес Евг. Загорского ³, если Гржебин ⁴ знает. — У нас кухарка заболела и теперь другая — временная.

Ваш А. Б.

¹ См.: В. Ж и р м у н с к и й. Драма Александра Блока «Роза и крест». Литературные источники. Л., 1964, с. 25—26, 101—102.

² См. п. 25, прим. 1.

³ Евг. Загорский — псевдоним Евгения Михайловича Завиловского — литературоведа, поэта, близкого к символистам, переводчика с польского.

⁴ Зиновий Исаевич Гржебин (1869—1929) — карикатурист, совладелец (вместе с С. Ю. Копельманом) книгоиздательства «Шиповник» (1906—1918), в котором в 1910—1912 гг. издавались сочинения Ремизова в 8-ми томах. В 1919—1923 гг. организовал кн. издательство в Петрограде с филиалами в Москве и Берлине. В это время сосед А. Ремизова (Таврическая 3-в) «Гржебин по одной лестнице, дверь через площадку» («Иверень», с. 202, ИРЛИ, Арх. Ремизова).

35. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

31 III
13 <IV> 1912, <Петербург>

Дорогой Александр Александрович!

По всему вижу, что дело у Вас пойдет хорошо, раз кухарка уж заболела. (Представляю себе, как Вы балет разыгрывали, какой гром, какой шум был, ну и человек захворал)¹.

Ну это я так всё, уж больно хорошо у Вас приписка о кухарке сделана. Мих <аилу> Ив <ановичу> скажу завтра же. Как я рад, что взялись Вы за балет.

А Загорского адрес Гржебин не знает. Адрес Терещенко: Английская набережная > 34, тел. 53-54. (Звонить ему либо утром в 11 часов > либо после 4-х).

Серафима Павловна кланяется вам обоим и я куме кланяюсь.

А. Ремизов

¹ Ответ на п. 34.

36. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

4/17 IV 1912, <Петербург>

В день затмения солнца на небе.

Дорогой Александр Александрович!

Собственными глазами видел я затмение. Пошел я на Невский и против каланчи столб. Много народу стояло нас. И все мы одно думали: «Кто это может знать волю божию?» А солнце стало меркнуть и затмилось, и возопиша вси единым гласом глаголюще:

— Велика ты, наука философия!

Потом, глядя в закопченные стекла, разошлись все по домам, сажею, как на масленицу, испачканные.

Александр Александрович, известите меня, можно ли за Вами захватить с Мих <аилом> Иван <овичем> в его автомобиле в пятницу 6-ого около 1/2 5-ого и взять Вас, проехать на острова и опять в дом Ваш Вас доставить. Дорогой поговорим о всяких делах балетных.

Куме поклон.

А. Ремизов

37. БЛОК — РЕМИЗОВУ

5 апреля <1912, Петербург>

Дорогой Алексей Михайлович, непременно приезжайте с Мих <аилом> Ив <ановичем>, очень приятно поехать на острова, а кстати, мне надо спросить несколько вещей у Мих <аила> Ив <ановича>.

Серафиме Павловне поклон.

Ваш А. Блок.

Вы поднимитесь к нам, лифт ходит.

38. БЛОК — РЕМИЗОВУ

18 апреля 1912 г. <Петербург>

Вот мы и не поехали кататься, Алексей Михайлович: М <ихаил> И <ванович> болен¹. Я тоже простудился сегодня, так что мне и лучше не кататься. Желая Серафиме Павловне выдержать последний экзамен². Кланяемся мы оба вам обоим. Верно, увидимся теперь после пятницы только. Любящий Вас Ал. Блок.

Г. И. Чулков жив, сегодня письмо от него³.¹ Терещенко.² В 1912 г. С. П. Ремизова-Довгелло заканчивала Петербургский археологический институт.

³ Письмо Г. И. Чулкова от 15 апреля 1912 г. — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 455, л. 40. Из предыдущего письма узнаем, что Чулков собирался уезжать из Петербурга.

39. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

27 IV
10 <V> 1912, «Петербург»

Дорогой Александр Александрович!

В понедельник (30 IV) к Вам заедем с Михаилом Ивановичем. У него все дела его решались, заезжал к нам, но уже так, о другом трудно было говорить. Теперь, кажется, он совсем свободен, и будет все легко и просто. Серафима Павловна идет на экзамен. Кланяюсь куме.

Всего Вам хорошего. А. Ремизов

40. БЛОК — РЕМИЗОВУ

28 апреля <1912, Петербург>

Дорогой Алексей Михайлович, буду ждать вас с Мих <аилом> Ив <ановичем> в понедельник. Я думал уж, что случилось что-нибудь. Все придумываю балет, это трудно, пока нет почвы под ногами, пора бы уже поговорить с Глазуновым ¹.

Поклон от нас Серафиме Павловне. Кума Ваша будет играть летом в Териоках ².

Ваш Ал. Блок

¹ Александр Константинович Глазунов (1865—1936) — композитор.

² В Териоках (ныне — г. Зеленогорск Ленинградской области) летом 1912 г. в театре-казино устраивались спектакли «Товарищества актеров, писателей, художников и музыкантов» под художественным руководством В. Э. Мейерхольда.

41. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

³
16 VI 1912, «Петербург»

Дорогой Александр Александрович!

Ехать в Териоки ¹ я хотел. Хотел двух зайцев убить: и посмотреть театр и Руманова ².

С утра дождик, но это еще ничего, Федор Иванович Щекóлдин ³ проспал, он же не <до>звонился к Александру Михайловичу Коноплянцеву ⁴. И пять прошло часов и шесть прошло, в 8-ом часу пришел Федор Иванович (очень Вы ему понравились, а сам он старообрядческий начетчик).

Куда же ехать: поздно уж.

Александр Александрович, поговорите с Румановым ⁵. Я ему писал, но ответа не получил. Я ему дал 6 книжек. И, как он сказал мне, по 100 р <уб>. за книжку получу я. Но я еще ничего не получил. Поговорите с ним, нельзя ли мне получить эти деньги теперь. Сам он понимает, время летнее, «один рабочий народ» остается в Петербурге, и мне тоже надо уехать, пора уехать ⁶.

А может быть, все 6 книжек моих забракованы? Он мне ничего не отвечает ⁷.

Получить бы эти деньги сундуком — все 600, дожидаться Михайла Ивановича и уехать.

Всего Вам хорошего, Александр Александрович.

Сейчас <с> Федором Ивановичем едем мост смотреть ⁸.

А. Ремизов

От Серафимы Павловны поклон Вам.

¹ 3 июня намечалось открытие спектаклей в Териоках, но затем оно было перенесено на 9 июня.

² Аркадий Вениаминович Руманов (1878—1960) — журналист, представитель редакции московской газеты «Русское слово» в Петербурге (издатель — И. Д. Сытин).

³ Федор Иванович *Щеколдин* — революционер, автор повести «Электрическое солнце» (альманах «Пряник», 1915).

⁴ Александр Михайлович *Коноплянец* — приятель Ремизова. Видимо, к этому письму относится сделанная Ремизовым на отдельном листке запись (без даты): 1) Федор Иванович Щеколдин (головщик) *; 9 Рождествовская * 23 кв. 2; 2) Александр Михайлович Коноплянец, Ивановская 15 (параклесиарх) **. (* Головщик — «управляющий одним клиросом в монастырских церквях; он подчинен регенту, уставщику» (Даль). ** — «Параклесиарх же вжигает свечи в кандила церковные перед святыми иконами; приготовит и углие горящие в двух сосудах помногу» («Иверень», ИРЛИ, Арх. Ремизова, с. 162).

⁵ А. В. Руманов в 1912 г. часто встречался с Блоком с целью привлечь его к активному участию в газете «Русское слово» в качестве поэта, публициста и критика.

⁶ Ср. с записью Блока в дневнике от 4 июня 1912 г.: «Устраивая (стараясь. . .) дела А. М. Ремизова, которому нужны эти несчастные 600 рублей на *лечение и отдых*, притом *заработанные*, начинаю злиться».

Руманов — я уже записываю это — систематически надует: и Женю, и Пяста, теперь — Ремизова. Когда доходит до денег, он, кажется, нестерпим. Или он ничего не может, а только хвастается? Купчина Сытин, отваливающий 50000 в год бездарному мерзавцу Дорошевичу, *систематически* задерживает сотни, а то и десятки рублей подлинным людям, которые работают и которым нужно *жить* — просто. Такова картина. Или Руманов врет все и действительно только на службе у купца, а повлиять на дурака и жилу не может? Пишу Руманову, *упрашиваю* его» (VII, 148).

⁷ В издательстве И. Д. Сытина книги Ремизова не вышли.

⁸ По всей вероятности, Ремизов ездил смотреть или мост через реку Охту, строительство которого заканчивалось летом 1912 г., или построенную в том же году железобетонную эстакаду, принадлежавшую к самым крупным железобетонным сооружениям, возведенным в дореволюционной России». (А. Л. П у н и н. Повесть о ленинградских мостах. Л., 1971, с. 121).

42. БЛОК — РЕМИЗОВУ

4 июня 1912

Дорогой Алексей Михайлович. Сегодня я к Руманову звонил пять раз и не дозвонился. Пишу ему письмо, стараюсь убедить.

Хорошо, что Вы вчера не поехали: все отложено до *субботы 9-ого*. Поедемте, я уже с Садовским¹ сговорился. На 6-ти часовом поезде.

А я ведь поехал, на вокзале удивлялся, что никого нет, и так и ехал до Териок в надежде смотреть пантомимы. Впрочем, время провели хорошо: у них парк и дача, похожая на старый помещичий дом (запах тот же), и море тут же. Было очень торжественно на море — шторм. Пустили меня на репетицию. Вернулся сюда с Любовью Дмитриевной, впрочем, сегодня она уже опять уехала.

Ну, так до субботы, и поедемте компанией, как предполагали. Мне тоже нравится Федор Иванович², он мне напомнил немного моего отца и еще кого-то знакомого.

Серафиме Павловне кланяюсь.

Ваш Ал. Блок

¹ Борис Александрович *Садовской* — поэт, литературный критик. См. о нем в наст. книге.

² Щеколдин.

43. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

7/20 VI 1912

Дорогой Александр Александрович!

Был вчера у нас Садовский с Коноплянцевым¹. Подговорился с ними ехать в Териоки 9-ого². К 6-ти на вокзале буду.

Залучите в Териоки Руманова: ему проехаться не мешает.

Получил от Мих *аила* Ив *ановича*³ плакаты русского балета. — 2 плаката под потолок. В Берлине он сейчас: по маркам вижу. Должно быть, это означает, что едет. Впереди — афиши, а там, глядишь, и сам, в роде как представление.

От Серафимы Павловны поклон Вам.

А. Ремизов

¹ См. п. 4, прим. 4

² О поездке в Териоки Блок писал матери (10 июля 1912 г.): «Ехали вместе с Пястом, Садуновым, Садовским и еще одним, которого ты не знаешь, знакомый Ремизова

«ПЕРВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ШАГИ.
АВТОБИОГРАФИИ СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ. СОБРАЛ Ф. Ф. ФИДЛЕРЬ»
Титульный лист с рисунком и надписями А. М. Ремизова Блоку
Центральный архив литературы и искусства, Москва

А. РЕМИЗОВ. «ПОКРОВЕННАЯ». РАССКАЗ.
ОТТИСК ИЗ ЖУРН. «СОВРЕМЕННИК»,
1912, № 9

С дарственной надписью Блоку
Центральный архив литературы и искусства
Москва

«А. М. Коноплинцев. — А. Ю.». Ремизова, к несчастью, не было — Серафима Павловна опять больна» (VIII, 392).

³ Терещенко.

44. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

«8/21 июня 1912 г., Петербург»

Дорогой Александр Александрович!

Не придется мне ехать в Териоки: Серафима Павловна захворала.

Ну, может быть, спектакль опять отменят, тогда уж в следующий раз ¹.
Не хочу ее одну оставлять в доме.

А. Ремизов

⁸
21 VI 1912

¹ См. п. 41, прим. 1.

45. БЛОК — РЕМИЗОВУ

9 июня 1912, «Петербург»

Дорогой Алексей Михайлович.

Как это все тяжело. Я уж Вам не писал о переговорах с Румановым, надеюсь (он обещал), что сам сегодня поговорит с Вами. Разговоры были и по телефону, и он приходил, я его убеждал, он обещал непременно устроить так, или иначе. У него, разумеется, нет настоящей власти над Сытиным ¹, да кроме того — он сбит с толку и совершенно сам не знает, что нужно, что не

нужно. По-моему, все эти их браковки и небраковки — дело нелепых случайностей, так что все дело в том, чтобы *Вы* не принимали этого к сердцу, как это может случиться — в связи с болезнью Серафимы Павловны, да, вообще, — я знаю, как это может случиться. Не принимайте, все-таки, устроим как-нибудь; не с Румановым, так иначе.

Сегодня я назвал в Териоки всякого народу, надеясь (для себя) на Вас и на Пяста². А теперь боюсь вдвойне, и одному-то ехать страшно, да еще кругом много людей и никакого центра, вокруг которого они бы располагались. . .

К тому же все у меня тихо, хорошо до третьего дня, я уже дописал (вчера) первое действие³, и вдруг «закатился», ночью встретился с Сапуновым⁴, и таскались мы с ним до утра по мерзейшим кабакам, до сих пор не могу прийти в себя, и опять не пишется.

Читаю «Крестовых сестер»⁵, очень болезненно их воспринимаю. Вообще воздух что-то эти дни затуманился, есть много признаков. Пройдет полоса, и опять будет иначе⁶.

Желаю Серафиме Павловне поправиться, кланяюсь ей низко.
Целую Вас.

Ваш Ал. Блок

¹ Иван Дмитриевич *Сытин* (1851—1934) — издатель.

² См. п. 22, прим. 11.

³ Драммы «Роза и Крест».

⁴ Н. Н. *Сапунов* (1880—1912) — художник, талантливый живописец и декоратор. Ср. также: «Утром 6-го работал хорошо < . . . > Потом — закатился, встреча с Л. Андреевым, Сапуновым и ужасно проведенные сутки» (VII, 149).

⁵ См. п. 29, прим. 7.

⁶ Ср. запись в дневнике от 11 июня 1912 г.: «Я все еще не могу вновь приняться за свою работу < . . . >, так как ужасы жизни преследуют меня пятый день — с той злополучной среды (6 июня). Оправлюсь — одна надежда. Пока же — боюсь проклятой жизни, отворачиваю от нее глаза» (VII, 149).

46. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

13
26 VI 1912. Таврическая 3^B кв. 23

Дорогой Александр Александрович!

Завтра в 10.30 вечера едем в Черниговскую губернию с Царской Сельской вокзала № 1. (поезд) (скорый). Не думаю, чтобы долго там пробыли. Удастся ли мне писать, две дести бумаги везу. От Михайла Ивановича Терещенко получил письмо: будет 1 июля в Петербурге.

Вас во сне сегодня видел.

Посылаю Вам 2 портрета Стриндберга¹.

Пишите пьесу².

К нам на Таврическую будет заходить Федор Иванович³, если что-нибудь понадобится Вам, напишите мне на Таврическую. Федор Иванович перешлет (Черниговский адрес путанный очень).

Ну, всего Вам хорошего. Любви Дмитриевне поклон передайте.

Серафима Павловна кланяется.

А. Ремизов

Не путайтесь Вы с Сапуновым.

¹ В 1911—1912 гг. Блок переживал сильное увлечение творчеством и личностью Стриндберга. Фотография Стриндберга из собрания Блока помещена в кн.: Александр Блок в портретах, иллюстрациях и документах. Л., 1972, с. 197.

² «Роза и Крест».

³ Щеколдин.

47. БЛОК — РЕМИЗОВУ

15 VI 1912, <Петербург>

Дорогой Алексей Михайлович. Без Вас мне будет страшно с Терещенкой. Напишу ему, если у меня наладится. Радуюсь за Вас, что Вам удалось уехать, здесь стало очень плохо. Кланяйтесь Серафиме Павловне, спасибо за Стриндберга. Поправляйтесь и пишите, целую Вас. Теперь, очевидно, уж Вы вместо Монетной увидите Офицерскую (д. 57, кв. 21).

Ваш. Ал. Блок

Сейчас пришел Кожебаткин¹ и принес страшную вестъ: вчера ночью Сапунов утонул в Териоках. В 1/2 первого ночи поехали кататься на лодке он, Кузмин² и какие-то дамы. Стали меняться местами за 3 версты от берега, лодка опрокинулась, они держались за нее час (никого не было в море) и, когда матрос наконец вытащил их, Сапунова уже с ними не было³.

¹ Александр Мелентьевич Кожебаткин (1884—1942) — владелец издательства «Музагет».

² Михаил Алексеевич Кузмин (1875—1936) — поэт, прозаик, драматург. См. о нем ниже в наст. книге.

³ Н. Н. Сапунов утонул в море возле Териок 14 июня 1912 г.

48. БЛОК — РЕМИЗОВУ

4 июля <1912, Петербург>

Дорогой Алексей Михайлович.

Сейчас на неделю, или на десять дней уезжаю в деревню. Поедемте 14-ого на Стриндберговский спектакль в Териоки? — Устал я очень.

Ваш Ал. Блок

Публикуется впервые. Автограф — ГПБ, ф. 634, оп. 1, ед. хр. 61, л. 32.

49. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

7
20 VII 1912
Таврическая

Дорогой Александр Александрович!

Завтра едем в Бобровку¹ ст. Оленино Московско-Виндаво-Рыбинск <ой> ж. д. с. Бобровка Анне Алексеевне Рачинской для А. Ремизова.

Я совсем расхворался: так плохо было. Помните, у Верховского² мы были³, это последний мой вечер был такой мой*. На утро уже я помалкивал.

Много путешествовал по лечебницам, навидался много, а ничего не писал, ни строчки. Приду и лягу. Так и жили.

Всего Вам хорошего.

А. Ремизов

От Серафимы Павловны поклон. Поклонитесь Любове Дмитриевне.

¹ С. Бобровка — в Тверской губернии (ныне — Калининская область). Ремизов жил в имени Анны Алексеевны Рачинской.

² См. п. 22, прим. 11.

³ 28 июня (См. дневник Блока: «Вечером — у Верховского, живущего у Каратыгина. Вечером туда пришел, сегодня неожиданно приехавший А. М. Ремизов. Вслед за ним — Гершензон. Сидели тихо — все больные», — VII, 154). О своем неожиданном приезде Ремизов известил Блока запиской, хранящейся в ЦГАЛИ вместе с публикуемым письмом: «28 VII 1912. St. Pétersbourg. Je suis Alexej Rémisoff».

* Так в рукописи.

50. БЛОК — РЕМИЗОВУ

17 VII 1912, Петербург

Дорогой Алексей Михайлович.

Едва вернулся я из деревни ¹, приехал на два дня Терещенко. Приезжал ко мне ², печальный, расстроенный и милый, читал я ему оперу, ему понравилось, он подал много полезных советов. Пока сидел Терещенко, пришел Евгений Павлович ³; Терещенко отвез нас обоих на вокзал; сам в тот же день уехал к себе в Курскую губернию отдыхать; будет здесь опять дней на пять около 1 августа. А мы с Евгением Павловичем поехали в Териоки; Стриндберговский вечер вышел очень удачный и торжественный ⁴. Присутствовала старшая дочь Стриндберга — Карин, похожая на отца; ночевала со своим мужем (Гельсингфорским профессором Смирновым) на актерской даче.

На днях переезжаю на Офицерскую ⁵.

Как Вы? Дай бог, чтобы Бобровка Вас успокоила. Кланяюсь Серафиме Павловне.

Я в деревне в одну неделю очень отдохнул.

Любящий Вас Ал. Б л о к

¹ Блок вернулся из Шахматова 13 июля.

² 17 июля.

³ Иванов.

⁴ См. статью З. Г. Минц о переписке Блока с Вл. Пястом.

⁵ 24 июля 1912 г. Блок и Любовь Дмитриевна переехали с Малой Монетной улицы (д. 9, кв. 27) на Офицерскую (д. 57, кв. 21).

51. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

Магдалинин день. 22 VII 1912, Бобровка.

С новоселием! ¹

Дорогой Александр Александрович!

Скоро опять в Петербург. К 1-ому уж непременно. Сиднем сидел тут все дни: пишу следователя Боброва ². Очень устал я. Кончил всю повесть, перечитал — две последние главы «Вождь жизни» ³ и «Один бреука» ⁴ никуда не годятся: одни угольки горячие. И вот теперь никак не могу приняться переделывать. А надо, непременно надо. Нездоровьем не жалуюсь, а силами какими-то ослаб. Завтра поеду во Ржев, вечером вернусь. Так, может, и лучше. Вот Вам донесение о себе.

От Михаила Ивановича письмо получил за день до Вашего. Письмо грустное. Пишет, что с Вами ему только и было хорошо, а то плохо. О балете пишет: наладился он у Вас и уж напишется теперь. (Это я своими словами передаю его слова). Как мне было бы интересно послушать написанное вами. А все мечтаю Боброва кончить и написать с Вами Китовраса ⁵.

Много хочется написать: и хождение по мукам ⁶ и Китовраса с прологом: «Ванька Каин на москворецком мосту» ⁷ (Действо все на мосту в Москве происходит). Вы знаете этот мост?

Как моя кума играет, довольна ли? Поклонитесь ей.

Ну, до свидания, Александр Александрович.

Пишу в потемках, лампы не хочется зажигать, сейчас вниз идти чай пить. Мы живем, где Андрей Белый жил ⁸. Там людская была прежде, а теперь сочинительская стала. Как это все странно.

Александр Александрович, повидайте Фёдора Ивановича Щеколдина, Кирочная 43^в кв. 2 (В. А. Краузе) т. 147—70, по телефону с ним поговорите, с 6-и он дома. Вы ему очень понравились, а он — Фёдор Иванович.

Какие тут есть портреты: Один портрет — при Алексее Михайловиче очень старый. Блока, предка Вашего, видел. Как бы на Вас посмотрел! Первое время тут было очень жутко, ой, как жутко, а потом обошлось.

Совсем темно, строчки едва вижу.

От Серафимы Павловны поклон Вам.

¹ См. п. 50, прим. 5.

² Бобров — персонаж повести «Пятая язва». Повесть была напечатана впервые в 18-м альманахе изд-ва «Шиповник».

³ «Вождь жизни» — название 5-й главы.

⁴ «Один бреука» — первоначальное название последней, 6-й главы (по эпизоду с китайцем, протестующим против обвинения его в краже пары брюк, утверждающим, что украл он только одни брюки — один бреука).

⁵ Замысел на осуществился.

⁶ См.: А. Ремизов. Хожделение Богородицы по мукам. Апокриф. — «Дни», Берлин, 1922, № 7, 5 ноября, с. 13.

⁷ Позднее Ремизов, возвращаясь к этому замыслу, писал: «О театральных действиях о Соломоне и Китоврасе я нашел в примечании Бессопова, Собр. песен П. В. Киреевского, М. 1872, вып. IV. Ванька Каин (Иван Осипов) в 40-х годах XVIII в. в Москве на Каменном мосту давал масленичное представление — народное игрище о Соломоне и Китоврасе, собственного сочинения: Ванька изображал Китовраса, — вдруг я вспомнил, — я играл царя Соломона» (Алексей Ремизов. Круг счастья. Легенды о царе Соломоне. Париж, «Оплешник», 1957, с. 61).

«Действо» о Китоврасе написано не было, хотя к апокрифическим сказаниям о Китоврасе Ремизов обращался неоднократно. (См. также А. Ремизов. Соломон и Сфинкс (Легенда о Китоврасе). — «Последние новости», Париж, 1931, № 3679, 19 апреля, с. 2—3).

⁸ В Бобровке Белый жил в феврале—марте 1909 г., а в декабре 1911 г. писал роман «Петербург». Позднее он вспоминал: «Очугившись в пустом доме — хозяйка только навевывалась, проживая в имениях родственников, я опять погрузился в мрачнейшие сцены «Петербурга», там написанные. <...> Сиро было мне одному в заброшенном доме в сумерках повисать над темными безднами «Петербурга»; в окнах мигали помахивающие метелей, с визгом баламутивших суровый ландшафт; в неосвещенных, пустых коридорах и залах слышались глухие поскрипы; охи и вздохи томилась в трубах; через столовую проходила согбенная фигура того же глухонемого с охапкою дров; и вспыхивало красное пламя в огромном очаге камня; я любил, сидя перед камином, без огня, вспоминать то время, когда здесь, в этих комнатах, задумывался «Серебряный голубь»; и ждал с нетерпением Асю; суровое молчание дома тяготило меня.

И вот — она.

Но она испугалась бобровского дома:

— Не переносу этих старых помещичьих гнезд, обвешанных портретами предков. Не люблю этих шорохов, скрипов» (ЛН, т. 27/28, М., 1937, с. 454).

52. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

26 на 27. VII 1912. с. Бобровка¹

Дорогой Александр Александрович!

Смотрением божьим был сегодня спасен от напрасной гибели. Много передумал в короткий срок и, странно, о сочинении моем² и не вспомнил. А как раз сегодня принялся за исправление неудовлетворяющих меня страниц. Лошади меня трепали. Править я не умею, сила у меня только в ногах, руки совсем-совсем слабые. А случилось так, один я сидел в бричке, ездока настоящего поджидал, который конфеты зашел в лавочку покупать. Вспомнил Сапунова³: «вот, — подумал, — не умел он плавать и потонул, а я не умею править и сил нету».

А ехал я с Вадимом Верховским⁴ в Чертовы сады к помещице одной, у которой были когда-то рукописи старинные.

Две версты мчали меня кони. Все-таки удержал у деревни Линеи. Так уж, стало быть, надо было, а руки совсем замлели.

А на коней не было сердца. Чувствовал, больше нет силы, а подумал: «Какие они красивые, копытом бьют». А потом много о чем подумал.

А в Чертовых садах старинные рукописи помещица сожгла.

31-ого в Петербург. Спать я все-таки не могу. Очень уж взлетело*, должно быть, за неположженное.

Серафима Павловна кланяется Вам.

Измучилась она очень.

А. Ремизов

Любови Дмитриевне поклон.

* Так в рукописи.

Был во Ржеве, купил Серафиме Павловне (29-ого именинница) Патерик Киевский петровское издание, редчайший экземпляр, а заплатил 3 р <у>б. Торговали лимонарь⁵ рукописный, да дорого запросили, так только в руках повертел.

А Патерик Вам Серафима Павловна покажет: какие там бесы страшные!

¹ В Бобровке Ремизов жил с 9 по 31 июля 1912 г.

² Речь идет о повести «Пятая язва».

³ См. п. 47, прим. 3.

⁴ Вадим Николаевич *Верховский* — брат Ю. Н. Верховского, химик, впоследствии — академик.

⁵ «Лимонарь (Луг Духовный)» — агиографическое сочинение греческого монаха Иоанна Мосха (ум. в 622 г.). В монастырях Палестины, Сирии, Египта, Кипра, Константинополя и Рима Мосх собрал массу повествований о жизни христианских подвижников, их изречения и правоучения и все это изложил в лимонаре, послужившем позднее основой для других агиографических сочинений (например, патериков).

53. БЛОК — РЕМИЗОВУ

5 августа 1912.

Дорогой Алексей Михайлович.

Оба Ваши письма из Бобровки я получил, но не попаду теперь ни к Вам, ни к Федору Ивановичу¹, потому что на днях уеду опять в деревню. Туда же скоро придет Любовь Дмитриевна. Она доигрывает в Териоках. Я совсем опустел, устал и забросил все дела из-за столярных и малярных работ в квартире; так и не дописал ничего². До свиданья, до начала «сезона»!

Насчет моего предка в Бобровке я что-то вам не поверил. Говорят, есть портрет в Петербурге, в Дворянском собрании.

Хорошо, что вы не застали, по крайней мере, петербургской жары. Я спасался только купаньем в Шуваловском озере.

Серафиме Павловне кланяйтесь от меня; крепко Вас целую.

Ваш Ал. Блок

¹ Щеколдину.

² Поэму «Возмездие».

54. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

20-го VIII 1912 г. Кострома¹.

Дорогой Александр Александрович!

Насмотрелся я старины, надышался русскою речью. Повесть мою² еще раз переписал, теперь получше стала. Очень тяжело исправлять, когда голова зашла за голову, все написанное не удовлетворяет.

Ходил ко всеобщей в собор: Федоровская икона там есть божьей матери³. («Евангелист Лука писал»⁴) По вечерам Пролог читали (рукописный) времени пра Василия Ивановича⁵. Пролог так и не дочитал (612 стр.), сегодня в путь. В Петербурге дня три пробуду и в Везо⁶.

Всего Вам хорошего. Кончили ли балет?

Кланяюсь Любви Дмитриевне.

А. Ремизов

¹ Ремизов жил в Костроме с 10 до 20 августа. Письмо написано в день отъезда.

² «Пятая язва».

³ В Костроме, в Успенском соборе (основан в 1239 г.) находится «чудотворная» Федоровская икона богородицы, названная по имени великомученика Феодора Стратилата, который, по преданию, принес эту икону в Кострому из г. Городца (см. П. Островский. Описание Костромского Успенского кафедрального собора. М., 1855, с. 2—3).

⁴ В кавычки взяты слова, связанные с представлением о евангелисте Луке как покровителе живописцев и художнике, написавшем портрет богородицы.

⁵ Начало XVI в.

⁶ Везо — совр. Вызу — курортный поселок в северной Эстонии. Везенбергский уезд (ныне Ракверский р-н) расположен на берегу залива Кязму. Ремизов ездил в Везо по при-

глашению Р. В. Иванова-Разумника, жившего там летом 1912 г. (дача Нелуса, Морская улица, 6-ой переулок). См. письма Иванова-Разумника к Ремизову (ГПБ, ф. 124, Собр. П. Л. Вакселя, № 1804).

55. БЛОК — РЕМИЗОВУ

12 сентябр(я) 1912 г., «Петербург»

Дорогой Алексей Михайлович.

Прислуга наша уехала, у нее мать больна. Из этого следует только, что 17-ого нельзя у нас обедать. Если Вы придете вечером, будет очень хорошо. Может быть, Серафима Павловна придет тоже? Попросите, пожалуйста, Серафиму Павловну от нас обоих, если она себя чувствует неплохо.

Будем ждать вас. Ваш Ал. Б л о к.

Р. С. Пишу я глупо, потому что нездоровится, а главное — на душе гадко. Вы это заметили.

56. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

21
4 IX 1912

Дорогой Александр Александрович!

Напишите мне, какие глаза у вашей белой таксы, которая, когда стоит, плачет (пес грустный == плачет)

Когда лежит, смеется¹.

Мне надо кратко сказать о глазах, с каким камнем сравнить².

А. Ремизов

Открытое письмо.

¹ Видимо, Ремизов работал в это время над рассказом «Жук» («Весеннее порошье», СПб., 1915). Ср.: «А глаза такие грустные . . . и что он думал?» (с. 63). Рассказ датирован 1913 г.

² См. запись в дневнике 1912 г. (28 мая): «Печальное, печальное возвращение домой. Маленький белый такс с красными глазками на столе грустит отчаянно» (VII, 146). Такс с красными глазами — пепельница Блока (Ср.: VII, 486).

57. БЛОК — РЕМИЗОВУ

22 IX 1912, «Петербург»

Дорогой Алексей Михайлович.

Глаза у таксы — красные — среднее между рубином и гранатом. Это — обстоятельство, для меня неприятное, — потому и нельзя выразиться короче; если бы глаза были по характеру, можно бы их назвать одним словом.

Ваш. Ал. Б л о к .

58. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

27 IX
10 <X> 1912 «Петербург»

Дорогой Александр Александрович!

Вам напишет, просить будет о свидании Одинокий (Александр Иванович Тиняков)¹ примите его, назначьте ему день и час, в Академию² его запишите, в цех поэтов³ укажите дорогу (к Городецкому⁴).

Я не мог с ним видиться, Серафима Павловна больна (теперь лучше), не мог разговор вести.

Как пойдет на поправку, приеду к Вам с Михаилом Ивановичем.

Любови Дмитриевне кланяюсь.

За картинку благодарю.

А. Ремизов

¹ «Одинокий» — псевдоним поэта и критика А. И. Тинякова.

² Академия — Общество ревнителей художественного слова, утвержденное при редакции журнала «Аполлон». Блок входил в состав совета этого общества.

ПОЗДРАВИТЕЛЬНЫЙ ЛИСТ БЛОКУ ОТ А. М. РЕМИЗОВА В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ:

«Александр Александровичу Блоку в день его рождения 1912 года, 16 ноября от А. Ремизова»

Около рисунков — надписи: «Летающий (не человек)» и «пепельница (не для окурков)»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

³ «Цех поэтов» — объединение поэтов-акмеистов. Существовало в 1911—1914 гг. и в 1921—23 гг.

⁴ С. М. Городецкий — см. п. 16, прим. 1.

59. БЛОК — РЕМИЗОВУ

30 сентября 1912, «Петербург»

Дорогой Алексей Михайлович.

Получил я от А. И. Тинякова письмо и написал ему, чтобы пришел ¹. — Казанец ² сначала мне очень понравился, а под конец стал нравиться гораздо меньше. Правда, мне все это время скверно — трудно судить о людях. Кланяйтесь Серафиме Павловне.

Ваш Ал. Блок

¹ «Многоуважаемый Александр Иванович. Прошу Вас, зайдите ко мне во вторник 2-ого октября в 3 часа дня. С совершенным уважением Александр Блок». На конверте — печать: I, 10. 1912 (ГИБ, ф. 774, № 3, л. 1—2).

² Николай Андреевич Чернявский. Ср. запись в дневнике от 20 сентября 1912 г.: «У меня — студент со стихами, довольно милый» (VII, 157).

60. БЛОК — РЕМИЗОВУ

9 X 1912, «Петербург»

Дорогой Алексей Михайлович.

Как здоровье Серафимы Павловны? Одинокий ¹ говорил мне о ее болезни. Если бы можно было, я бы к Вам зашел как-нибудь на минутку. Верно, теперь нельзя.

Скоро у меня будет телефон: 612—00. Только не говорите, пожалуйста, номера посторонним. Только Михаилу Ивановичу ², если его увидите. Не знаю, правильное ли у меня чувство: все время совестно, что не кончаю оперы; кроме того, думаю, что и опера-то эта, которой я не кончаю, собственно, мне не заказана, а заказан, ведь, балет! Когда же начинаю думать о четвертом акте, одолевает какая-то торопливость, которая мешает думать. Так всего много надо сделать, а я ничего не кончаю, кроме мелких стихов —

для Сытина³, а больше — для себя. Время идет. Вот Вы еще наслали на меня Балиева⁴, что мне, между прочим, приятно, но еще усугубляет чувство «торопливости», мешающее работать. Кажется, все это могу написать — и оперу, и пьесу⁵, и свою большую поэму⁶, — а не знаю, за что взяться. Скажите мне, виноват я перед *Мих <аилом> Ив <ановичем>, или нет, только не говорите, что не виноват для успокоения (т. е., вина может быть в том, что я работаю над не заказанным, да еще так долго).

Вы не отвечайте мне, если Вам теперь совсем не до того, что я могу предполагать. Так говорю Вам, — может быть, легче станет.

Ваш Ал. Блок

¹ А. И. Тиняков.

² М. И. Терещенко.

³ Иван Дмитриевич Сытин (1851—1934) — издатель.

⁴ Никита Федорович Балиев (1877—1936) — театральный деятель, эстрадный артист (конферансье) и режиссер. С 1908 г. — руководитель и артист театра-кабаре «Летучая мышь».

⁵ Разные стадии работы над драмой «Роза и Крест». Мысль о том, что выходит не опера, а драма («Письма к родным», II, с. 207) возникла у Блока в конце июня, но окончательное решение писать драму определилось в ноябре 1912 г. (см. VII, 180).

⁶ «Возмездие».

61. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

10
23 X 1912, <Петербург>

Дорогой Александр Александрович!

Нет, Вы ни в чем не виновны, правду говорю¹.

Прежде всего надо кончить «оперу»², потом за другое приниматься.

Я видел Балиева и с ним разговаривал, он Вам и написал. (Балиев из актеров, дальше Карамзина, пожалуй, мало чего читал.)

Приходите завтра в четверг, 11-ого, часов в 10-ь вечера³. Вчера хотел Вам ответить, но очень темно в глазах было. Сейчас лучше, но не выйду из дому. Заметьте телефон наш тайный 209-69 и никому не говорите.

Жду. А. Ремизов

¹ Ответ на п. 60.

² «Розу и Крест».

³ Блок был у Ремизова 10 октября (VII, 162). См. письмо М. И. Терещенко Блоку от 10 октября 1912 г.: «Дорогой Александр Александрович, только что звонил по телефону Алексей Михайлович: он Вам написал письмо, в котором просил Вас зайти к нему завтра. Теперь он Вас просит зайти, если возможно, сегодня вечером, часов в 10. Он нездоров, сидит дома и ждет Вас. Мы уже целую вечность с Вами не виделись. Третьего дня я вернулся из Москвы и теперь с нетерпением жду свидания с Вами» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 425, л. 6).

62. БЛОК — РЕМИЗОВУ

10 ноября 1912

Дорогой Алексей Михайлович. Вот Вам квитанция для порядка — вчера забыл отдать.

Ваш Ал. Блок

63. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

<16 ноября 1912 г., Петербург>

Александр Александровичу Блоку. В день его рождения. 1912 года, 16 ноября от А. Ремизова.

На листе — два рисунка А. Ремизова с надписями к ним (см. с. 112).

На обороте помета Блока: «Наклеено на бумагу, в которую завернуты книги из Костромы — Рязановского и Селифонтова».

Речь идет о двух книгах: 1) «Сборник материалов по истории предков царя Михаила Федоровича Романова. Генеалогический и исторический материал по печатным источникам, собранный Н. Н. Селифонтовым. Часть I. Костромская губернская ученая архивная комиссия». СПб., 1901. (На книге — надпись Ремизова: «Сия книга «родословие» принадлежит Александру Александровичу Блоку. 1912 г. 16 ноября в день рождения Блока и

освящения «Сирина») и 2) «Альбом оттисков костромских деревянных резных досок. Собрал и издал И. Рязановский». Кострома, 1912.

Торжественное открытие книгоиздательства «Сирин» (1912—1914) совпало с днем рождения Блока.

И. А. Рязановский был хранителем романовского музея в Костроме. «Неоцененный человек, знаток старины русской», — писал о нем Ремизов Владимиру Николаевичу Гордину 30 ноября 1914 г. (ГПБ, ф. 124, ед. хр. 3614). Вероятно, вместе с книгами Ремизов передал Блоку и записку: «Иван Александрович Рязановский. Кострома, Царевская, 16», на которой Блок сделал помету: «(Автор альбома оттисков) послано ему собр. стих. — 27 XI 1912» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 56, л. 60).

В бумагах Блока сохранилась также вырезка из литературного приложения к газете «День» от 2 декабря 1913 г.: «Неопубликованные материалы. Россия в письмах. Паришь в руках наших! Письмо отечественное» (публикация А. Ремизова). Вырезка, по-видимому, была прислана Блоку Ремизовым. На ней помета Блока: «День» (прил.) 2 дек. 1913».

64. БЛОК — РЕМИЗОВУ

26 XI 1912, «Петербург»

Милый Алексей Михайлович.

Не знаю, как Вас благодарить за все надписи, картинки, книги и закладки. Очень это драгоценный для меня подарок ¹.

Мы с М. И.² все-таки успели обговорить многие меня беспокоившие дела — по дороге в «Сирин» ³ и назад.

А Вам, кажется, было очень гадко, надо бы отдохнуть ⁴.

Любящий Вас Ал. Блок

¹ Речь идет о подарках, сделанных Ремизовым Блоку ко дню рождения.

² М. И. Терещенко.

³ В октябре 1912 г. в Петербурге по инициативе сестер М. И. Терещенко Елизаветы Ивановны и Пелагеи Ивановны было организовано книгоиздательство «Сирин», просуществовавшее до ноября 1914 г. Блок и Ремизов принимали активное участие в делах книгоиздательства. Вспоминая об этом времени, Ремизов писал: «13-й год — канун войны <...> Издательство Терещенки, «период Терещенок». Когда к нам липли люди из-за нашего знакомства с Терещенками — много прошло всяких» (Н. К о д р я н с к а я. Алексей Ремизов. Париж, 1959, с. 166). Блок связывал с книгоиздательством много надежд и планов. (См.: Н. А. Фрумкина, Л. С. Флейшман. А. А. Блок между «Мусагетом» и «Сиринном». — «Блоковский сб.», 2, с. 388).

В дневнике от 26 ноября 1912 г. Блок записал: «Около 3-х приехал М. И. Терещенко, мы с ним поехали в «Сирин», где были его сестры и А. М. Ремизов, подаривший мне родословие Романовых и альбом оттисков деревянных досок — редкости из Костромы. <...> По дороге туда и назад мы с Михаилом Ивановичем обговорили все-таки много беспокоивших меня сиринских дел — об А. Белом, Пясте, Городецком и обо мне» (VII, 184).

⁴ Ср.: «А. М. Ремизов чувствовал себя очень гадко, по-видимому, он устал» (там же).

65. БЛОК — РЕМИЗОВУ

«3—4 декабря 1912 г., Петербург»

Алексей Михайлович, сейчас Евгений Павлович ¹ звонил, хотел бы с Вами увидеться на этой неделе (кроме четверга — Николин день), а на следующей, — чтобы Вам прийти с М. И. Т<ерещенко> *осмотреть библиотеку* Сахарова ², три шкапа старинных книг, есть каталог печатный, который Евг<ений> Павл<ович> может Вам дать. Антиквар Шибанов ходит кругом, как акула, торопят с продажей. Позвоните Евг<ению> Павл<овичу> на службу — 67-23.

Датируется по содержанию: Николин день в 1912 г. приходился на 6 декабря.

¹ Евгений Павлович *Иванов* (1879—1942) — друг Блока, литератор.

² Блок интересовался библиотекой И. П. Сахарова, продававшейся в это время.

«ОБЕЗЬЯНИЙ ЗНАК» I СТЕПЕНИ, «ВЫДАННЫЙ» А. М. РЕМИЗОВЫМ БЛОКУ 31 ОКТЯБРЯ 1918г.
(Тушь, цв. карандаш).

Надпись рукой Ремизова: «Александру Александровичу Блоку обезьяний знак I степени с заянным
глазом дан для ношения. С. Петербург. 31.X 1918 г.»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

66. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

15 января 1913, «Петербург»

Дорогой Александр Александрович!

Я очень боялся этого воспаления ¹: оно не страшно, когда в первый раз, но совсем нехорошо, когда во второй ². Ведь вот в одном месте очистилось, а в другом (на старом) открылся «фокус», и не знаю, когда разрешение дадут из дому на волю выйти.

Когда с Вами в последний раз говорил с закрытыми глазами, градусы подымались и до 40 дошли ночью. Это ночью тогда и началось все. Ночью в тот день звонок: телеграмма

«с законным браком»

Томилин.

Это какой-то Томилин из Двинска прислал мне.

От телеграммы отказались, а на другой день в сумерки опять её принесли.

Я сегодня себя плохо чувствую, чувствую, как болят легкие. Завтра придет доктор.

Курить запрещает, курю немного.

Вам пришлют 8 томов ³ на дом, я после надпись положу.

Ну вот,

До свидания, Александр Александрович
всего вам хорошего

А. Ремизов

¹ У Ремизова было воспаление легких.

² Первое — было в январе 1910 г.

³ Сочинения А. Ремизова в 8-ми тт. (СПб., «Шиповник», 1910—1912).

67. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

$\frac{15}{28}$ III 1913, «Петербург»

Дорогой Александр Александрович!

Слон ¹ пишет, просит Вам сказать. Все забываю Вам передать о слововой просьбе:

I <ую> детских стихов книжку ² пошлите ему, Слон. Больше ничего.

Алексей Р е м и з о в

Сегодня такая весна, и по-весеннему буквы нижутся.

¹ «Слов» — см. п. 24, прим. 1.

² В январе 1913 г. вышли две книжки детских стихов А. Блока: I. Александр Б л о к. Круглый год. Стихотворения для детей. М., Изд. и тип. т-ва Сытина, 1913. II. Александр Б л о к. Сказки. Стихи для детей. М., Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина, 1913.

68. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

$\frac{25}{7 \text{ VI}}$ 1913

Paris, 63 rue Monsieur le Prince Hôtel de l'Univers

Дорогой Александр Александрович!

На старом месте живем ¹, по-старому часы бьют, по-старому — по-прежнему к С<вятому> Скульпису на вечернюю службу и на утреннюю ходим. И так ходил по улицам, словно в Москве, где так все знакомо, ногами убито, расслежено.

А не то, все не то (кроме St. Sulpice'a). Бульвары крикливы, кафе пошлы. Ни разу в кафе не зашел, не могу. И совсем другое в глаза лезет — людей вижу, тесноту вижу. Тяжело как живется, ой, как тяжело — и это вижу.

Ну, вот, не тот Париж, не о том я вспоминал Париж. В этом наберешься много, только не покою.

Всего Вам хорошего.

С Михаилом Ивановичем катались, Вас вспоминали.

Кланяется Вам Серафима Павловна.

А. Р е м и з о в

¹ Ремизовы жили здесь в мае-июне 1911 г.

69. БЛОК — РЕМИЗОВУ

$\frac{2}{15}$ июня 1913 «Петербург»

Дорогой Алексей Михайлович!

Сейчас сижу и жду Михаила Ивановича, который вечером поедет в Киев. Уже два дня мы <не> виделись с ним.

Приедет из Киева и еще нас застанет. Мы с Любовью Дмитриевной все не можем решить, когда и куда ехать. Вероятно, поедем прямо в Италию, сначала — в Венецию ¹.

Однажды в Летнем саду встретил я Чулкова ², который опять переселяется в Петербург. Бальмонт, видевший его в Москве, просил его передать мне «неофициально», что его контракт со «Скорпионом» ³ кончился, и он был бы очень не прочь, если бы «Сирин» предложил ему издаваться у себя. Все это я передал М<ихаилу> И<вановичу>, он купит Бальмонта и будет читать.

А. Белый с женой были у меня три раза — и до Гельсингфорса и после. Говорили все больше о Штейнере ⁴. Оба они — худые, некормленные, странники ⁵.

Если бы знали о Штейнере только от А. Белого, можно бы было подумать, что А. Белый сам его сочинил; говорит он все то же и так же. Анна Алексеевна⁶ мне понравилась, она — простая.

Печальное письмо Ваше получил, и Михаил Иванович рассказывал про Вас и про свое — тоже все печальное. Мне и самому так. До свидания, кланяйтесь Серафиме Павловне.

Ваш Ал. Блок

Слушали Плевицкую⁷ и грустили по этому поводу о своей «немецкости»*.

¹ 12 июня 1913 г. Блок и Любовь Дмитриевна уехали во Францию (Париж — 14—24 июня), Бордо, Сен-Жан-де-Люс, Гетари—Сан-Себастьян—Фуентеррабия—Пиринеи (25 июня—19 июля), Биарриц (19—26 июля), Париж (26—31 июля). Вернулись в Петербург — 3 августа.

² См. п. 22, прим. 8.

³ «Скорпион» — издательство символистов (1899—1916).

⁴ Рудольф Штейнер (1861—1925) — немецкий теософ-мистик. О нем — см. письма Белого Блоку от 1(14) мая 1912 г. и 28 декабря 1912 г. (ст. ст.). («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 293—300 и 308—314).

⁵ См. дневник от 11 мая 1913 г.: «Днем позвонил приехавший Боря (Андрей Белый), я позвал их с женой сегодня вечером, а завтра — обедать». И далее — 29 мая: «За это время было так много всего. Три свидания с А. Белым и его женой. Второе было ужасно тяжелое. После него — Inferno» (VII, 250).

⁶ Анна Алексеевна (Ася) Тургенева — художница, жена А. Белого.

⁷ Блок и Любовь Дмитриевна были на первом концерте Н. В. Плевицкой, состоявшемся 15 мая в театре «Луна-Парк». Второй (и последний) концерт певицы был назначен на 4 июня.

70. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

30
17 VI 1913

Suisse, Founex, Pension Etier (Ed. Fiandra)
A. Rémisoff

Дорогой Александр Александрович!

Тут томимся, в Сюссе¹ скучном. Сiju, как дома, в платке вишневом — все больше дождь и холод. Сегодня я Вас во сне видел и Михаила Ивановича и всех их². Где Вы теперь купаетесь, на каком море, на океане? Вам приплет в Петербург письмо В. Н. Тукалевский, о Толстовском сборнике³ будет Вас спрашивать, — он человек толковый и, если что у вас выйдет с ним, дело начинайте. Что-то о Слоне⁴ давно ничего не слышу и, где он бродит, не знаю. Если вздумается написать мне, лучше пишите на имя Шестова, он перешлет письмо:

Suisse, Coppet (Lac Léman), Monsieur Léon Schvarzmann pour A. Remisoff
Серафима Павловна Вам кланяется.

От Бальмонта мне переслали письмо, спрашивает о «Сирине» и узнать хочет, согласен ли будет «Сирин» издавать его⁵. Что Михаил Иванович, прочитав книги⁶, сказал, интересно мне?

А. Ремизов

На письме — приписка Блока:

Получил 11 июля в Guéthary.

Guéthary — местечко во Франции (департамент Нижние Пиринеи).

¹ В Швейцарии.

² М. И. Терещенко, его сестры Елизавета Ивановна и Пелагея Ивановна.

³ В. Н. Тукалевский — литературовед. Письмо Тукалевского Блоку неизвестно.

⁴ «Слон» — Ю. Н. Верховский.

⁵ В статье «Архив А. М. Ремизова» («Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год»), Л., «Наука», 1977, с. 38) С. С. Гречишкин пишет по этому вопросу следующее: «К. Д. Бальмонт, в 1913 г. вернувшийся из эмиграции в Россию, по финансовым соображениям решил расторгнуть с издательством «Скорпион» договор на переиздание своих книг (см. письмо его к владельцу «Скорпиона» С. А. Полякову от 6 апреля 1913 г. — ИРЛИ, ф. 240, оп. 1, № 43). Зная, что Ремизов близок к издательству «Сирин», поэт обращается к нему 28 мая 1913 г. со следующим предложением: «Я отказал Полякову в пере-

* Приписка на полях.

издании разошедшихся книг и был бы очень расположен уступить их «Сирину», если и «Сирин» расположен к тому же. Кажется, Вы свой человек в этой фирме. Быть может, Вы бы затеяли там соответствующий разговор? Не умею сказать, как я был бы Вам признателен. Я был бы расположен уступить «Сирину» все свои оригинальные книги (стихи и проза). Издательство просуществовало недолго и замысел этот не был реализован.

⁶ Бальмонта.

71. БЛОК — РЕМИЗОВУ

15
2 июля 1913

Hôtel de la Plage, Guéthary
J. Lafitte. Propre.

Дорогой Алексей Михайлович.

На днях получил я Ваше письмо, побывавшее и в Петербурге, и в Париже, и в St Jean de Luz'e. Мы живем в 10-ти верстах от Биаррица, купаемся в океане, хотя почти все время холодно. Вот точный адрес: France, Basses Pyrénées, Hôtel de la Plage, Guéthary. A. Block. Напишите мне, пожалуйста, если есть что-нибудь новое. Нам здесь невесело, хотя мы ездили уже и в Биарриц и два раза в Испанию; видели несколько очень старых церквей, но главное все-таки море. У меня окно во всю стену, прямо на океан, впереди ни одного острова, так что видно только море и небо, и волны так шумят, что заглушают проходящие рядом поезда.

Михаилу Ивановичу ¹ я писал, а от него еще не получал известий. В день отъезда я читал ему вслух несколько стихотворений Бальмонта, ему нравилось, но насчет издания он, кажется, сомневается. — Я Вам писал из Петербурга, но адресовал Chéstoff'у вместо Schwarzmann'a.

Дней десять мы прожили в Париже, он мне скорее нравился, только очень утомительно — шум и запах.

Людей, конечно, нет, мы ни с кем не знакомимся; все французы и испанцы; испанцы — милее. Здесь проживем еще не меньше двух недель, а потом — опять в Париж ненадолго. Потом, вероятно, в деревню — через Петербург. До свидания. Кланяйтесь от меня Серафиме Павловне.

Всем нам трудно, не знаю, чем это кончится.

Ваш Ал. Блок

¹ Терещенко.

72. БЛОК — РЕМИЗОВУ

7 августа 1913 <Петербург>

Дорогой Алексей Михайлович:

Завтра ночью мы с Вами встретимся где-нибудь в Бологом; 9-ого я буду уже в деревне.

Вернулись мы сюда 3-его августа — из Парижа, где теперь еще хуже, чем было летом. Хочу пожить в деревне. Сейчас узнал от Сергея Яковлевича ¹ о приезде Михаила Ивановича и о делах «Сирин». Напишите мне, пожалуйста, о себе и о том, как у Вас. Вернусь я, верно, в конце августа, или в начале сентября. Вот мой адрес: Николаевской жел. дороги, ст. Подсолнечная, сельцо Шахматово. Ничего еще не понимаю, что тут делается, и не вижу будущей зимы.

Кланяйтесь от меня Серафиме Павловне. До свидания.

Ваш Ал. Блок

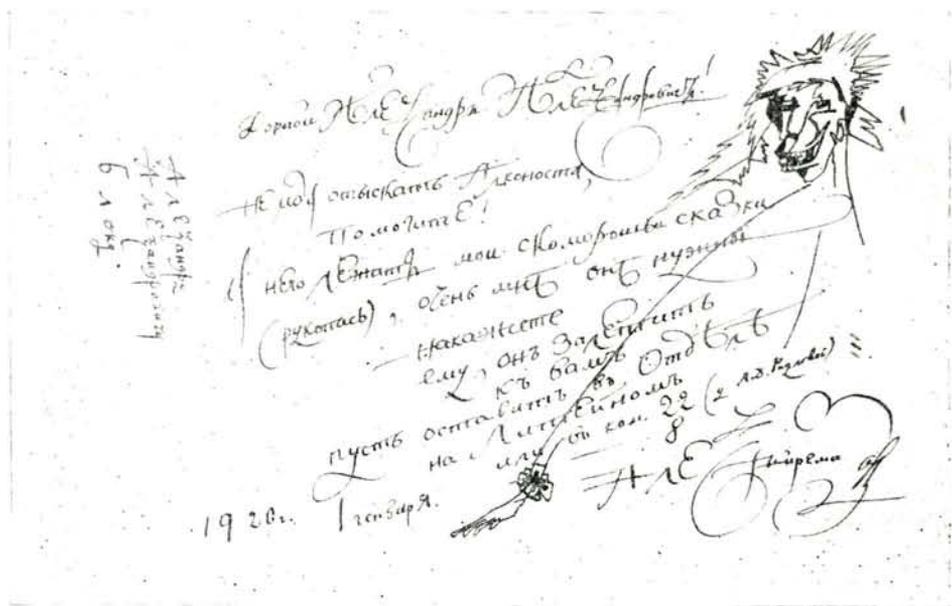
¹ Сергей Яковлевич Осипов — сотрудник издательства «Сирин».

73. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

15 августа 1913, Успенев день
Таврическая 7 кв. 23, СПб.

Дорогой Александр Александрович!

В прошлую пятницу ¹ вернулись мы в Петербург ². Вся неделя ушла на уборку. Очень я рад, что вернулись домой, надоело за границей. И тепло тут: нагреваюсь на зиму.

ПИСЬМО А. М. РЕМИЗОВА БЛОКУ ОТ 1 ЯНВАРЯ 1920 г.

Автограф

Центральный архив литературы и искусства, Москва

19-го Михаил Иванович приезжает и Разумник³. Разумник болен: сердце что-то болит. Об этом надо будет подумать. Когда вы возвратитесь в Петербург?⁴

Был уже дважды Аркадий Павлович⁵. На улице никого не встретил, одну встретил Елизавету Юльевну, сестру Копельмана⁶.

Если вы не бросили Вашу мягкую шляпу, отдайте ее мне: я ее одному человеку дам не для музея, а для ношения⁷.

До свидания. Серафима Павловна кланяется.

А. Ремизов

Вверху — приписка Блока: в Шахматово.

¹ 9(22) августа.

² Из Швейцарии.

³ Иванов-Разумник, Разумник Васильевич — см. п. 1, прим. 9. В 1912—1914 гг. Иванов-Разумник принимал активное участие в делах книгоиздательства «Сирин». Познакомил его с владельцем издательства (М. И. Терещенко) 11 октября 1912 г. Ремизов.

⁴ Блок уехал из Петербурга в Шахматово 8 августа, возвратился — 7 сентября.

⁵ Аркадий Павлович Зонов — драматический актер и режиссер.

⁶ Соломон Юльевич Копельман (1881—1944) — совладелец (с З. И. Гржебиним) издательства «Шиповник».

⁷ Вероятно, намек на Ф. Ф. Фидлера, собиравшего для своего «Литературного музея» личные вещи писателей.

74. БЛОК — РЕМИЗОВУ

22 августа 1913. с. Шахматово.

Дорогой Алексей Михайлович.

Спасибо Вам за письмо. Приеду, думаю, к сентябрю и мягкую шляпу привезу. Очень здесь хорошо и тихо жить, особенно после паршивых француз.

Кланяйтесь от меня Серафиме Павловне и Михаилу Ивановичу. До свидания.

Ваш Ал. Блок

75. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

25 августа 1913, «Петербург»

Дорогой Александр Александрович!

Был тут, и уж я проводил его в Киев за дела приниматься. Будет Михаил Иванович через неделю в пятницу в Петербург приезжать. Вспоминали Вас, разговаривали.

Я верую, что все наладится и пойдет по-хорошему¹.

Что касается «Сирин», очень важно, как пойдет сборник (сборники). А я думаю, благодаря роману Андрея Белого интерес будет большой и это сразу выставит «Сирин»². И это даст всякие силы. И будет толчком к развитию дела.

За шляпу спасибо. Не забудьте же, как вернетесь, приплите. Или передайте.

Серафима Павловна кланяется

А. Ремизов

¹ Ответ на п. 72.² В первом—третьем сборниках «Сирин» 1913—1914 гг. печатался роман А. Белого «Петербург».

76. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

сентябрь, 1913, Петербург»

А. А. Блоку

Дмитрий Евгеньевич Жуковский
Москва, Арбат, мал. Успенский пер., 4^а

Надпись надо сделать непременно:

Дмитрию Евгеньевичу Жуковскому.
С благодарностью за философские книги
А. Блок

Помета Блока: «Я послал собр. стих. и «Ночные часы», 3 ноября 1913».

См. письмо издателя Д. Е. Жуковского Ремизову от 7 ноября 1913 г.: «Дорогой Алексей Михайлович! Не помня Вашего адреса, не знал, как Вас поблагодарить за присылку Вашей прекрасной книги. Сегодня послал распоряжение, чтобы Вам прислали Соловьева. Что касается Блока (как его отчество?), то я не могу безвозмездно дать ему К. Фишера. Могу продать со скидкой 33% переплетенный экземпляр (только не все экземпляры одинаково переплетены). Переплет не считаю. Обойдется около 21 рубля. Если хочет, напишу в склад Стасюлевича, чтобы подобрали лучше и выдали за указанную плату, со скидкой 33%» (ИРЛИ, ф. 256, оп. 1, № 93). Речь идет об издании: К. Фишера. История новой философии. Пер. с юбилейного издания. Изд. Д. Е. Жуковского. Т. 1—8. СПб., 1901—1909. Эти книги имелись в библиотеке Блока (Библиотека Блока. ИРЛИ, машинопись. 1960, с. 76).

77. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

9 IV 1915, «Петербург»

Дорогой Александр Александрович!

Вы ничего не имеете против того, чтобы подписать письмо о выходе из «Вершин»? Письмо простое: просто уходим и все тут. Подписи вам знакомые*.

Позвоните Вл<адиамиру> Ник<олаевичу> Гордину¹ 155-65.

Хотите или не хотите подписыв<ать>

А. Ремизов

¹ Владимир Николаевич Гордин — литератор, редактор журнала «Вершины». 11 апреля 1915 г. в газете «День» № 98 заявил об отказе редактировать журнал. Там же было помещено письмо о выходе из «Вершин» группы писателей, в том числе Блока.² См. п. 13, прим. 1.³ Поликсена Сергеевна Соловьева (Allegro) (1876—1924) — поэтесса, детская писательница.

* Я, Зин<аида> Никол<аевна> <Гипшиус>, Филос<офов>, Мережко<вский>, П. С. Соловьева и т. д.

78. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

7 III 1916, «Петербург». Песочная 8, кв. 3

Дорогой Александр Александрович!

Без вашего разрешения отрезал я ваше примечание к стихам, которые вы дали в сборник «Осиротелым детям»¹ и сохраняю его для блудоборного старца Иоанна Электрического². Примечание ваше только смутит издателей этого сборника, а смущать их не стоит. А настоящего смысла примечания вашего эти не поймут. Сборник благотворительный, знающие не потребуют от вас совсем нового, но и для них стихи Ваши в связанности будут, как новые, и без всякого примечания*.

Всего вам хорошего.

Книжку «Укрепу»³ для Вас берегу.

А. Ремизов

Вверху — приписка Блока: Отв <етил> 8 III.

¹ В сб. «Пряник осиротевшим детям» (Пг., 1916) вошло 7 стихотворений Блока, написанных в 1903—1912 гг. под общим названием «Городские видения» («Днем за нашей стеной молчали. . .», «Поет, краснея, медь. . .», «Вот — в изнурительной работе. . .», «На серые камни ложится дремота. . .», «Искусство — ноша на плечах. . .», «С мирным счастьем покончены счеги. . .», «Сквозь серый дым от края и до края. . .»). Издатели сборника — А. Д. Барановская и В. Н. Гордин.

² Иван Александрович *Рязановский* — «костромских дебрей забеглый князь обезьяний, блудоборец комаровский, тележный и золотоношский, старец электрический» (А. Ремизов. Россия в письменах, т. 1. М.—Берлин, 1922, с. 161). Рязановский в Петербурге жил на углу улиц Телешевской и Золотоношской.

³ А. Ремизов. Укрепа. Слово о русской земле о земле родной, о тайностях земных и судьбе. Пг., 1916.

79. БЛОК — РЕМИЗОВУ

8 марта 1916, «Петербург»

Дорогой Алексей Михайлович, можно, конечно, и без примечания; оно, ведь, не для меня, а скорее — для издателей было; а по-моему — отчего же не перепечатывать старого: лучше среднее старое, чем плохое новое; только одно стихотворение я выкинул, поглядев на него в корректуре, очень мне не понравилось. Скажите Гордину это, а также, что я его благодарю за то, что он все сделал, как я просил.

Корректуру отсылаю сейчас (в типографию). За «Укрепу» спасибо, пускай полежит до нашего свидания. Будьте здоровы и благополучны.

Ал. Блок

80. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

«5—6 июня 1916, Петроград»

Дорогой Александр Александрович

Если что узнаете¹, известите меня, напишите мне на Ф<едора> И<вановича>

Русский Торгово-Промышленный банк
Морская, 15

Инспектору Федору Ивановичу Щеколдину
для А. Ремизова

Всего вам хорошего.

А. Ремизов

на 6.VI 1916.

¹ Ремизов просит Блока ходатайствовать за своего брата Виктора Михайловича Ремизова об освобождении последнего от воинской службы.

По воспоминаниям Ремизова, с Виктором, третьим братом, связана его судьба: «Виктор постоянно болел, его взяли из гимназии в коммерческое училище, с ним — Алексея, чтобы не оставлять брата одного, в чем тот, как оказалось потом, не нуждался.

Виктору в гимназии из-за латыни было трудно, а в коммерческом шел первым по математике. Окончил он «кандидатом коммерции» и поступил в банк. Главный бухгал-

* поставлен год, чего же еще?

тер Найденовского Московского Промышленного банка. < . . . > В 1914 году Виктор в чине прапорщика запаса был призван на войну. Провел всю войну без особых приключений и дослужился до подполковника, а в революцию был назначен инструктором в Красную Армию. Отряд, которым он командовал, попал в плен к Колчаку и его расстреляли». (Н. К о д р я н с к а я. Алексей Ремизов, с. 76). В письме Ремизов сообщает Блоку необходимые для ходатайства сведения о брате:

Юго-западный фронт, 9 армия, 27-ая ополченческая бригада, 161-ой пешей Воронежской дружины, подпоручик Виктор Михайлович Ремизов, род. 27 VI 1876 г.

Как ополченец (зачислен в ополчение в 1910 г.) призван с 1-й мобилизацией 19 VII 1914 г. с назначением в 162-ую пехотную воронежскую Дружину в г. Павловск (Воронежск. губ.). С означенной дружиной участвовал во всех ее походах и боях до конца января 1916 г.: в блокадной армии при осаде крепости Перемышля, в апрельских боях 1915 г. (20—21 IV) под Тарнувом.

8 V командовал сводной ротой под Цеплице — 75 ч «еловек» (оставшихся из 900^а). Последнее время (с конца окт. 1915 г.) стоял под Киевом — охрана пленных.

Для пользы службы назначен в настоящее время (апрель 1916) в 161-ую пехотную Воронежскую дружинную младшим офицером (роты заняты — места командира нет), — а в 162-ой был с начала формирования дружин ротным командиром.

За текущую войну имеет: с мечом и бантами — Станислав III, с мечом и бантами Анны III, представлен к Станиславу II, к Анне II и произведен в начале мая в подпоручики. В феврале 1916 г. захворал и переправлен был в Киевский военный госпиталь, где пробыл 5 недель.

Военной комиссией найдено: катар левой верхушки легкого и брадикардия, (пульс — 60) у верхушки сердца систолический шум с тоном, на втором тоне легочной артерии акцент, что попросу называется порок сердца.

Хотели в 3-ю категорию перевести, но попросили дать на 1 месяц отпуск для домашнего лечения, отпуск кончился в конце апреля, и он поехал в свою часть (Хотин).

Хотел бы в полутыл (Киев, Полтава) по концелярской части или в невооруженные рабочие дружины, что зависит исключительно от начальника ополченческих бригад г.-л. Глинского (Житомир).

Что он должен сделать: рапорт — кому, и что сказать (прямо ли о прикомандировании к такой-то части или прошение).

Имеет ли право, не сказав командиру своей части, подать рапорт в другую часть с просьбой о прикомандировании.

Я виделся с доктором, который мне сказал, что этот самый акцент на 2^м тоне (порок сердца) совсем освобождает.

Для этого надо, чтобы он просил, чтобы его эвакуировали в Петербург. (Как он должен просить, что должен сказать?)

Или просить краткосрочный отпуск в Петербург затем идти к командиру и просить санитарный билет, чтобы лечь в клинику (это гораздо сложнее, чем эвакуация, так как что эвакуированного должны принять в клинику, а не эвакуированного еще пождут).

81. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

10 I 1917. В. О. 14 л. 31 кв. 48
209—69

Дорогой Александр Александрович!

Пошлите стихи для рукавишниковского сборника: Москва, Бронная, Богословский пер. 7 кв. 39, Степану Степановичу Семенову-Волжскому для И. С. Рукавишникова¹, т. 1—03—61. Получить гонорар можете.

Я очень благодарен Александре Андреевне: единственный человек принял участие в моей ратной судьбе. Освобожден я по ст. 65А (хронич. гастрит, хронич. колит) и по ст. 37 (острота зрения 0,02 при 11 диоптриях). 44 дня и 44 ночи просидел я между сыпным и тифозным — сколько видел смертей, сколько последних минут: соседи мои помирали — безвестные!

Всего вам хорошего. А. Р е м и з о в

¹ Иван Сергеевич Рукавишников (1877—1960) — писатель-символист. Речь идет о сборнике «Луна». См. письмо Рукавишникова Ремизову от 7 июля 1915 г.: «Поздней осенью предполагается выпустить сборник; участниками намечены: Вы, Сологуб, Андреев, Бальмонт, Иванов, я и, может быть, Шестов и еще кто-нибудь в том случае, если решено будет обогатить альманах и художественно-критическим отделом. От Вас ожидаем расказа; размер, как пожелаете. < . . . > Гонорар точно не высчитан, это в зависимости от тиража. < . . . > Альманах предполагается листов на 11». 7 ноября 1915 г. И. Рукавишников писал Вяч. Иванову: «Юрий Никандрович Вам, наверно, говорил, что перед самым

нашим отъездом из Москвы Ребрик почти отказался издавать сборник из-за отсутствия бумаги. А сборник все-таки издать нужно, хотя бы потому, что материал собран. Поэтому я сегодня написала Ребрику, чтобы начинал понемногу набирать. Потому если Вы еще не послали к нему своих стихов, то, пожалуйста, пошлите <...> Да, Сологуб эту пьесу взял, стихи обещал, а расказ вряд ли даст, т. к. сейчас у него ничего нет <...> Для сборника пока есть стихи: Ваши, Бальмонта, кажется, Блока, Рукавишников, Северянина, последние не наверно. И проза Ремизова: «Страница прихожая», статья Ивана Сергеевича «Судьбы человечества», может быть, роман Алексея Николаевича Толстого. Да, а Шестова что-нибудь будет? Тогда уж значит все» (ГБЛ, ф. 109). В 1915 г. сборник в свет не вышел. 4 января 1917 г. Рукавишников вновь обратился к Ремизову с просьбой: «Не в Петербурге ли Андрей Белый? Я с ним мельком видался в Москве на Реферате, потом потерял след. Если у Вас, попросите для моего альманаха стихи или что есть у него. Блока тоже. Рукописи в Москву Степану Степановичу Семенову (Волжскому) Бронная, Богословский, 7, кв. 39, тел. 1-03-61» (ИРЛИ, Арх. Ремизова, ф. 256, оп. 1, № 221, л. 16). Но и на этот раз издание сборника не осуществилось.

82. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

«31 октября 1918 г. Петроград»

Александр Александровичу Блоку

Обезьяний знак I степени с Заячьим глазом дан для ношения С. Петербург 31 X 1918 г.

83. БЛОК — РЕМИЗОВУ

«24 декабря 1918 г., Петроград»

Алексее Михайловичу Ремизову.

Покорнейше прошу Вас не отказать сообщить в письменной форме в ближайшее время список пьес, которые Вы нашли бы возможным напечатать спешно, не снабжая эти пьесы никакими особенными примечаниями.

Прошу Вас при этом не стесняться рамками каких бы то ни было наших списков, а принять во внимание только следующее: 1) чтобы пьесу было легко поставить (поменьше декораций и действующих лиц, попроще сюжет и язык, и т. д.) 2) чтобы текст этой пьесы был более или менее бесспорен (единственный печатный или рукописный текст, удовлетворительный перевод, отсутствие опечаток и т. д.). Не откажите отметить при этом, какой именно текст надо приобрести или переписать, следует ли его проверить, нет ли готовой краткой (или могущей быть сокращенной) статьи, которая послужила бы предисловием или послесловием к данной пьесе, нельзя ли срочно заказать статью и кому именно; по возможности, желательны указания о числе действующих лиц и декораций.

Обсудив Ваш список в одном из заседаний Бюро, мы немедленно стараемся добыть соответствующие тексты, — после чего будем просить Вас привести рекомендованные Вами пьесы в надлежащий вид для сдачи в печать, т. е. снабдить надписями для обложки и титульного листа, исправить опечатки (все это может быть поручено кому-либо из Ваших сотрудников под Вашей редакцией), словом — дать в типографию и в руки корректору такой экземпляр, который может быть воспроизведен точно (не считая перевод на новую орфографию, который производится автоматически).

Не откажите, кроме того, сообщить Ваше мнение о том, желательно ли такие несовершенные издания делить на серии, нумеровать и т. д., кои мы предполагали делить со всей библиотекой «Репертуар» и не находите ли Вы нужным дать другое название всей библиотеке.

Позволю себе прибавить, что очень желательно, чтобы среди пьес было названо некоторое количество произведений, принадлежащих к т. н. «классовой литературе» и, разумеется, удовлетворяющих при этом хотя бы минимуму литературных и театральных требований.

24/XII — 1918 г.

Председатель Репертуарной секции Ал. Блок

А. М. РЕМИЗОВ

Рисунок В. Орловой (карандаш)
Литературный музей, Москва

Публикуется впервые. Автограф — ИРЛИ, ф. 256, оп. 1, № 33.

Письмо связано с работой Блока (начало 1918 г.—февраль 1919 г.) в Репертуарной секции при театральном отделе Народного комиссариата просвещения и подготовкой к изданию сборника «Репертуар» (ПГ.—М., 1919).

84. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

«3 марта 1919 г.»

Александр Александрович,

Будьте милостивы, возьмите у Анненкова ¹ рукопись мою «Ров львиный» ² ч «часть» I и в четверг сюда принесите.

3 III 1919

¹ Юрий Павлович Анненков (р. 1890) — художник, иллюстратор поэмы Блока «Двенадцать».² Повесть Ремизова «Ров львиный» писалась в 1914—1918 гг., фрагменты повести печатались в различных периодических изданиях, полностью опубликована не была.

85. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

Киев,

Бульвар Тараса Григорьевича Шевченко (быв. Бибиковский)
Редакция ж «журнала» всеукраинского литературного комитета «Зори»
стихи не ниже 10—15 р., статьи — 3, проза — 4.

С пометой Блока:

В. Нарбут
Ремизов передал мне
5 VIII 1919

Владимир Иванович Нарбут (1888—1938) — поэт, сотрудник журнала «Зори» (вышел 1 номер). См. письмо Нарбута Ремизову от 28/15 июля 1919 г.: «Для «Зорь» редактор по-

следних Мстиславский (знаете ли Вы его?) просит Вас рассказ. Размером 1-го печатного листа (1000 страниц). Оплата не ниже 4 р. 50 к. за строку. Ежели таковой есть или, как только он появится, направьте его, пожалуйста, *наложенным* платежом по адресу: Киев, Бульвар Тараса Шевченко (быв. Бибиковский) д. № 7, кв. 11, Всеукраинский Литературный комитет редакции журнала «Зори». Рассказ нужен настоящий, не обязательно революционный. Далее: не передадите ли также Е. Замятину и Вяч. Як. (Шипкову) приглашения прислать по рассказу (той же всем цены и тем же путем, т. е. наложенным платежом)? И еще обременю Вас, Алексей Михайлович, просьбой: не увидите ли Александра Александровича «Блока»? От него нужен ряд стихотворений (тоже настоящих) или какая-либо большая стихотворная вещь. А также статья. Гонорар — за стихи не ниже 10—15 за строку, статьи (кажется) по 3 руб. Словом, нужен *хороший* литературный материал. Скажите это всем, всем, всем. Ваш рассказ пришлите, дорогой Алексей Михайлович, как можно скорее. И пишите, не забывая» (ИРЛИ, ф. 256, оп. 1, № 167).

86. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

29 XII 1919, «Петроград»

Дорогой Александр Александрович!

Прошу за Радловых Анну и Сергея (Анна Дмитриевна и Сергей Эрнестович Радловы ¹ В «асильевский» О «стров» I л «иния» 40 кв. 4) произвести их в члены Дома искусств и выдать членные билеты.

И еще прошу: не могу докликаться Алконоста ², скажите ему (залетает небось!), чтобы экстренно прислал мне рассказы мои: «два старца ³, змея и друг «ие»» (пусть в отделе на Литейной ⁴ в ком. 22 у А. Д. Радловой оставит) и рукописи с дубликатами книги моей «Скрижали» ⁵.

Передайте ему, что не хочу я никаких Фото — лито — меццо — кварта ⁶, не хочу я переписывать ничего: нет у меня никаких сил и времени нет.

Алексей Ремизов

¹ Анна Дмитриевна Радлова (1891—1951) — поэтесса и переводчица, Сергей Эрнестович Радлов (1892—1958) — драматург и режиссер.

² Алконост — Самуил Миронович Алянский — владелец книгоиздательства «Алконост» (1918—1923).

³ Рассказы «Два старца», «Змея» вошли в кн. Ремизова «Шумы города». Изд-во «Библиофиль», Ревель (1921).

⁴ На ул. Литейной, 15, в доме Мурузи, помещалось издательство «Всемирная литература».

⁵ Книга Ремизова «Скрижали» должна была выйти в издательстве «Алконост» в 1920 г. Издание ее не осуществилось.

⁶ Отказываясь от новаторских полиграфических методов, требующих специальной подготовки рукописи, Ремизов предпочитает традиционный способ издания книги.

87. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

«1 января 1920 г., Петроград»
Александру Александровичу Блоку

Дорогой Александр Александрович!

Не могу отыскать Алконоста ¹, помогите! У него лежат мои скomorошья ² сказки (рукопись), очень мне они нужны. Накажите ему, он залетит к вам, пусть оставит в отделе на Литейном или в ком. 22 (у А. Д. Радловой) «или в ком.» 8.

Алексей Ремизов

1920. 1 января.

¹ См. п. 86, прим. 2.

² Рукопись «Скоморошьях сказок» Ремизова (датированная 9 II 1920, с дарственной надписью Григорию Матвеевичу Ромму, редактору журнала «Жизнь искусства») хранится в ГПБ, ф. 1012, Собр. В. С. Спиридонова, № 7. Вошли сказки: «Царевна Лисава», «Медведчик», «Скоморох». Издание «Скоморошьях сказок» не осуществилось. Позднее, в 1923 г., сказки «Скоморох» и «Медведчик» вошли в раздел «Скоморох» книги «Сказки русского народа, сказанные Алексеем Ремизовым» (Берлин—Пб.—М., изд. З. И. Гржебина, 1923).

88. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

23 или 24 не знаю «августа» *20 года
Кавалеру обезьяньего Знака
Александр Александровичу Блоку.

Дорогой Александр Александрович!

Был Алконост с письмом от Асыки, говорит, чтобы Вам от обезьяньей палаты¹ запрос написал.

Вчера еще утром я был, как человек, а сегодня с грелкой, беспамятный и бестолковый, я не знаю, что с такими делают в обезьяньем царстве, убивают ли сразу, чтобы жалобами не мutilи света или обертывают в вату, как недоносков, и греют, и молоком поят?

¹ В 1908 г. в Петербурге образовалось шуточное общество Обезьяньей Великой и Вольной Палаты (Обезвелволпал), придуманное Ремизовым, как указывает В. Шкловский, «по типу русского масонства». (В. Шкловский. ЗОО. Письма не о любви, или Третья Элоиза. Берлин, «Геликон», 1923, с. 29). Согласно характеристике, данной Ремизовым в книге «Ахру. Повесть петербургская». Берлин—Пг.—М., Изд-во З. И. Гржебина, 1922, с. 49), Обезвелволпал —

«. . . общество тайное,
происхождение — темное,
цели — свободно выраженная анархия,
намерения — неисповедимые.
средств — никаких».

Там же был изложен и «манифест» общества: «Мы . . . асыка первый, верховный властитель всех обезьян и тех, кто к ним добровольно присоединился, презирая гнусное человечество, огадившее всякий свет мечты и слова, объявляем хвостатым и бесхвостым, в шерсти и плешивым приверженцам нашим, что здесь в лесах и пустынях нет места гнусному человеческому лицемерию, что здесь вес и мера настоящие и их нельзя подделывать и ложь всегда будет ложью, а лицемерие всегда будет лицемерием, чем бы они ни прикрывались» (там же, с. 50—51).

Члены общества — известные писатели, поэты, художники, композиторы, издатели — представляли собой «иерархию», возглавляемую царем обезьяньим Асыкой Первым, о котором «никто ничего не знает» и которого «никто никогда не видел» (там же, с. 49). Так, «князьями обезьяньими» были М. Горький, Пришвин, «забеглыми князьями обезьяньими» — А. Н. Толстой и И. С. Соколов-Микитов, С. М. Алянский был «князь и волк-исполком обезьяний», Н. С. Гумилев — «граф обезьяний», Е. И. Замятин — «епископ обезьяний Замутий». «Кавалерами обезьяньего знака» являлись Блок, Белый, Л. Шестов и многие другие. Ремизов был cancellarius'ом Обезвелволпала.

Кавалерам обезьяньего знака выдавались обезьяньи грамоты и обезьяньи знаки, расписанные и разрисованные Ремизовым. Кроме того, имелись и такие «документы», как положение о денежных знаках, «реликвии» и статут Обезвелволпала, который гласил: «Все приходящие в Обезьяню Великую и Вольную Палату как к себе домой — сидят на диване и на креслах, курят и везде сорят, разговаривают громко по телефону прямо над самым ухом — все обложены податью особой — хабарой. Всяк должен принести что-нибудь в дар Палате: кто бумаги чистой листов двадцать, кто пряников, кто стакан, полученный по 17 купону детской карточки, чтобы было из чего чай пить». (ИРЛИ, Арх. Ремизова, ф. 256, ед. хр. 31).

Созданное Ремизовым общество было соотносимо с символистским «жизнетворчеством», являлось выражением стремления к свободе, простоте и справедливости. «Мы юродствуем в мире для того, чтобы быть свободными. Быт превращаем в анекдоты. Строим между миром и собою маленькие собственные мирки — зверинцы. Мы хотим свободы». (В. Шкловский. ЗОО. Письма не о любви, или Третья Элоиза, с. 29—30).

Обезвелволпал «объединял всех нездравомыслящих, освобождая от всяких обязательств — изобретения хитрой бестией — человеком, прикрывавшим свое ничтожество подлой, судя по себе, «справедливостью» (А. М. Ремизов. Петербургский буерак. Шурум-бурум. Воспоминания. ЦГАЛИ, ф. 420, Ремизов, оп. 5, ед. хр. 18, с. 111).

89. РЕМИЗОВ — БЛОКУ

6 IX 1920
Троицкая 4 кв. 1 209—69

Дорогой Александр Александрович!

Дайте, если можно, билет на 1-ое представлени^е б¹ «ывшего» К^ороля > Лира² для Серафимы Павловны.

* Приписка Блока.

О себе прошу: мне все-равно куда, в ложу ли, под ложу ли.
Какой знак билетный? Теперь с Троицкой близко

Алексей Ремизов

¹ Подчеркнуто трижды.

² Трагедия В. Шекспира «Король Лир» ставилась в Большом Драматическом театре (Фонтанка, 65), созданном в 1918 г. и открытом 15 февраля 1919 г. постановкой трагедии «Дон Карлос». С 26 апреля 1919 г. по июль 1921 г. Блок работал председателем режиссерского управления этого театра.

1-е представление «Короля Лира» было 21 сентября.

П Р И Л О Ж Е Н И Е I

НАДПИСИ РЕМИЗОВА НА КНИГАХ,
ПОДАРЕННЫХ БЛОКУ

1

Александр Александровичу Блоку на Новый год.

А. Ремизов

1908. СПб. 1 января

Надпись на титульном листе книги Алексея Ремизова «Чертов лог и полунощное солнце». Рассказы и поэмы. Изд. EOS, СПб., 1908.

2

Александр Александровичу Блоку.

Переводы, которые печатались в «Вопросах Жизни»¹. «А я вам картинку из Бердслея² посадил!» — сказал мне издатель, передавая эту книгу.

А. Ремизов

СПб., 30 апреля 1908 года.

1 мая, в день чтения драмы Блока «Песня Судьбы»³

Надпись на титульном листе книги переводов Алексея Ремизова «Любовь. — А. Штеенбух, Продавец солнца. — Рашильд, Филокет или трактат о трёх добродетелях. — Андре Жид». — Изд. журнала «Театр и искусство», 1908.

¹ Штеенбух — «Вопросы жизни», 1905, № 6; А. Жид — «Вопросы жизни», 1905, № 3; Рашильд — «Новый путь», 1904, июнь.

² Обри Бердслей (1872—1898) — английский художник-график, один из наиболее модных художников английского символизма. Его рисунок помещен на 1-й странице обложки книги. Судя по стилю письма, О. Бердслей был чужд А. Ремизову.

³ 1 мая 1908 г. Блок читал «Песню Судьбы» у себя на квартире (в присутствии Е. П. Иванова, А. П. Иванова, А. М. Ремизова, Ю. Верховского и др.).

3

1902—1903 г.¹

Эту печальную повесть приношу дорогому Александру Александровичу Блоку

А. Ремизов

Корочунов день², 14 ноября 1908 года³ С—Петербург.

Александру Александровичу Блоку.

С пожеланием увидеть еще раз Фаину⁴ и не заспать сна своего, не разгулять его кофейными разговорами. . . и прикоснуться к земле русской⁵, в которой таится верность до смерти, предательство Иудино⁶ и подвиг крестный.

Все во сне, ничего. Даже лучше, не так больно.

С любовью моей А. Ремизов

Надпись на титульном листе книги Алексея Ремизова «Пруд», роман, изд. «Сиринус», 1908, СПб., Соляной 7.

Внизу — приписка Блока:

(Часы, роман. 1904). Изд. EOS, СПб., 1908.

Роман А. Ремизова «Часы» писался в 1903—1904 гг., впервые был напечатан в издательстве EOS в 1908 г.

¹ Указание А. Ремизова на время работы над романом «Пруд».

² В примечаниях к «Посолони» А. Ремизов дает следующее объяснение: «Корочун — зимний дед-мороз. — Древнерусское название зимнего Солонворота (12 декабря), время от 15 ноября до Рождественского сочельника <24 декабря. — А. Ю.> Древнерус. карачунъ, корочунъ, корочунъ; малорус. керечунъ — от крачати, крак — шаг, нога. Этот самый дед Корочун, <. . .> по словам румынской колядки, приютил Божию Матерь с Младенцем у себя в хлеву» (Сочинения, т. 6, СПб., изд. «Шиповник», 1912, с. 257—258). Книга подарена 14 ноября, т. е. в канун Корочунова дня.

³ В рукописи — ошибка: 1903 года.

⁴ Фаина — героиня драмы Блока «Песня Судьбы».

⁵ Отавук национального варианта мифов о матери-земле, неразрывно связанных для Ремизова с традицией Достоевского («Преступление и наказание», «Братья Карамазовы» и др.). Ср. так же: «Из первой памяти моей, когда я только еще говорить учился, я запомнил: рассказывала наша старая нянька сказку <. . .> Припади к матери сырой земле. <. . .> А вот так все и вышло.

Читая всякие записи, часто спутанные и перепутанные, а иногда просто бессловесные — а это-то и есть самое настоящее! — я как бы припал к земле и послушал.

И то, что я услышал, зажглось, как павлиньи перья». («Сказки русского народа, сказанные Алексеем Ремизовым», Берлин — Петербург — Москва, 1923, с. 7—8).

⁶ Ср. с трактовкой Ремизовым образа Иуды в «Трагедии о Иуде, принце Искаротском: «Вот остановился Христос. — А. Ю.» на распутии у трех дорог. Он ждет к себе другого. . . и такой должен прийти к нему, измученный, нигде не находя себе утешения, готовый принять на себя последнюю и самую страшную вину, чтобы своим последним грехом переполнить грех и жертвою своею открыть ему путь. . .» (Сочинения. СПб., «Шиповник», VIII, с. 168).

4

Сия книга принадлежит А. Ремизову,
надписываю нарочно, а еще Пяст¹ себе возьмет.

2 X 1911 г.

Александрю Александровичу Блоку

Берите эту книгу себе. Будет она Вам памятью о Ваших шагах первых

12 III 1912

А. Р е м и з о в

Надпись на титульном листе книги «Первые литературные шаги. Автобиографии русских современных писателей. Собрал Ф. Ф. Фидлер».

Книга вышла в свет в 1911 г. (М., изд. И. Д. Сытина). Федор Федорович Фидлер (1859—1917) переводчик, собиратель автографов.

¹ О дружеских отношениях Блока с В. А. Пястом см. наст. кн., с. 175—228.

5

Александрю Александровичу Блоку

1912 г. 1 ноябр<я> в четверг

Надпись на 1-й странице рассказа А. Ремизова «Покровенная» («Современник», 1912, IX).

П Р И Л О Ж Е Н И Е II

ВОСПОМИНАНИЯ А. М. РЕМИЗОВА О БЛОКЕ

Публикация Н. А. Кайдаловой и Н. Н. Примочкиной

Публикуемые мемуарные очерки о Блоке написаны Ремизовым в эпистолярной форме и поэтому воспринимаются как своеобразное дополнение к переписке, содержащей историю длительных литературных и личных взаимоотношений писателей. Все три очерка приурочены к датам, связанным с кончиной Блока. Первый из них — «Из огненной России» — был написан в Германии через три месяца после смерти поэта. Эти воспоминания были опубликованы в 1922 г. в Берлине¹, в том же году с небольшими сокращениями их перепечатал харьковский журнал «Художественная мысль» (№ 9). Второй мемуарный очерк — «Десять лет» — появился 6 августа 1931 г. в парижской газете «Последние новости» и, как это явствует из заголовка, был связан с десятилетней годовщиной смерти Блока. Третий очерк — «По серебряным нитям (Лития)» — и по содержанию и по форме тесно связан с двумя другими. Этот очерк был написан уже по поводу двадцатипятилетия со дня смерти поэта и напечатан 9 августа 1946 г. в газете «Советский патриот» (№ 54).

Все три очерка объединены Ремизовым в неопубликованной книге воспоминаний «Петербургский буерак. Шурум-Бурум» и составляют отдельную главу этой книги. Они расположены в хронологической последовательности как части единого произведения.

Оказавшись на чужбине, утратив родную почву, Ремизов постоянно обращается мыслью к Блоку и другим близким ему прежде людям, «спутникам жизни», в особенности к тем из них, кто, по его мнению, был добр и отзывчив. Ремизов объединяет ушедших навсегда из его жизни людей, в том числе и Блока, в своем духовном мире как носителей и творцов русской культуры. Известно из той же книги «Петербургский буерак», что Ремизов собирался написать «поминальную книгу», посвященную близким ему по духу писателям, литераторам, деятелям искусства и некоторым малоизвестным русским интеллигентам, работавшим в советской России в области культуры и просвещения. В известном смысле «Петербургский буерак» и есть такая «поминальная книга», в ней собран весь основной материал, которым мог воспользоваться Ремизов для завершения и окончательного оформления своего замысла. Но он печатал книгу отдельными отрывками, и часть материалов, включенных в «Петербургский буерак», до сих пор не издана.

Воспоминания о Блоке отличаются лучшие качества ремизовской прозы. Повествование ведется просто и безыскусственно, без излишней архаизации речи. Своеобразие художественного мышления Ремизова проявляется, в частности, в излюбленной им разговорной, интимной интонации, полно передающей глубину и искренность чувства писателя.

Поскольку первый очерк публиковался в начале 20-х годов трижды, мы сочли возможным включить его в сообщение в виде фрагментов. Два другие очерка приводятся полностью. Все тексты воспоминаний публикуются по машинописному тексту книги «Петербургский буерак»; номер страницы указывается после цитаты в скобках. Рукопись с авторской правкой хранится в ЦГАЛИ, ф. 420, оп. 5, ед. хр. 19.

7 августа 1921 г. Ремизов навсегда покинул Россию. Это произошло в день кончины Блока. Случайное совпадение в датах глубоко поразило писателя и приобрело в его глазах особый символический смысл. К этому факту Ремизов неоднократно возвращался в своих воспоминаниях. Отъезд из России трагически осознается как вечная разлука с любимой землей, подобная смерти Блока. И эта разлука, по ощущению Ремизова-художника, таинственным образом снова сблизила судьбы обоих писателей, спаяла по-новому прочной связью: если раньше они с Блоком были объединены жизнью в России, под ее «знаком», то и теперь их состояние общее — «вне России», холодное, запредельное.

Как уже отмечалось, Ремизов отказывается от классического жанра мемуаров, предпочитая ему особую форму «живого» общения со своим воображаемым собеседником и с читателем. На чужбине Ремизов оказался в психологической изоляции. Он воспринял европейский мир прежде всего с точки зрения чуждости его всему русскому, не-

заинтересованности в русском. Общение, хотя бы и воображаемое, с Блоком и другими русскими людьми, помогает в этот период Ремизову жить. Потребность обращаться к Блоку, делиться с ним, жаловаться на неурядицы и житейские трудности осталась, и Блок в воспоминаниях предстает таким, каким продолжал видеть его Ремизов: вечно живым, внимающим и безмолвно и сочувственно отзывающимся на его слова, воспоминания.

Ремизов начинает свой очерк 1921 г. эпиграфом, составленным из первого и последнего четверостиший стихотворения Блока «Девушка пела в церковном хоре» (1905):

Девушка пела в церковном хоре
 О всех усталых в чужом краю,
 О всех кораблях, ушедших в море,
 О всех, забывших радость свою.
 И голос был сладок, и луч был тонок,
 И только высоко, у царских врат,
 Причастный тайнам, — плакал-ребенок
 О том, что никто не придет назад.

Бедный Александр Александрович!

Покинуть так рано землю, никогда уж не видеть ни весен, ни лета, ни милой осени и любимых, белоснежных зим.

И звезд не видеть — сестер маящих — как только они нам светят!

Не видеть земли, без «музыки» — это такая последняя беда и от этой беды не уйти — а если вовсе и не беда, а первое великое счастье?

Но почему же для вас так рано?

Это я, еще бедующий здесь вместе с веснами и любимыми вьюгами и моей звездой серебряной, я стучу в затворенную дверь, не могу и никак не свыкнуться с этим вашим — счастьем.

В то утро — а какая ужасная была ночь — Лирова ночь! какой рвущий ветер и дождь,

ветер ввиль —
 и сам щичавый зверь содрогнулся б!
 ветер до — сердца! ?

В суровое августовское утро, когда, покорные судьбе, в скотском вагоне, как скот убойный, мы подъезжали к границе, оставляя русскую землю, дух ваш переходил тесную огненную грань жизни и вы навсегда покинули землю.

И еще огонек погас на русской земле» (с. 12—13).

Чувство непонятости, собственной ненужности и одиночества Ремизов узнал очень скоро. Буржуазная жизнь Европы, обывательская успокоенность и самодовольство, равнодушные подавляющего большинства к общественным проблемам, как и безответственное жонглирование левобуржуазных кругов модными словечками и идеями, — все это не могло внушить Ремизову симпатии и доверия к интеллектуальной и политической жизни Запада³. На фоне общественной жизни Запада, определяемой модой и причудами благополучных и сытых людей, Россия представляется Ремизову страной, в которой совершаются события, полные глубокого значения и драматизма и представляющие живой интерес для русского человека и писателя:

«Это такое проклятие — вот уж подлинное несчастье — оставить родную всколыханную землю, Россию, где в бедующем Злосчастье наперекор рваной бедноте нашей, нищете и голи выбивается изумрудная молодая поросль <...>

А знаете, это я теперь узнал за границей, что для русского писателя тут, пожалуй, еще тяжче, и писать не то, что невозможно, а просто нечего: ведь только в России и совершается что-то, а тут — для русского-то — пустыня.

Уйти временно в пустыню, конечно, для человека полезно, в молчании собрать мысли — ведь нигде, как в пустыне зрение и чувства остры. — Гоголь уходил в римскую пустыню для «Мертвых душ». Тоже и поучиться следует, на старых-то камнях — «одним хоботом мазать невозможно» — правильно Толстой заметил Алексей Н. Только вот насчет прокорму — писателям и художникам ведае приходится туго! — нада

какая-то работа, а всякая посторонняя работа, вы-то это хорошо знаете, засушит. И выйдет то же на то же. И если судьба погибнуть, так уж погибать там у себя на миру в России» (с. 13—14).

Глубокой, пронзительной болью и тоской по России проникнуты все три очерка, ибо воспоминания о Блоке неизбежно вызвали мысль об оставленной родине. Любовь Ремизова к России возрастала с течением времени и привела его после долгих размышлений и сомнений к постепенному усвоению и одобрению той реальности, которая звалась его родиной. Уверенный в непреходящем значении «народной русской мудрости и правды», в неискоренимости духовных ценностей народа и русского языка, Ремизов после двадцати пяти лет жизни за границей, обращаясь к Блоку, говорит: «Горячо и всецело люблю настоящую, прошедшую и будущую Русь» (с. 32).

Уже в 50-е годы Ремизов весь последний период своей жизни следит за событиями в СССР и за развитием советской литературы, стремится наладить связь с родиной, пытается пояснить мотивы, заставившие его уехать. Вот какими строками начинается книга «Петербургский буерак»: «Моя жизнь раскололась. С августа 1921-го в Европе, прошел через Германию и навековал в Париже.

Никогда, а только за границей я почувствовал, что русский: я не чужой вам, но я по-своему. А моя память о русском ярче будь была бы, живи на родной земле среди своих, в России»⁴.

Тема России, составлявшая основу переписки Блока с Ремизовым, получила художественное завершение в публикуемых воспоминаниях. Ремизов стремится установить сходство и различие своего и блоковского творческого пути и дать законченные образы «по-разному русских» писателей. Различие это состоит, по мысли Ремизова, прежде всего в отношении к прошлому, настоящему и будущему России.

«Трижды вы мне снились.

Два раза в городе рыцарей — в башенном Ревеле и раз тут в зеленом Фриденау, в Фремденхейме фрау Пфейфер, над Weinstube, по-нашему, над кабаком.

Видел вас в белом, потом в серебре, и я пробуждаюсь с похолодевшим сердцем. А тут — над Weinstube — вы пришли совсем обыкновенным, всегдашним и мне было совсем не страшно. Я вас просил о чем-то, и вы, как всегда, слушая, улыбались — что-то всегда было чудное, когда я говорил с вами.

Из разных краев, разными дорогами проходили мы до жизни и в жизни по крови разные — мне достались озера и волшебные алтайские звезды, зачаровавшие необозримые русские степи, вам же — скандинавские скалы, северное небо и океан, и не даром выпала вам на долю вихревая песня взбалаченной, вздыбившейся России, а мне — погребальная над краснозвонной отошедшей Русью.

Где-то однажды, а может, не раз мы встречались — на каком перепутье? — вы, закованный в латы и с крестом, я, в моей лисьей острой шапке, под вой и бой бубна — или на расстани какой дороги? в какой чертячьей Weinstube — разбойном кабаке или там — на болоте —

И сидим мы, дурачки, —
Нежить, немочь вод.
Зеленеют колпачки
Задом наперед.

Судьба с первой встречи свела нас в жизни и до последних дней. И в решающий час по запылавшим дорогам и бездорожью России через вой и вихрь прозвучали наши два голоса России —

на новую страдную жизнь
и на вечную память» (с. 18—20).

Определяя себя как певца прошедшей «краснозвонной Руси», Ремизов мысленно обращается к делу всей своей жизни: к поиску и исследованию старинного русского слова, освобождению его от чужеродных наслоений. Поэтика Ремизова — выражение его мировоззрения, русский язык — то, чему он предан более всего остального. В Блоке, как и в нем, несхожем с ним художнике, Ремизов подчеркивает «музыкальное», мировое звучание, определившее, по мысли автора, и необыкновенность личности поэта и его громадную историческую величину. В этом смысле не только Блок существует «под

знаком России», но и Россия находится «под знаком Блока» как музыкально увлеченная, прочувствованная и воссозданная стихия. Ремизов неоднократно возвращается в своих воспоминаниях к особому дару «внутреннего слуха» Блока, который выделяет его из ряда «нормальных людей», превращает в некотором роде в музыкальный инструмент, реагирующий на грохот «мирового оркестра» и работающий в одном ритме с современной жизнью. Ремизов проводит грань между музыкой как видом искусства, той, которую «слушают», и той, которую «слышат» и которая, по романтической формуле автора воспоминаний, имеет происхождение не земное, а космическое, «звездное», и, следовательно, губительна для жителя земли. В самоотдаче Блока на волю музыкальной стихии Ремизов видит подвиг души, хотя и трагический, подобный совершенному в свое время Гоголем. Безвременная кончина Блока поэтому, несмотря на горечь утраты и глубокое сострадание поэту, видится Ремизову именно в свете величия его жизненного подвига.

«Блок был вроде как не человек.

И таким странным — дуракам — и как на человекам дан великий дар: ухо, какое-то другое, не наше.

Блок слышал музыку.

И это не ту музыку — инструментальную — под которую на музыкальных {вечерах любители, люди сурьезные и вовсе не странные, а как собаки мух ловят, нет, музыку.

Помню, в 1917 году после убийства Шингарева и Кокоскина⁵ говорили мы с Блоком по телефону — еще можно было — и Блок сказал мне, что над всеми событиями, над всем ужасом слышит он — музыку и писать пробует.

А это он «Двенадцать» писал.

И та же музыка однажды, не сказавшаяся словом, духом своим звездным вывела Блока на улицу с красным флагом — это было в 1905 году.

Из всех самый крепкий, куда же Андрей Белый — так, ⁵мля газообразная с седенькими пейзажами, или меня взять — в три дуги согнутый, и вот первый — не думано! — раньше всех, первый, Блок простился с белым светом.

Не от цыгги, не от голода, и ни от каких трудовых повинностей — ведь Блоку это не то, что мне, полезно разрубить или дров принести! — нет, ни от каких неустройств несчастных, Блок погиб и не мог не погибнуть.

В каком вихре взвихрилась его душа! на какую ж высоту! И музыка.

— Я слышу музыку, — повторял Блок <...>

Блок читал свои старые стихи.

А читал он изумительно: только он один и передавал свою музыку⁶. И когда {на вечерах брались актеры, было неловко слушать.

Ритм — душа музыки, и в этом стих.

Стихи не для того, чтобы понимать, их и не надо понимать, стихи слушают сердцем, как музыку, а актеру, профессиональным чтецам — не ритм, выражение — всё, а выражение ведь это для понимания, чтобы слушая стих, лишённые «уха» мух по-собачьи не ловили.

Про себя Блока будут читать — стихи Блока, а с эстрады больше не зазвучат — не услышишь, если, конечно, не долбят актеру, что стих есть стих, а не разговоры, а безухий есть глухой» (с. 23—26).

Поэтому «Двенадцать» Ремизов оценивает также с позиции художника, восторженно приветствующего удачу другого художника: воплощение мира в словесно-музыкальной стихии, адекватной стихии революционной, «взвихренной» России (см. вступительную статью). Спустя много лет Ремизов, возвращаясь памятью к тем историческим дням, в которые создавалась поэма, вновь усмотрел в блоковском слове непосредственное выражение «музыки» русской истории:

«Редкий вечер не говорили мы с Блоком по телефону. Однажды он мне сказал, что слышит музыку и пробует писать. Я понял, — он в вихре слов, но каких, я не мог себе представить: революция разнословна. Я в те дни писал прощальное слово о Московской Руси: «Вечная память!» <...> Когда я прочитал «Двенадцать», меня поразила словесная материя — музыка уличных слов и выражений — подскрёб {слов неожиданных у Блока <...> В «Двенадцати» всего несколько книжных слов! Вот она какая музыка, подумал я. Какая вышла Блоку удача: по-другому {передать {улицу я не представляю возможным! Тут Блок оказался на высоте словесного выражения»⁷.

В последние месяцы жизни Блока Ремизов принялся иллюстрировать поэму и рассматривал свои «картинки» как прощальное слово поэту перед своим отъездом за границу.

«Бедный Александр Александрович!

Всё никак не могу убедить себя, что вас уж нет на свете.

Вот тоже, когда Шеколкин помер, я тоже долго не мог: схвачусь и всё будто папиросу ищу — сам курю и ищу, как в бестабашь.

Передали ли вам моё последнее слово?

— Что ж сказать Блоку?

А я точно испугался — чего-то страшно стало — не сразу ответил.

— А скажите Блоку: нарисовал я много картинок, на каждую строчку «Двенадцати» по картинке.

Пусто и жутко было в моей комнате: пустые полки, и игрушек не было, пустая зеленая стена с серебряными гнездышками, и ваша «ягиная черпалка» — помните, на Островах нашли? — убралась в жестяную коробку из-под бисквитов вместе с «гребнем ягиным» и только огонек перед образом неугасимый светил, как всегда, в последнюю ночь, разбирали последнее, как после похорон.

— А это значит, — объяснил я, — за эти три месяца я думал о нем.

Евгения Федоровна Книпович так и обещалась передать» (с. 17—18).

Рисунок был для Ремизова равноправным со словом средством художественного выражения. У него было убеждение, что графика — прообраз письменности, а всякое начертание слов и отдельных букв сродни рисунку. Многие его письма есть в то же время и рисунок — стилизация старинного «узорного» начертания, средневековой буквенной вязи. Годами, в особенности в период жизни за границей, Ремизов вел «графический дневник». Язык графики приходил ему на помощь, когда сам писатель чувствовал, что рисунок будет действительнее, актуальнее и, главное, доступнее и понятнее слова. Он рассказывал Н. В. Кодрянской: «В революцию мне было легче рисовать, чем выражаться: я нарисовал «Двенадцать», но не удалось показать Блоку. Этот мой альбом еще до войны в 1937 году я передал А. Б. Кусикову⁸ в Париже»⁹.

Ремизов издал иллюстрации к «Двенадцати» отдельной книжкой в десятилетнюю годовщину смерти Блока¹⁰. Выпущенная в свет в единственном экземпляре, книга экспонировалась на выставке рисунков русских писателей, устроенной журналом «Числа» в Париже.

Страницы мемуаров, посвященные встречам двух писателей, ценны не только фактическим материалом, касающимся их лично, но и изображением характерных черт литературного быта и культурной жизни России на протяжении первых двух десятилетий XX в. Наиболее богат такими страницами первый мемуарный очерк, написанный под непосредственным впечатлением от известия о смерти Блока, когда в воображении Ремизова с особой яркостью вновь прошли неповторимые годы общения и дружеской близости с поэтом. Эти страницы в воспоминаниях 1921 г. составляют цельный, внутренне и композиционно заверченный фрагмент.

Никогда не забуду, (он был, или не был,
Этот вечер): пожаром зари
Сожжено и раздвинуто бледное небо,
И на желтой заре — фонари.

1905 год. Редакция «Вопросов жизни» в Саперном переулке. Я на должности не канцеляриста, а Домового — все хозяйство у меня в книгах за подписями (сам подписывал!) и печатью хозяина моего, Д. Е. Жуковского¹¹, помните, «высокопоставленные лица» обижались, когда под деловыми письмами я подписывался «старый дворецкий Алексей». Марья Алексеевна, младшая конторщица, убежденная, что мой «Пруд»¹² есть роман, переведенный мною с немецкого, усумнилась в вашей настоящей фамилии:

— Блок! псевдоним?

И когда вы пришли в редакцию — еще в студенческой форме с синим воротничком. — первое, что я передал вам, это о вашем псевдониме.

И с этой первой встречи, а была весна петербургская особенная, и пошло что-то, от чего, говоря со мной, вы не могли не улыбаться.

Театр В. Ф. Комиссаржевской на Офицерской с вашим «Балаганчиком» и моим «Бесовским действием»¹³ — Вс. Мейерхольд — страда театральная.

«Неофилологическое общество» с Е. В. Аничковым¹⁴ — весенняя обрядовая песня и ваше французское средневековье¹⁵. Вечера у Вяч. Иванова на Таврической с вашей «Незнакомкой» и моей «Калечиной-малечиной» посолонной¹⁶.

1913 год. Издательство «Сирин» — М. И. Терещенко и его сестры — канун войны, когда мы встречались всякий день и еще по телефону часовали. Вы жили тогда на Моветной, помните Острова, помните другтривенный, ведь я его отдал последний! — как вы смеялись и после, еще недавно, вспоминая, смеялись.

Р. В. Иванов-Разумник — «Скифы» — предгрозовые и грозовые.

1918 год. Наша служба в ТЕО — О. Д. Каменева — бесчисленные заседания и затеи, из которых ничего-то не вышло¹⁷. И наша служба в ПТО — М. Ф. Андреева¹⁸ — ваш театр на Фонтанке, помните, вы прислали билеты на «б. короля Лира»¹⁹.

Комитет «Дома литераторов» с А. Ф. Кони под глазом Н. А. Котляревского²⁰.

И через четырехлетие «Опыта» Алконост — С. М. Алянский, «воисполком обезьяний», мытарства и огорчения книжные, бесчисленные, как заседания, прошения Луначарскому, разрыв и мировая с Ионовым²¹.

Помните, на Новый год из Перми после долгого пропада появился влюбленный Слон Слонович (Юрий Верховский)²² — вот кому горе как узнает! — ведь вы первый в «Вопросах Жизни» отозвались на его стихи слоновьи, на «Зеленый сборник»²³, в котором впервые выступил Слон с М. А. Кузминым и Менжинским²⁴.

Помните Чуковские вечера в «Доме Искусств», чествование М. А. Кузмина²⁵, «музыканта обезьяньей великой и вольной палаты», и наш последний вечер в «Доме литераторов» — я читал «Панельную сворь»²⁶, а вы стихи про «французский каблук»²⁷, домой мы пошли вместе — Серафима Павловна, Любовь Александровна²⁸ и мы с вами — по пустынному Литейному, зверски светила луна.

Февральские поминки Пушкина — это ваш апофеоз²⁹.

И опять весна — Алконост женился³⁰ — растаял Невский, заволынил Остров, восстание Кронштадта³¹, белые ночи.

Первый день Пасхи — первая весть о вашей боли,

И конец.

Глаза ваши пойдут цветам,

Кости — камню,

Помыслы — ветру,

Слово — человеческому сердцу» (с. 20—22)

Воспоминания написаны в характерной для Ремизова манере, — с привлечением большого числа подробностей, обстоятельств, имен и связей, они содержат сжатые, но яркие, часто забавные и юмористические характеристики людей, сыгравших более или менее существенную роль в жизни Блока. Сам Ремизов не забывал никого, с кем был связан когда-то дружескими узами, и все его бывшие друзья имели в его душе что-то вроде «вида на постоянное жительство». Почти каждому из них была выдана Ремизовым «обезьянья грамота» как свидетельство принадлежности к шуточному ордену.

Однако писатель серьезно относился к членам этого ордена, любил их, несмотря на различие их характеров, темпераментов и жизненных и творческих путей.

Избранная Ремизовым интонация доверительной беседы с другом позволяет естественно переходить от воспоминаний о прошлом к настоящему. Ремизов рассказывает, к примеру, о том, как чтут память Блока и берегут его могилу оставшиеся в Петрограде друзья. Ремизов умеет настолько оживить образ Блока в своем воображении, что невольно мысленно вступает с ним в ту лукавую игру, в которую пытался вовлечь его при жизни (см. вступительную статью).

«Да, хорошо, что на Смоленском³².

Федору Ивановичу, хоть и обидно — помните покойника Ф. И. Щеколдина, любил он вас! — это когда с Гороховой-то нас выпустили³³, он вскоре и помер, на советских мостках в Александро-Невской Лавре лежит, — ну, Федор Иванович поймет.

Я. П. Гребенчиков³⁴ и его сестры, они на острове, соседи наши, от них до Смоленского два шага, они-то уж как будут могилу вашу беречь, знают там каждый холмик, придут и на Радоницу — красное яичко принесут, похристосуются, и на зеленый Семик

и на Дмитровскую субботу³⁶. Гребенщиков — книгочий, всякую вашу книгу имеет и на иностранном, он один такой в Петербурге, он и могилу не оставит, «князь обезьяний».

А ваш обезьяний знак, Александр Александрович, — его ни в какой отдел не потребуют — забыл я, с чем он — картинка — с каким хвостом или лапами?³⁶ — у П. Е. Щеголева³⁷ с лапами гусиными и о трех хвостах выдерных» (с. 16—17).

«Евгений Павлович³⁸ тоже кавалер обезьяний — с лягушачьим глазом и хвостом рогатого мыша! — с Гребенщиковым снюхаются и пока живы, бородастые, один рыжий, другой черный, как бесы из «Бесовского действия», дико козя бородами, станут на страже, не покинут вашего Креста» (с. 18).

Воспоминания Ремизова ценны глубоким пониманием особенностей поэтической и человеческой личности Блока. Писатель акцентирует внимание на таких сторонах характера Блока, как постоянное внутреннее беспокойство и обнаженная, «потрясенная совесть» — две человеческие особенности, заставлявшие поэта горячо откликаться на страдания людей, остро реагировать на «проклятые вопросы» русской жизни. Ремизов отстаивает доброе имя Блока, неизменно подчеркивает его гуманность и убежденность, противопоставляя свою точку зрения отношению к поэту русской эмиграции, обвинявшей его в черствости и безответственности. В незатихающей полемике Ремизов с начала и до конца держит сторону Блока, утверждая единство его поэзии и публицистики и неразрывность его творчества с гуманистическими традициями русского классического наследия.

Страницы мемуаров Ремизова, искренние и трогательные, полные щемящей боли и попыток «довыяснить» и определить то, что не было сказано при жизни поэта, проникнуты гордостью за трудный жизненный путь Блока, открылены сознанием причастности поэзии и судьбы Блока к жизни новой России и к новой ее литературе. Этой темой Ремизов завершает воспоминания 1921 г.

«У Блока не осталось детей — к великому недоумению и огорчению В. В. Розанова! — но у него осталось больше, и нет ни одного из новых поэтов, на кого б не унал луч его звезды.

А звезда его — трепет сердца слова его, как оно билось, трепет сердца Лермонтова и Некрасова — звезда его незакатна.

И в ночи, над простором русской земли, над степью и лесом, я вижу, горит» (с. 26).

Тема исторического значения Блока, его бессмертия с особой силой прозвучала в воспоминаниях 1931 г. и 1946 г., когда память о нем прошла испытание временем. Эта тема, развиваясь от очерка к очерку, постепенно приобретает новые краски и новое звучание. Продолжая утверждать кровную связь Блока с Россией, с русской культурой, Ремизов в последнем очерке подчеркивает близость его поэзии культурным традициям западной литературы, включенность Блока в мировой культурный процесс. Мысль эта развивается Ремизовым путем противопоставления поэтической судьбы Блока своей собственной судьбе, в которой он подчеркивает черты национально русские, чужеродные всему западному началу (даже фамилия его неудобопроизносима для иностранца). Выбирая для Блока «ряд», в который входит его творчество, Ремизов называет французских романтиков и символистов: Шатобриана, Ламартина, Гюго, Бодлера и Верлена. В том же «мировом» ряду стоит, по мысли Ремизова, и любимый Блоком Гейне, носитель неистребимого романтизма и «трансцендентной иронии». В 30-е и 40-е годы писатель становится свидетелем признания Блока и постепенного нарастания интереса к его творчеству за рубежом.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Десять лет со дня смерти Блока — срок столетия. Годы с 1917 идут не дневными шажками, а десятилетиями, время подкатывается вихрем. Вихрь, унесший Россию, вьется над побережьем Океана, и здесь, на старых камнях, каким трудом сложившаяся жизнь хряснула. И в такие тревожные кануны десятилетие — этот вековой срок — историческая проба и испытание. И разве не ясно, в десятилетнюю память и сказать правду*: как крепко

* В автографе, видимо, описка: неправду.

и громко через свист вихря имя Блока. И я скажу: говорить можно о России и под знаком Блока. И это удел немногих.

Через десять лет странствования — а я только так и могу говорить, потому что день смерти Блока — это тот день, когда мы ступили на чужую землю, и в этом наша общая судьба: расстаться с Россией. Через годы «пустыни», дней молчания и труда, выступает передо мной лицо человека с упорными беспощадными глазами, человека, окаменелого в том твердом убеждении, которое движет горами, он смотрит, не закрывая глаз, на это пенящееся, булькающее, гоняемое, гонимое и встряхиваемое вихрем, на эту вздыбившуюся жалкую жизнь бунтующего человека, а бунтует человек, когда «больше так жить невозможно»³⁹ — и то же лицо человека с глазами, погруженными в слух, туда, через «черное, черное небо»⁴⁰ в бушующее судьбинное. А смотреть так беспощадно и убежденно, окаменев, когда с чистым дуновением человечески-из-человеческих пожеланий поднимается смрад и струями ползет дрянь, может человек не от бесчувствия, а от потрясенной совести: «невыносимо вопиет поруганная жизнь, и другого исхода нет!» — слушать, обращенному туда за череп «Черного, черного неба», может только человек по врожденному страшному дару «слуха».

Одни люди рождаются уверенные, безмятежные и самодовольные (по Достоевскому это «деятели» — тупые или оступелые) и другие — никогда не успокаивающиеся и с обнаженной совестью (по Достоевскому это — «мышь») ⁴¹. Из встреч за все мои годы, а меня не обездолила судьба, я знаю только двух с такой обнаженной совестью и с таким беспокойством, и один из них Блок.

«Человек, никогда не меняющий своих мнений, подобен стоячей воде, и в мыслях своих рождает гадов» (Блэйк) ⁴² — и как завидна, какой покой, такая жизнь человека; но у «имеющего внутри бурю», в неумиренности, с надрывающимся сердцем — какая тягчайшая доля!

За год до смерти Блока, в мае 1920, на моем «чтении» — я читал главу из моей «Плачущей канавы» ⁴³, где вновь, после «Крестовых сестер» ⁴⁴, через десять лет, я спросил себя: «что есть человек человеку?» И ответил: «Человек человеку бревно. . . нет, человек человеку подлец». И еще спросил себя, вдруг вспомнив все-то до последних дней моей жизни и оглянув жизнь в эти наши жгучие бедовые годы, и ответил: «Человек человеку дух утешитель». И из всех, кто слушал чтение, никто так горячо не отозвался, как Блок: «Я уж и не знаю, что еще можно сказать». И это осталось у меня в памяти — не за себя, а за Блока.

И еще, я это тоже запомнил: прощальное — последнее наше выступление. В марте 1921 г., на общем последнем чтении я читал из начатой в то время «Взвихренной Руси» рассказ «Находка»: ⁴⁵ не подлец, никакой «злодей» герой моего рассказа, а «шут гороховый» — трагикомедия из «мизерной жизни нового складывающегося головокружительного быта, и смех был последним общим словом. Пересмеявшись, Блок читал свое:

Да, так любить, как любит наша кровь —
Никто из вас давно не любит. . .

Блок еще мог смеяться, так еще далек был от надвигающейся беды. Придет через два месяца: 1 мая возвращение из Москвы — совсем большой — и затвор до смерти. Май, июнь, июль и семь дней августа — агония.

Блок умер 7 августа, в день св. Гаэтана ⁴⁶ — имя из «Розы и Креста».

Блок умер, потому что умер. Срок его жизни был отмерен. Должен был и не мог не умереть. И мучения его были безмерны. (Сердце). В его смерти было роковое, как в смерти Пушкина, Лермонтова и Гоголя.

Есть тайна «слуха», а дар «слуха» тоньше и выше дара «зрения». Но этот дар «внутреннего слуха» так не проходит: что-то, как-то и когда-то случится, и вот — человек пропал. Я это говорю, раздумывая о судьбах, не вровень с обыкновенным, по невольным признаниям в предании или оставленных книгах.

Я не могу говорить о Блоке: и через десять лет — через этот «век» — я живо чувствую его живым, со мной всегда кротким, и его улыбку. Круг с каждым годом теснее. И память о тех, с кем прошла жизнь, и кто уже больше не скажет, крепка.

ПО СЕРЕБРЯНЫМ НИТЯМ

(Лития)

Наше крепкое день-изодня, много лет, и кануны и «взвихренная», наше неисчерпаемое кончилось. И серебряные нити моих сонных мыслей вдруг рассеялись.

«Умер Блок».

Серафима Павловна заплакала.

Ее горячие, ее пламенные слезы — больно человеку глядеть, и зверь различит эти слезы. Породы каменной колыбель моя — кремлевские стены, вся Москва — мне тын и на огне моя душа раскалена звенит, окаменеваю.

7 августа Блок покинул землю. И в то же самое утро 7-го — «утро туманное, утро седое»⁴⁷ — на рубеже мы прощались с русской землей. Блок в путь «всёя земли», наша дорога в чужие — и среди своих и среди языка чужого.

Со всей болью моей — горючим камнем — перед неизбежным: так оно и должно было быть, что было — «до самыя смерти».

На чужой земле похоронил я Серафиму Павловну⁴⁸ — ее живую, глубокую, необозримую память: весь Блок. И мне, полуслепому, никто уж не напомнит любимое — стихи Блока.

Я говорю о земле: чужая — но разве земля чья? Тяжелые, напоенные кровью, «свое» и «чужое» — это проклятие, эти крепости: на ногах огибни, на руках наручи, на шее цепь. . . но живому, и разве отымусь от оков, раставаясь?

«Я затеплю лампаду моей страдной веры, буду долгими ночами трудными слушать твой голос, сокровенная Русь моя, твой ропот, твои стоны, твои жалобы» («Взвихренная Русь»).

Русский, с годами еще руше, я спрашиваю из моего затвора: заговорит ли Россия по-русски?

[Дела Петра не поправишь, русский природный лад — вон — с корнем. Но «живая вода» — природа речи — никогда, ни под «французской какой модой», ни под какой «немецкой грамматикой», не иссякала. Оживить серую, в «немецких» шорах, книжную русскую речь, освященную великими произведениями русских писателей.]

А Вы, Александр Александрович, вспоминаете Россию?

Часто за эти годы, посмертные, свился мне Блок. А что, как не сон, единственная у нас, живых, связь с тем миром? По желанию только в «Тысячи и одной ночи» сны снятся; сны не прошены, не зованы, они сами приходят.

Вы приходите ко мне по серебряным нитям так же легко и воздушно, как сильфы с трепетом, голубое, и детской улыбкой. Конечно, вы вспоминали Россию не раз и никогда ее не забудете — через меня вспоминаете там: горячо и всецело люблю н а с т о я щ у ю, п р о ш е д ш у ю и б у д у щ у ю Русь.

Гость или изгнанник. Гадаю. Нет, тут мы с вами по-разному.

Про себя хочу думать, я гость в этом чудесном мире — его, горечью отравленное счастье и его, мне особенно по душе, «бессмыслица» и «безобразье», и я не какой-нибудь гость выдающийся, но и не такой, «которого не велено пускать»: «подстриженными» глазами⁴⁹ кротом тычусь, при свете мне очень неловко, и никогда за всю мою жизнь не приходилось присесть к столу по-человечески. Слава богу, нынче мне ничего, пока что, а то, нищетою забит, спички считал и лаялся. Александр Александрович, про это я с вами, чего вы не знаете, разговариваю. Тоже все ваши стихи переслушал, носом клюя, ничего не поделаешь, не сердитесь.

БЛОК

Портрет работы А. М. Ремизова (тушь), 1926 г.,
Париж
Частное собрание, Англия

БЛОК

Рисунок А. М. Ремизова, 7—8 февраля 1941 г.
(тушь)
Центральный архив литературы и искусства,
Москва

А вот Блок — не гость, Блок — изгнанник. За какой грех или за какое преступление? В «Красной свитке» черта выгнали из пекла: «пожалел» — там это не годится⁵⁰, а Блок — не из пекла, и всю-то жизнь в чем-то винулся.

Заклейменные, как и его брат Бодлер, как Гейне — которого так любил⁵¹, и на земле жизнь свою он мучил. Боль — ее не скроешь, и тоска, пронизывающая стих, и это пение (пускай цыганское!) — напев подгудных песен отмеченного судьбой.

И какая потерянности среди людей. И только в пьяне можно еще как-то осмелеть и смотреть в глаза, ответить, не спотыкаясь, хотя бы и не то.

Блок заболел весь, «всем человеком», как Аполлон Григорьев⁵². С Блоком много сходства, только Блок без голоса, а Григорьев под гитару цел свою «Венгерку»: «Две гитары за стеной жалобно завывли». . . (Воспоминания Фета)⁵³. Впрочем, один конец: срок отбыл, собирай вещи и домой, живо! Блок обрадовался, заснешил, тут ему и дух вон. И понесет он только свою совесть — совесть, говорят, надо проверять разумом, а какая ж там логика! — совесть наша не легкая.

А помните, Александр Александрович, в такой же затаенный, как сейчас, без солнца и без грозových туч, теплый, серый летний день, бродя по опустелому Парижу⁵⁴, мы зашли в Сорбонну и по пустым залам ходим — и с тем же благоговением, неизбежным для Достоевского на всю жизнь: «старые камни Европы» и «дорогие могилы». Мы ступали по следам Петра, Тредиаковского, Кантемира, Фонвизина, Карамзина, Тургеневых, Гоголя, Герцена, Погодина, Шевырева, Хомякова, И. С. Аксакова, Аполлона Григорьева. Мы — только «странники с русской земли». Странником с русской земли, так и живу, и никогда недогадаться, что здесь из моего по сердцу, говорю и отвечаю,

в темную, простой народ меня «гулящего», принимает за китайца: «забеглый Китай», фамилия трудно выговаривается. Но ваше имя всеми буквами прозвучало ныне по-французски, на русском Купалу⁵⁵, здесь, в единственном городе, Париже, в единственной Сорбонне, как свое, и среди теней Сорбонны я различаю вашу тень — Шатобриан, Ламартин, Гюго, Мюссе, Верлен. . . а слова о вас *Sophie Bonneau «L'Univers poétique»*⁵⁶ — венок на ваше измученное сердце.

В ту ночь — Купальская — после волшебного дня «мировой поэзии» серебряные нити — мои сонные дороги увели меня далеко, и я очнулся под Москвой в Звенигороде. В детстве не раз стоял я там, на лугу у леса, и вот опять глазами к тихим полевым цветам. И все это живое пестрое тянется ко мне, выговаривая тонко-цветно, по-цветочному. И потому что я один, я понимаю, по ответить не могу. Пасмурный день сторожит меня кукушкой. И такое чувство — я, как тот пустынный, заслушался, птичка поет, думал, с час, а прошло тысяча лет.

И какой бедной глянула на меня моя нарядная цветная, вся в серебре, стена, — кукушка не кукует, — за окном в гараже зудит автомобиль, и только книги — мой пасмурный день.

Александр Александрович, какие мы за эти годы! ошеломила ли душу изводящая тревога или непоправимое — утрата — злее совести? Слова стертые, куды или топор, сказки забыты, и только все около носа без всякой дали — и разве неисследимая жизнь так убога? В серебряные нити снова вломились тугие мысли дня — сон без сновиденья.

Александр Александрович, если бы вы знали, как я радуюсь всякому с воли залетевшему листку, всякой зеленоглазой травке — пусть на ногах занесли, всякому теплому перышку, всякой игре волны — морской раковинке; и какое счастье, на лице человека встретить детскую улыбку. Я вас всегда помню.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ «Голос России», 8 января 1922 г. См. также: Алексей Ремизов. АХРУ. Повесть Петербургская. Берлин—Пб.—Москва. Изд. Г. И. Гржебина, 1922.

² Приводимые Ремизовым строки представляют собой реминисценцию иливольный перевод шекспировского текста: «. . . И ночные твари // Таких ночей боятся: ярость неба // И хищников, привыкших к мраку, гонит // В пещеры, в норы. Как себя я помню, // Подобных молний, и раскатов грома, // И воя бури с ливнем — я не слышал и не видал. // Не вынести человеку такого ужаса!» — В. Шекспир. Король Лир. М.—Л., «Искусство», 1937, с. 120.

³ «. . . Гоголевская гномическая галерея: пройдите на собрания, на съезды, на конференции, на благотворительные балы и вечера: безответственно цеголоют своей авангардностью среди людей, которым все надоело, а с щегольством, конечно, связывается и выгода <. . . > Это люди, одержимые ложью, прогневившие ложью: самое модное в Европе — «коммунизм, глаза на СССР, ничего непонятного тут нет, надо спасаться», и в богатых салонах игра в этот авангард и люди, никогда не рискующие ехать в СССР ответственно». — А. Ремизов. Здешний Сатирикон. — ПГАЛИ, ф. 420, оп. 4, ед. хр. 9, с. 2—3.

⁴ А. Ремизов. Петербургский буерак. Шурум-бурум. — ЦГАЛИ, ф. 420, [оп. 5, ед. хр. 18, с. 6.

⁵ Федор Федорович *Кокочкин* (1871—1918) — один из основателей партии кадетов, юрист, публицист, депутат Первой Государственной Думы, член Временного правительства. Андрей Иванович *Шингарев* (1869—1918) — кадет, депутат Государственной Думы, член Временного правительства. В январе 1918 г. были убиты матросами-анархистами. Об этом эпизоде см. записи Блока от 8 и 9 января 1918 г. (ЗК, с. 382—383).

⁶ Современники Блока неоднократно писали об особой манере и мастерстве чтения Блоком своих стихов. Подробный анализ декламаторского искусства поэта содержится в статье С. И. Бернштейна «Голос Блока» (1921). См.: «Блоковский сб.», 2, с. 454—525. В «Примечаниях» к статье указаны работы, в которых содержатся характеристики и оценки чтения Блоком стихов.

⁷ Наталья Кодрянская, Алексей Ремизов. Париж, 1959, с. 103.

⁸ Александр Борисович *Кусиков*. (Кусикян) (1896—?) — Поэт-имажинист. После Октябрьской революции — эмигрант.

⁹ См. об этом в кн.: Наталья Кодрянская, Алексей Ремизов, с. 104.

¹⁰ Alexej Remizov. La Russie en Tourmente. A la memoire d'Alexander Blok. 47 dessins en blanc et en noire et en couleur pour illustrer du poeme «Les douze». Textes russe,

français et allemand. Les Editions TCAISLA, Paris, 1931. Exs. unique». — См.: ЦГАЛИ, ф. 420, оп. 4, ед. хр. 37.

¹¹ «Вопросы жизни» — журнал, созданный на основе журнала «Новый путь». Орган группы философов-идеалистов и писателей-символистов. Ремизов заведовал конторой журнала. Издатель — Дмитрий Евгеньевич Жуковский.

¹² «Пруд» (1902—1903) — первый роман Ремизова, печатался в 1905 г. в журнале «Вопросы жизни», в 1908 г. вышел отдельной книгой в петербургском издательстве «Сириус». См. вступительную статью.

¹³ «Бесовское действо» (1907) — драматическое произведение Ремизова. Постановка «Бесовского действа» была осуществлена в 1908 г. на сцене театра В. Ф. Коммиссаржевской. Режиссером спектакля был Ф. Ф. Коммиссаржевский, декорации написал М. В. Добужинский.

В статье «Литературные итоги 1907 года» Блок характеризует «Бесовское действо» как произведение, которое «заставляет нас думать, что писатель обещает стать хорошим драматургом: так строится развивается действие и такой по-своему легкий, живой и острый диалог открыл автор даже в своей темной стихии» (V, с. 227).

¹⁴ Евгений Васильевич Аничков (1866—1937) — историк литературы и критик. Был активным членом нефилологического общества при Петербургском университете.

¹⁵ Имеется в виду книга Аничкова Е. В. «Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян», ч. I—II. СПб., 1903—1904, которую широко использовал Блок для изучения французского средневековья во время работы над драмой «Роза и Крест». См. примечания Блока к драме «Роза и Крест» (IV, 512, 518, 520).

¹⁶ «Калечина-малечина» — детская игровая песенка из книги Ремизова «Посолонь» (М., изд. журнала «Золотое руно», 1907). «Посолонь» — сборник мифов и оригинальных сказок, написанных в 1900—1906 гг. В дарственной надписи жене на VI томе собрания сочинений (СПб., «Сириус», 1910—1912) Ремизов писал: «Посолонь! Больше такого не напишу: это однажды <...>. Посолонь из самых земляных корней. Это молодость» (А. М. Ремизов. Избранное. М., «Художественная литература», 1978, с. 506). В примечаниях к книге Ремизов объясняет ее название построением: «Посолонь — по солнцу, по течению солнца <...> содержание книги делится на четыре части: весна, лето, осень, зима, — и обнимает собой круглый год. Посолонь ведет свою повесть рассказчик — «по камушкам Мальчика с пальчика», как солнце ходит — с весны на зиму». (А. М. Ремизов. Избранное, с. 393).

¹⁷ С марта 1918 г. по июнь 1919 г. Блок работал в репертуарной секции Театрального отдела (ТЕО) Наркомпроса. Заведовала ТЕО Ольга Давидовна Каменева. С 4 октября 1918 г. по 3 марта 1919 г. Блок был председателем Репертуарной секции. Членом секции, наряду с другими видными литераторами, учеными и критиками, состоял и А. М. Ремизов. Подробно о работе Блока в ТЕО см. в статье Ю. К. Герасимова «Александр Блок и советский театр первых лет революции (Блок в репертуарной секции Театрального отдела Наркомпроса)» — «Блоковский сб.» 1, а также статью Н. И. Дикуншиной «Блок и Луначарский» в наст. томе.

¹⁸ ПТО — Петроградский Отдел театров и зрелищ, которым заведовала драматическая артистка, видный деятель театра, Мария Федоровна Андреева (1872—1953).

¹⁹ См. п. 89, прим. 2.

²⁰ Анатолий Федорович Кони (1844—1927) — судебный деятель, писатель, академик, член Комитета Дома литераторов в Петрограде. Нестор Александрович Котляревский (1863—1925) — историк литературы, академик, председатель Комитета Дома литераторов. В январе 1921 г. Блок был также избран членом этого Комитета. В замечании Ремизова выразилось, по-видимому, присущее и ему и Блоку недоверие к представителям до-революционной либеральной профессуры, стоявшей на позициях буржуазной историографии. Ср. отрицательную оценку книги Н. А. Котляревского «М. Ю. Лермонтов. Личность поэта и его произведения» (1905), данную Блоком в статье «Педант о поэте» (V, 25).

²¹ Илья Ионович Ионов (Бернштейн) (1887—1942) — поэт, в 20-е годы — заведующий Петроградским отделом Государственного издательства. Ионов в эстетически преиществовал изданию произведений Блока в издательстве «Алконост». Отношения особенно обострились в начале 1921 г., однако в апреле ссора закончилась «покаянием» Иопова (VII, 351, 352, 397, 420). Подробно история сотрудничества Блока в издательстве «Алконост» и история взаимоотношений поэта с И. И. Ионовым изложены в статье И. А. Чернова «А. Блок и книгоиздательство «Алконост»» — «Блоковский сб.» 1, с. 530—538.

²² Юрий Никандрович Верховский (1878—1956) — поэт и историк литературы, приятель Блока и Ремизова.

²³ В «Зеленом сборнике» (СПб., книгоиздательство «Щелканово», 1905) были помещены стихи Ю. Верховского, Вл. Волькенштейна, К. Жакова, М. А. Кузмина, прозаические произведения П. Конради и Вяч. Менжинского. Блок откликнулся на сборник рецензией («Вопросы жизни», 1905, № 7), в которой, в частности, писал: «Сильнее всех — Юрий Верховский, умеющий разнообразить размеры и владеющий стихом лучше всех. Может быть, для него всего опаснее литературное поглощение; среди действительно свежего попадаете искусственное — обилие эпитетов, дурная спайка сильных стихов с бессильными и гладкими» (V, 578).

²⁴ Вячеслав Рудольфович Менжинский (1874—1934) — в молодости — писатель, революционный деятель, большевик, помощник Ф. Э. Держинского, начальник ВЧК.

²⁵ Чествование М. А. Кузмина в связи с пятидесятилетием со дня рождения состоялось

29 сентября 1920 г. на вечере в Доме искусств. Блок выступил с юбилейным приветствием от имени Всероссийского союза поэтов (VI, 439). С речами выступили также Н. С. Гумилев, Б. М. Эйхенбаум, В. Чудовский, С. М. Алянский, В. Б. Шкловский, В. Ховин. В заключение вечера читал свои стихи М. А. Кузмин.

В ЦГАЛИ (ф. 420, оп. 1, ед. хр. 88) хранится написанное Ремизовым приветствие М. А. Кузмину, помеченное 29 сентября 1920 г.

¹⁶ «Панельная сворь» — рассказ Ремизова (1921) — впервые в сб. «Шумы города», изд-во «Библиофил», Ревель, 1921.

¹⁷ Стихотворение Блока «Унижение» (1911) — III, 31.

¹⁸ Любовь Александровна *Дельмас* (1884—1969) — оперная певица, близкий друг Блока.

¹⁹ 13 февраля 1921 г. Блок выступил с речью «О назначении поэта» на вечере памяти Пушкина в Доме литераторов. В феврале состоялось еще одно его выступление, посвященное Пушкину, — в Петроградском университете. В редакционном предисловии к сборнику «Пушкин, Достоевский», где была напечатана речь Блока, в частности, говорится: «Равно было всегда, и особенно в последние годы, отношение к Блоку, но то, что он сказал о Пушкине, и то, как он это сказал, — с какой-то особенной внешней отчетливостью, с какой-то убежденной твердостью, — захватило всех, отразилось в слушателях не сразу осознанным волнением, вызвало долгие рукоплескания и возбудило долгие разговоры» («Пушкин, Достоевский», Пг., изд. Дома литераторов, 1921, с. 4).

²⁰ Алконост — прозвище С. М. Алянского по названию издательства. В январе 1921 г. С. М. Алянский женился на Надежде Львовне Гинзбург. См. запись Блока в дневнике от 4 января 1921 г. (VII, 390).

²¹ Контрреволюционный мятеж, поднятый в Кройштадте 28 февраля 1921 г. Мятеж был подавлен 18 марта.

²² 10 августа 1921 г. Блок был похоронен на Смоленском кладбище. 27—28 сентября 1944 г. прах поэта был перенесен на Литераторские мостки Волкова кладбища.

²³ Имеется в виду арест группы литераторов, печатавших свои произведения в изданиях левых эсеров или близких к левозероверским кругам, произведенный в Москве и Петрограде после ликвидации партии левых эсеров. В числе арестованных на короткое время были Блок и Ремизов (Блок был задержан с вечера 15 до утра 17 февраля). После допросов, установивших непричастность арестованных к партии левых эсеров, они были освобождены. Арестованные содержались в помещениях ВЧК на Гороховой улице. Подробно об этом см. в воспоминаниях А. З. Штейнберга (сб. «Памяти Александра Блока» Пг., изд. Вольфила, 1922, с. 35—53). См. также записи Блока в дневнике от 15, 16, 17 февраля 1919 г. (VII, с. 449—450).

²⁴ Яков Петрович *Гребенщиков* — библиотекарь Ленинградской Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, страстный энтузиаст, собиратель и знаток книги, друг Ремизова. Я. П. Гребенщикову Ремизов посвятил отдельный мемуарный очерк, включенный в книгу «Петербургский буерак».

²⁵ Радоница (или радуница), Семик, Дмитровская суббота — народные религиозные праздники, уходящие корнями в язычество, у христиан соединяются с обрядом поминовения усопших. На Радоницу (по Далю — то же, что праздник «Красная горка») люди, приходя к могилам умерших родственников, кладут на могилы пасхальные яйца, как бы «христосуясь» с умершими.

²⁶ Ремизов послал Блоку нарисованный цветными карандашами «знак I степени с заяшным глазом». См. письмо Ремизова, а также воспроизведение рисунка в наст. томе.

²⁷ Павел Елисеевич *Щеголев* (1887—1931) — историк, редактор журнала «Былое», один из организаторов Музея Революции в Ленинграде.

²⁸ Евгений Павлович *Иванов* (1879—1942) — литератор, близкий друг Блока.

²⁹ Фраза принадлежит персонажу рассказа А. П. Чехова «Человек в футляре» Ивану Ивановичу Чимпе-Гималайскому (А. П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем в 30-ти томах, т. 10, М., «Наука», 1977, с. 54).

³⁰ Строка из 1-й главы поэмы «Двенадцать» (III, 349).

³¹ Имеется в виду рассуждение героя повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» и рассказчика о двух различных психологических типах людей. (Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30-ти томах, т. 5. Л., «Наука», 1973, с. 103—104).

³² Строки из книги «Бракосочетание Рая и Ада» (1793) английского поэта, художника и иллюстратора своей лирики Уильяма Блейка (1757—1827) в переводе Ремизова. В переводе А. Сергеева эти строки звучат так: «Не склонный к переменам ум — стоячая вода, в воображении его — нечистых гадов рой» (Уильям Блейк. Стихи. М., «Художественная литература», 1978, с. 266).

³³ «Плачущая канава» (другое название — «Ров львиный») — неопубликованная повесть Ремизова, над которой он работал в 1914—1918 гг. Повесть написана в традициях русской реалистической прозы на материале «жалкой» беспросветной жизни «маленьких людей» — мелких чиновников. Рукопись хранится в ИРЛИ.

³⁴ «Крестовые сестры» — повесть Ремизова, впервые опубликована в сб. «Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник», кн. 13, СПб., 1910. Писатель считал это произведение этапным для своего литературного развития. В дарственной надписи С. П. Ремизовой-Довгелло на втором издании повести Ремизов написал: «Должно

быть, больше такого не напишу по напряжению, по огорчению против мира» (Наталья К о д р я н с к а я. Алексей Ремизов, с. 168).

⁴⁵ Рассказ был опубликован в сб. «Шумы города» (1924).

⁴⁶ Гаэтан (Каузатано), испанец по происхождению, основатель монашеского ордена театинцев в Италии в 1524 г. Католический святой, канонизирован католической церковью в XVI в. День св. Гаэтана празднуется 7 августа по новому стилю. (См.: *Nuevo Pequi eño La Rouseleustrado*. <13-е изд.> Paris, 1963, с. 1148).

⁴⁷ Первая строка из стихотворения Тургенева «В дороге» («Вариации», 1843), взятая Блоком в качестве эпиграфа к стихотворению «Седое утро» («Утреет. С богом! По домам!» — III, 207).

⁴⁸ С. П. Ремизова-Довгелло скончалась в Париже в 1943 г.

⁴⁹ Ремизов неоднократно возвращается к этому образу, намекая на свою сильную близорукость, которая, по мнению писателя, создавала не только определенные жизненные неудобства, но и давала возможность своего, особого, присущего только ему, взгляда на мир. «Мои подстриженные глаза, — писал Ремизов, — развернули передо мной многомерный мир лун, звезд и комет, и блестящие облака, аура вокруг живых человеческих лиц. . . Эти глаза подняли меня в мир сновидений, а также открыли дорогу в подземную глубь черной завязи жизни» (Наталья К о д р я н с к а я. Алексей Ремизов, с. 96). «Подстриженными глазами» — название автобиографической книги Ремизова (Париж, 1951).

⁵⁰ В 1919 г. Блок занимается подготовкой издания произведений Гейне в России. В издательстве «Всемирная литература» им 25 марта 1919 г. был сделан доклад, в котором говорилось, в частности, о месте Гейне в европейской культуре, о проблемах и судьбах европейской и мировой культуры. Личность, творчество и судьба Гейне рассматриваются Блоком в докладе и написанной 17 июня того же года статье «Гейне в России» во многом в рамках идей, нашедших полное выражение в статье «Крушение гуманизма». Судьба и личность Гейне глубоко затрагивают Блока, ему близка как «романтическая ирония» немецкого поэта, так и сплетение трагических противоречий в его судьбе. Блок анализирует различные переводы Гейне на русский язык и составляет примерный список его произведений для новых переводов. Помимо этого, в статьях «Герцен и Гейне» и «О иудаизме у Гейне» Блок останавливается на выяснении духовной причастности Гейне к самым глубоким проблемам мировой истории, борьбе идеологий и различных философских начал. Блок выступает и как переводчик Гейне, причем такие переводы, как «В этой жизни, слишком темной», «Сырая ночь и буря», «Вечер пришел безмолвный» и другие, стали классическими. Первые переводы из Гейне сделаны Блоком еще в 1909 г. и опубликованы в периодической печати в 1910—1913 гг. В связи с редакторской работой над собранием сочинений Гейне, Блок в 1920—1921 гг. переводит отдельные стихотворения Гейне и редактирует и перерабатывает ряд переводов других авторов. О работе Блока над переводами Гейне см.: III, 638—639.

⁵¹ В «Сорочинской ярмарке» Н. В. Гоголя Кум Цыбуля рассказывает приехавшему на ярмарку Черевикю историю о черте в «красной свитке», выгнанном из пекла на землю за совершенное им доброе дело (Н. В. Г о г о л ь. Собр. соч. в 7-ми томах, т. 1, М., «Художественная литература», 1976, с. 27—28). Образ выгнанного из преисподней черта широко используется Ремизовым в его работе о Гоголе. См.: Алексей Р е м и з о в. Огонь вещей. Сны и предсенье. Париж, изд. «Опleshник», 1954.

⁵² Ремизов не случайно сопоставляет судьбы Блока и Аполлона Григорьева. Блок любил Григорьева, неоднократно писал о «богатом царстве его мыслей», о глубине и тонкой пронизательности его ума, о его громадном художественном даровании. Блок высоко оценивал творчество Григорьева, в частности, считал его одним из тех немногих переводчиков Гейне, которые поняли дух его поэзии. На примере А. Григорьева Блок проследживает пути русской интеллигенции, начиная с 40-х годов XIX в. Блок отмечает своеобразие критического мышления Григорьева, высказавшего наиболее значительные суждения о творчестве Гоголя. В 1914—1915 гг. в связи с пятидесятилетием со дня смерти Григорьева Блок принял заказ от книгоиздателя К. Ф. Некрасова на редактирование собрания стихотворений поэта. Блок с увлечением работал над вступительной статьей и примечаниями к книге «Стихотворения Аполлона Григорьева. Собрал и примечаниями снабдил Александр Блок». (М., изд. К. Ф. Некрасова, 1916). См. также статью Блока 1918 г. «Что надо запомнить об Аполлоне Григорьеве» (V, 487; VI, 26—28).

⁵³ А. А. Ф е т. Ранние годы моей жизни. М., 1893.

⁵⁴ В 1911 г. Ремизов с женой впервые выехали за границу, во Францию, где встретились с Блоком и Л. Д. Менделеевой-Блок.

⁵⁵ «Купальская ночь» — ночь накануне Ивана Купалы, с 23 на 24 июня, последний день летнего солнцестояния. С этого дня солнце поворачивается на зиму — «солнцеворот».

⁵⁶ S. Laffitte [Sophie Bonneau]. *L'univers poétique d'Alexander Blok*. Paris, 1946.

Монография состоит из двух частей. 1-я часть — опыт исследования поэтики Блока, духовной и нравственной проблематики его поэзии, природы его поэтического вдохновения. 2-я часть посвящена анализу драматургии Блока.